

Анри Коломон

**ФРАНСУА
И МАЛЬВАЗИ**

І ТОМ

Анри Коломон
Франсуа и Мальвази. I том

«Издательские решения»

Коломон А.

Франсуа и Мальвази. I том / А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4483-0662-4

Историко-приключенческий роман. Действия происходят на фоне войны за Испанское Наследство в начале XVIII века по Рождеству Христову.

ISBN 978-5-4483-0662-4

© Коломон А.
© Издательские решения

Содержание

Книга I. Ах, покойный месье де Жонзак!	6
Пролог. – де Морне – д'Обюссоны?	7
Глава II. Семейство Обюссонов	18
Глава III. Ночное происшествие, с последующим отъездом в Париж	24
Глава IV. Вьеннское совещание	30
Глава V. Разъезд	34
Глава VI. Кровавая развязка	38
Глава VII. А банда совсем не распалась	48
Глава VIII. Внимание его Величества французского короля Людовика XIV, проявленное к кровавым событиям в собственной стране, происшедшим не так далеко от Парижа, и вовсе близко от Орлеана	53
Глава IX. Повествующая далее...	55
Глава X. В которой Метроне хорошо Приехав еле выбрался обратно	63
Глава XI. Которая объясняет, почему не приехал Гийоме	76
Глава XII. Возвращение	79
Глава XIII. Парижские холода	83
Глава XIV. Учитель фехтования	91
Глава XV. Меч – сувенир	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Франсуа и Мальвази I том

Анри Коломон

© Анри Коломон, 2019

ISBN 978-5-4483-0662-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I. Ах, покойный месье де Жонзак!

Пора-пора-порадуемся
На своем веку
Красавице и кубку
Счастливому клинку!

Пока-пока-покачивая
Перьями на шляпе
Судьбе не раз шепну:
Мерси боку! Мерси боку!

Опять скрепит —
По-тер-тое седло
И ветер бередит
Былую рану...

Куда ж вас сударь!
К черту занесло?
Не уж-то вам покой
Не по-кар-ма-а-ну?!

Пролог. – де Морне – д'Обюссоны?

В тот самый июльский день, с коего начинается наш рассказ, стояла нестерпимая жара, как и во все дни знойного лета 1705 года, выдавшегося засушливым, неурожайным, что тяжело отразилось и на без того слабом состоянии Франции.

Шел четвертый год войны за Испанское Наследство, общеевропейской войны, которую вела Франция со слабыми союзниками, против чуть ли не всей Европы, ради прочного установления на испанском престоле династии Бурбонов в лице Филиппа V ... и только ради этого.

Естественно это не могло не сказаться на настроении обнищавшего народа. Недовольства, частые волнения, а на юге многолетнее восстание Камизаров с разбоем и бандитизмом – все это указывало на нестабильную обстановку в самой Франции... Однако дальнейшее наше повествование пойдет вовсе не об этом, и даже не о войне.

После общего обзора внутреннего положения в стране в ту далекую эпоху, перенесемся же на ее запад, от гор Центрального Массива почти к самой Атлантике, а именно в старинную провинцию Ангулем, не затронутую ни войной, ни восстанием, но засухой. Если смотреть с высоты птичьего полета над тем местом, откуда все началось, то вполне отчетливо можно будет увидеть синюю гладь Бискайского залива, сливающуюся на горизонте, голубовато-белую на отмелях, откуда спокойные волны океанского залива непрерывно накатываются на песчаный берег.

На суше же преобладал сохлый цвет выжженной травы, серо-желтый полей пшеницы, радующий глаз темно-зеленый – островов леса, одиноких раскидистых сосен и дубов, пойменных лугов у извилистой руслом реки, пересекаемой дорогой по мосту.

И вот на этой самой дороге, выходящей из старой густой дубравы, так же оттуда можно заметить выскочившего во весь опор всадника на коне, пока за дальностью расстояния кажущегося точкой.

Но по мере того как он все время неустанно погоня приближался, можно было совершенно не напрягая зрение, в подробности разглядеть, что взмыленный конь – буланой масти, а несомый им наездник представляет собой мужчину с возрастом, в коем его вполне можно отнести к молодым старикам, но можно и воздержаться, если учесть по тому же лицу изнуренность и переживаемые треволения.

С напряжением вглядываясь вперед, он казалось не видел ничего вокруг себя, поглощенный созерцанием очертаний вдали.

Продолжая и далее более внимательно разглядывать седока, нельзя не заметить дорогой шляпы с подогнутыми полями, несколько не скрывающие седоватые волосы, сбившиеся в пряди. И если определять по этому извечному барометру старости – седине, то по тому как они ею были убелены, ему можно дать лет... пятьдесят, пятьдесят пять.

Сосредоточенное выражение придавало лицу оттенок гордости и достоинства, но в то же время не лишало простоты и мягкости.

Рено, а именно так его звали, не принадлежал к дворянскому сословию, но длительное пребывание в той среде, наложило неизгладимый оттенок бесстрастия и внимательности, проглядывающиеся даже сейчас.

Среднего достатка покроей, совсем не камергерского камзола, даже костюма, ладно облегал фигуру, не склонную к полноте, что в такие годы также облагораживало и внушало если не почтительность, то пресекало любую наглость по отношению к нему, чему способствовала так же длинная шпага, бьющаяся об сапог, звеня о шпору и стремя. Бешеные скачки дали желаемый результат. Очертания вдали вскоре превратились в замок на возвышении вблизи. Но в то же время конь устал настолько, что не мог достаточно высоко поднимать передние ноги и пылил ими о толстый слой придорожной пыли. Но было заметно и другое: конь, почувство-

вав, что конец мучениям и есть тот знакомый замок впереди, чувствуя прилив сил, стал в состоянии продолжить скачку с той скоростью, с какой его гнал хозяин. Последний этап – подъем в гору, где на самом высоком месте испокон веков стоял старинный замок готического стиля эпохи раннего средневековья, заметно разросшийся новыми пристройками к настоящему времени. Высокие шпили с позолоченными флюгерами свидетельствовали о достатке владельцев и древних традициях, поддерживающихся и по сей день.

Здесь Рено не стал стегать измученного коня, пустив его своим ходом, сразу перешедшим на шаг, что вполне устраивало их обоих. Рено нужно было собраться с мыслями, подумать, а мерный шаг как нельзя более кстати подходил к такому состоянию. Наконец они достигли того места дороги, где она проходит возле низких замковых ворот, откуда далее уходит вниз к селению, именуемому, как и замок, а точнее замок, именуемый как селение – Жонзак.

Не заметив, что ворота приоткрыты, Рено постучал всяческим молотком, специально для этого предназначенным в боковую от ворот дверь. Ответили сверху с настенной постройки недовольно развязным тоном:

– Почти настежь распахнуты... Что ослеп раз..ве? – осекся вышедший страж ворот, и испугавшись своей дерзости, застыл, видя как приезжий решительно спрыгнул с седла..., но к большому его облегчению прошел мимо, лишь грубо бросив ему возжи.

Сейчас Рено было не до этого белокурого лакея, к тому же хмельного, судя по исходящему от него запаху и по тому, как не твердо он стоит на ногах.

Во внутреннем дворе замка стояло множество распряженных карет, экипажей, рыдванов, коней и слуг, съехавшихся на празднество гостей.

Сегодня 18 июля сеньору Жоффруа де Жонзаку исполнилось пятьдесят девять лет – дата сама по себе и не круглая, но отмечаемая с такой пышностью и размахом, с каким не отмечалось даже пятидесятилетие.

На первый взгляд со стороны вполне естественным может показаться, что богатый именинник на склоне лет решил пофарсить на округу, пустив пыль в глаза всему высшему дворянству провинции, в лице герцогов Ангулемских, опередив их по затратам, роскошеству и по замыслу: со множеством аттракционов, прогулок, сюрпризов... итальянский оркестр, ночью – бал-маскарад в парке, под грохот и свет петард, шутих, фейерверков, с вручением под конец дорогих подарков, а в начале райски обильное пиршество, которое к данному моменту уже во всю разошлось.

Гостинный зал полон шумливой аравы гостей: приглашенных и просто заехавших под общее приглашение. Множество столов ломилось от обильно наставленных кушаний и яств.

За одним из них в самом углу сидел и сам именинник, угрюмый и неподвижный, в окружении немногих друзей и близких, так же не позволявших себе сколь-нибудь заметного веселья, не в пример остальным беззаботно веселящимся и втихомолку осуждавшим устроителя за подобное кощунство, коим являлось это празднество в такие горестные для него времена, когда нужно бы было в память усопших носить моральный траур, не говоря уж ни о каких торжествах.

Сеньор де Жонзак понимая это, сидя клял себя сейчас, думая лишь об одном – скорее бы все это закончилось, да поскорее уединиться, отдохнуть. Ждал от праздника отдыха, забытья..., а получил ужасное состояние стыда и жгучего уныния, взамен хандры, под игривую скрипучую музыку.

После одного слишком продолжительного для него наигрыша, он привстал, но уйти не решился... взял тут же поднесенный бокал коньяка и осушил до дна.

Не приятный бархатистый вкус вина почувствовал он – горечью по сердцу разлилось от удушающей моральной пустоты, теперь уже со слабостью в голове, от которой пришлось присесть, притерпевая странный приступ тошноты.

Глянув на осушенный бокал, с досады откинул его.

Де Жонзаку вдруг стало невыносимо жаль себя. Кончалась жизнь в одиночестве и несчастьи; ни детей, ни родных, ни близких не осталось никого, кто бы живя с ним докоротал бы вместе его век. Ничего светлого впереди не ждало, только глухое одиночество, а ведь еще не так давно его дом был полон.

Снова захотелось этого самого одиночества, которое теперь перестало казаться таким пугающим, наоборот приобрело все то лучшее, которое видится в ней в таком состоянии настроения.

И у тихой, одинокой жизни появятся свои прекрасные стороны. Слуги которых он ранее мало замечал, заменят ему ушедших в мир иной родных.

Мало-помалу де Жонзак снова вернулся к тем ужасным воспоминаниям, так измучившим его душу:

Меньше полгода назад умерла жена: она не проснулась задохнувшись от цветов аспаргусов, непредусмотрительно оставленных служанкой на ночь, при закрытых дверях и окнах.

Примечательно, что служанка в слезах уверяла, будто бы сама госпожа отказалась от проветривания, а цветы могли и скопиться.

Почти сразу же после нее последовала мать. Смерть жены пагубно подействовала на нее, да и было ей под восемьдесят.

Племянника убили в парке Ангулема на дуэли. Естественно имя победителя установить не удалось, таковых почти никогда и не устанавливают, потому как выяснение отношений

таким способом строжайше запрещено еще по указам кардинала Ришелье, за что дуэлянтам и секундантам полагается суровое наказание с конфискацией имущества.

А все указывало на то, что была именно дуэль. Его труп нашли утром с проколами ран в животе и отрубленной рукой, державшей шпагу.

Он, де Жонзак надолго уехал на похороны и там узнал о гибели другого племянника, убитого в битве при Гохштедте в Баварии. Жена того, узнав об этом, отравилась в ту же ночь. Дядя, живший у него в Жонзаке, скончался по дороге на похороны, от апоплексического удара.

Похороны следовали одни за другими, так что вернуться ему в Жонзак пришлось уже опустевший, откуда разбежались, почувствовав неладное, все близкие, жившие с ним во времена благополучия, как он говорил: «как крысы с тонущего корабля».

И действительно, дом Жонзаков, некогда величественный, как корабль, оставался над водой сейчас лишь только носом. Остался только он, на нем род закончит свое существование. Правда можно объявить де Морне – его незаконнорожденного сына – Жонзаком.

Сеньор де Жонзак посмотрел на него, приехавшего откуда-то из империи, сидящего недалеко от него, от чего ему стало от этого неприятно.

Де Жонзаку сразу не понравился этот немец, полный, и этим чем-то схожий со свиньей / по его представлениям/, оскобленный, с пышной копной грязно-соломенных волос.

Временами он вызывал у него отвращение от одной только мысли, что его дом и славное доброе имя может перейти ему.

Поистине верны слухи, что над его родом веет проклятие.

Однако оставался еще его кузен, к которому он в несчастье привязался всей душой и всегда ждал его приезда, как и сейчас. Но почему до сих пор он не приехал? Давно уже было пора.

Внезапно сеньора де Жонзака поразила мысль, что его кузен не приедет на то кошунство, которое он здесь устроил. Де Жонзаку стало еще невыносимее сидеть среди праздновавших. От музыки звенело в голове; закрыв глаза, чтобы не видеть ничего, прошептал:

– Боже, как плохо.

Ему стали противны гости, только и ищущие где бы повеселиться, и в то же время дороги те близкие знакомые, что сидели за одним столом, и которым так же передалось его мрачное настроение.

Как ему хотелось видеть еще и графа Саймона, с его положительно действующей на него разговорчивостью. Тут он к вящему своему удивлению заметил в дверях Рено. «Легок на помине» – подумал он и стал высматривать за Рено того, кого так ожидал. Всматриваясь в вертящуюся толпу, де Жонзак не заметил как Рено оказался рядом перед ним. Заметив – вздрогнул!

– А... что, графа нет? – спросил он слабым дрожащим голосом, стараясь не глядеть в глаза.

– Графа нет... в живых. – ответил Рено, как можно мягче, но слова его прозвучали как приговор.

Де Жонзак, как пораженный уронил голову на стол, потеряв сознание.

Очнулся от воды, которую подала служанка Марчелла.

Слабость и тошнота не проходила. Пошли за сердечными каплями. Ему все не становилось легче. Лицо все такое же серое. Он то открывал, то закрывал глаза. От остатков воды в стакане отказался. Все же начал чувствовать, что становится лучше и причиной тому была музыка, продолжавшая бессовестно звучать. Лишь немногие в той стороне зала заметили смятение в этой, и пока только глядели...

– Да прекратите же! – крикнул кто-то из рядом стоявших, оборвав игру итальянских музыкантов. Среди гостей разносилось известие об убийстве графа Саймона, ввергая их в смятение.

Праздника как не бывало, и мог ли он быть, когда хозяина уносят в кресле, ослабевшего и в бессознательном состоянии.

Узнав почему его уносят? – От сердечного приступа, им ничего больше не оставалось делать как уезжать. И в это время другое ошеломляющее происшествие: де Морне идя, вдруг схватился за живот застонал и стал медленно валиться..., но его вовремя подхватили прежде чем он упал. Подтащили и положили на диван.

– Врача! Врача! – завизжали старые дамы, когда молодые люди спешили выйти с еще большим испугом от мысли, что и у них сейчас тоже может зажечь в груди.

Гости мало-помалу покидали дворец, с той поспешностью, с которой покидают опасные места.

Рено никем более не замеченный, чтоб не стоять так просто, подошел поближе к дивану, где врач давал де Морне какое-то снадобье, а затем стал прополаскивать взбухшие от яда десны. А так как он стоял так же недалеко и от стола, то услышал разговор двух людей между собой.

– Сюда бы и полицию не помешало. – заметил один.

– Сначала врач. Что он скажет? Что-то странным был последний приступ у месье де Жонзака.

– Говорят он душевнобольной. Я сам-то не верю этим слухам, но думаю, что после всего случившегося, с ним это может произойти.

Сзади Рено кто-то подошел и дотронулся до его плеча. Тот человек был примерно лет на десять моложе его. Держался по-джентельменски спокойно, с толикой изысканности, судя по тому с каким шиком он пил кофе, смакуя из маленькой чашечки.

– А что брата де Жонзака тоже отравили? – спросил он.

– А что разве сеньора де Жонзака отравили?

– А я и не говорил, что его отравили, отравили де Морне, потому мною и было произнесено слово «тоже».

Рено укорил себя в невнимательности, но все же жилка подозрительности в нем все же всколыхнулась.

– А что вы разве не знаете двоюродного брата де Жонзака по имени?

– И знать не хочу. Я даже не знал, что он ему двоюродным братом приходится, я просто хочу знать, как его устранили, вот и все. Что так же ядом?

– Кинжалом.

– Кинжал и яд, – проговорил человек, допив кофе. – Старая, испытанная формула.

– Две смерти за день, это только подумать? —прошептал Рено.

– Вы поразительно правы, хотя и ошибаетесь в деталях.

Собеседник поставил со звуком чашечку на стол и направился вместе с последними уходящими к выходу, от ничего не понявшего из его последних слов Рено.

Сзади опять кто-то подошел, но не оборачиваясь можно было определить, что это женщина: по характерному для нее шарканью юбок и ароматическим запахом тонких французских снадобий, которыми она благоухала.

Рено узнал Марчеллу, которая соорудив обворожительную гримаску испуга, нежно произнесла:

– Месье Рено, сеньор де Жонзак желает вас видеть. Следуйте пожалуйста за мной.

И Рено ничего не оставалось делать, как пойти за ней.

В первой же полутемной, а главное пустой галерее Марчелла вдруг остановилась, как будто испугавшись чего-то ждущего впереди... но испуг был личного характера.

С некоторое время она продолжала так стоять, видимо не решаясь чего-то сказать, бросая мимолетные взгляды.

– Вы мне что-то хотите сказать? – так и спросил ее Рено, покровительственно положив руку на плечо.

– Я? Нет! – ответила она, как очнувшись в испуге.

Тогда Рено не видя впереди ничего опасного, что могло бы остановить, шагнул вперед, но остановился от прикосновения ее ручек, обхвативших его руку и прижавших ее к своей щеке.

Тут же она упала перед ним на колени /заметим нечаянно при этом заголив свою ножку/ и со слезами стала жалобно умолять:

– Месье Рено, я узнала такое... месье Рено, умоляю вас... увезите меня отсюда! – разрыдалась она. – Они меня убьют, если я останусь здесь! это ужасное место... я чувствую этой ночью со мной что-то случится! /захныкала/... Я не знаю, что они со мной сделают, но они на все способны: вот посмотрите, что они со мной хотели сделать...

Марчелла оголила плечо и указала на шрам, опустив с наплечников полу, ранее прикрывавшую полную грудь.

– Они мне сказали, что ее ... – договорила жестом руки, – Я хотела бежать этой ночью /захлебывалась она в слезах / они поймали... Боже, что они вытворяли со мной на сеновале... я еле вырвалась. Мне было приказано подсыпать яд в бокал месье де Жонзаку и поднести. Я не сделала этого! Они убьют меня за это! Месье Рено, ведь я!...О, Боже, что со мной будет?... Вы ведь спасете меня, милый месье Рено? Ведь правда? – мучительно в волнении упрашивала она.

Поняв какого рода колебания Рено, она привстав стала медленно поправлять платье.

– Увезите меня, хотя бы до леса или первой гостиницы... – / теперь уже вспыхнула она /. – Я могу поехать сзади вас как ваш паж. Я оденусь в мужской костюм, в гардеробе их много / указала на дверь /.

– Конечно, конечно, – согласился тронутый Рено.

– Подождите! – остановила она его оглянувшись. – Вот вам ключ от него, я буду там ждать вас, закройте меня в нем, чтобы никто не вошел. С той стороны она не закрывается.

Рено открыл дверь гардероба, впустил ее. Зайдя она оглянулась.

– Я целиком и полностью вружаю вам свою жизнь, и если вы не вернетесь... – она горестно заломила руки... – ...Вы хотите посмотреть как я буду переодеваться?...

Нет границ женскому бесстыдству, в различных его вариациях, имеющих цель добиться того, ради чего они возникают, и в большинстве случаев добиваются.

Рено закрыл дверь от греха подальше, ибо грехом в то время считалось даже подобное узрение. Пошел далее вперед, и вскоре попал в смежную с кабинетом де Жонзака комнату, в которой тот лежал в окружении нескольких человек и лекаря, отсчитывавшего сердечные капли и затем давшего испить свою микстуру.

Увидев Рено, де Жонзак пожелал остаться один / в отношении всех кроме него /. Однако лакей и грузная, пожилая служанка, похожая больше на торговку, продолжали как ни в чем не бывало возиться возле него со своими делами.

Сеньор де Жонзак сначала полулежа терпеливо смотрел на них, затем резко проговорил:

– Выйдете оба!

– Да что вы, месье де Жонзак, на вас лица нет, случилось что,... выпейте морса, пожалуйста. – вступилась служанка, поднося бокал с напитком, резко отвергнутый, по больному неверной рукой, чуть не выплеснувшей содержимое.

– Если нужно будет, вас позовут! – возразил он, прерывающимся голосом, так что на лбу выступила испарина, которую служанка незамедлительно стала иссушать полотенцем.

Вырвав у нее полотенце из рук, еще раз крикнул:

– Сгинь... пошла! – добавил уже хрипло и надрывисто. И не в силах более сдерживать боль, скривился в корчах.

– Вот видите, снова нужно звать врача.

– Выйдите! – твердо приказал им Рено, тоном не терпящим возражений.

Они уставились на него, как будто только что его заметили, но шпага возымела на них должное воздействие и они тут же удалились. За их настойчивостью нужно было закрыть за ними дверь, так как разговор предстоял важный.

Де Жонзак оправился от приступа дурноты и чувствуя что это будет продолжаться недолго, как бы скорее спросил, хриплым, изменившимся голосом:

– Расскажи, как?

Немного помолчав, Рено начал:

– Мы опаздывали и выбрали прямую дорогу через лес...

...Экипаж запряженный парой белых коней быстро несся по нетвердой песчаной дороге, зарываясь колесами в вязкий слой песка и пыли, оставляя после себя самопроизвольно засыпающиеся борозды.

На одном из поворотов, Рено, сидевший на козлах, чуть не слетел с них, до того резко экипаж затормозил из-за оказавшегося под колесами бревна, ранее присыпанного. К двери подскочили четверо в сомбреро и с черными намордниками, распахнули дверцу, выстрелили.

– Негодяи! Него...

Всадили клинок упавшему в горло и выстрелили еще несколько раз. Тело графа Саймона упало с сидения на пол экипажа, заливаясь в собственной крови.

В тоже время, над их головами блеснул на солнце клинок Рено и раскроил одну из них, близ стоящему. Но не успел он опуститься вновь, как лошади, испуганные выстрелами, понесли экипаж, а трое бандитов воспользовавшись этим, спрыгнули обратно в канаву, откуда несколько секунд назад появились из-под лопухов, чтобы совершить убийство.

...Де Жонзак относительно спокойно отнесся к рассказанному и спустя минуту произнес:

– Посмотрите-ка, кто там за дверью?... Опасно! – прокричал на силу через боль.

Вытащив на ходу свою шпагу, Рено ею отворил дверь, чтоб не приближаться... ко все той же служанке, держащей в руках белье.

Не зная что делать, встал перед нею в выжидательной позе со шпагой на перевес.

– Он что, умер?... вы так... – глянула на хрипящего де Жонзака, дергавшегося всем телом от выхаркиваний и сплевывающего прямо на пол. – Возьмите полотенце, я принесла...

– Но ведь это старое, что ты уносила, вот следы. – указал кончиком лезвия.

– И впрямь, я и не заметила.

– Гони ее!... – смог выкрикнуть де Жонзак в перерыве между приступами кашля и тошноты: стал показывать рукой; удалить ее и что-то закрыть, как будто на замок. В конце коридорной комнаты Рено увидел дверь с ручным замком, за которую служанка уже успела выйти... скрывая в руках под полотенцем нож.

Закрыв эту дверь, а затем кабинетную, вернувшись подошел к сеньору де Жонзаку, корчившемуся от коликов в животе и горящего нутра. Рено испугался видимого, как будто только что поняв...

– Что смотришь?..

– Вас отравили?

– Страшно большой дозой, три раза: в бокале, в стакане воды и в каплях, и ведь тем ядом к которому я готовился...

Сеньор де Жонзак каждый раз добавлял в еду малую, совершенно безвредную дозу яда, которым по его мнению могли пользоваться преступники.

– Прошло бы побольше времени и такой дозой не уложили бы. Эх! Да что говорить!

– Кто это сделал? – произнес Рено, видя перед собой будущего мертвеца. – Эта служанка? Скажите, я их всех перебью!

– Не горячись, я позвал тебя по другому делу... гораздо более важному, чем сводить счета с...

Договорить помешал обморок. Когда де Жонзак пришел в себя, первым делом дал Рено ключ.

– Торопись, мне не долго осталось...

Рено без дальнейших указаний открыл все ящики стола. Внимание его привлек пергамент с гербовой печатью и прочими подписями.

– Ах, гады, – жаловался де Жонзак от боли не в силах более терпеть, – чего подлили...

Рено прочитал завещание, гласившее:

«Мы, Жоффруа де Жонзак, дю Туа, сеньор Жонзака, находясь в полном здравии ума и рассудка, настоящим изъявляем, что: свои родовые вотчины, вложенные в ренту с выплатой в год 40 000 ливров, вложенные в дела барона Ротшильда 320 000 под семипроцентный заклад, ровно как и все мои ссуды и векселя, а так же прочее мое имущество после моей смерти завещаю...

...Далее стоял пробел под которым были поставлены подписи завещателя и еще ниже – нотариуса.

– Чье имя вписать? – спросил Рено, чем ввел умирающего в затруднительное раздумье, заставившее его на время забыть о боли.

– Вы затрудняетесь сказать, боитесь назвать... убийцу? – продолжал Рено.

– Именно так.

– Но вписать кого-то нужно, назовите имена родственников.

– Обильно поумирали мои родственники.

– Что кроме де Морне никого нет?

– А тебе не хотелось бы его вписывать?

– Но ведь он тоже отравлен и находится по сравнению с вами еще может быть худшем состоянии.

– Как же! – услышали они голос в комнате, с последовавшим далее истерическим смехом.

Поначалу Рено не понял откуда смех исходит, но де Жонзак указал.

– За драпировками!

Но только Рено кинулся к ним, как дверца лаза захлопнулась, прежде чем он клинком одернул драпировку между углом и шкафом.

– Теперь понятно кто это сделал, они выдали его! Ваш де Морне ничего не получит! – кричал Рено в место предполагаемой дверцы, – Слышите, вы!

Рено снова стало жутко. Он сильнее сжал в руке рукоять шпаги, ожидая что дверца лаза вот-вот откроется и оттуда произойдет что-то ужасное. Эта ведьма могла быть на все способна и поэтому он задвинул дверцу стоявшим рядом шкафом.

Обезопасив таким образом это место, откуда могли бы и выстрелить, снова подошел к умирающему.

– Господин де Жонзак, зачем обязательно кому-то завещать? Нельзя ли отдать свое состояние на сборы пожертвований на войну? Монастырям, или того лучше, сиротским приютам?

– Для войны говоришь? Чтоб на мои деньги убивали австрийцев, немцев, голландцев, португальцев, савойцев или наших Камизаров? Монастырям? Но я безбожник сызмальства. Как видишь, не священника позвал, а тебя.

Попам, чтобы эта аскетическая зараза пожирнее существовала? Ты этого хочешь? – говорил он разубеждая, как будто Рено сейчас самовольно собирался завещать.

– Ну а для бедных и сирот?

– Это будет новая горестная пилюля от короля, ибо мое состояние достанется ему на войну, как достается почти все, что жертвуется. Людовик задолжал сотни миллионов, мил-

лиарды, а уж с моим миллионом не посчитается, займет, чтобы сдохнуть и не отдать. Вот так-то!

– Тогда что, остается де Морне?

– Нет, ему бы я никогда не отдал своих арендаторов... кандидат в сатрапы... Не хочу в гробу переворачиваться.

– Тогда сеньор де Жонзак, я просто теряюсь в догадках. Кому? – Рено грешным делом подумалось. – «Не вписать ли свое имя?»

– Подойди поближе, имя этого человека не должно стать известно им, иначе горе ему.

Рено подошел к изголовью и наклонился. На лбу де Жонзака выступила болезненная испарина, а язык, покрытый гнойными язвочками отказывался работать, как и зрение.

– ...Барон д'Обюссон, – прошептал Жонзак, – Кто-то из Обюссонов, мне близкий родственник...

– Но может он и есть? Как раз все три смерти ему на руку. Может служанка нарочно?...

– Смотри, сзади!

Рено обернувшись увидел падающий шкаф. В одном прыжке оказавшись у шкафа, засунул клинок вовнутрь лаза, прямо через драпировки. Крик. Еще один удар пришедшийся во что-то мягкое! Вытащив его окровавленным почти до самой рукояти шпаги, засунул его с отвращением от крови в ножны. Нетвердыми шагами Рено дошел до стола, воткнул перо в чернильницу и вписал; и только затем подумал не ошибся ли? Но ему нужно было спешить, не было времени на раздумья.

Руки его дрожали и он отбросил перо, сделавшее свое дело. Стонущий сеньор де Жонзак заставлял торопиться. Рено растопил над канделябром ком сургуча, специально для этого лежавший в нижнем ящике стола, закапал на углах вдвое сложенный документ. На сургучных печатях поставил клеммы, приставляя для этого руку сеньора де Жонзака с перстнем. Затем так же запечатал в пакет, так же поставил новые клеммы и стал дуть, чтобы скорее засохло.

Умиравший удовольствовавшись общим видом пакета с документами внутри, олицетворяющем для него самое важное в жизни, дал Рено убрать его в нагрудный карман.

– Прощайте...

– Постой, куда спешить? – улыбнулся де Жонзак в последний раз в своей жизни, и смог улыбнуться лишь потому, что боли отпустили, наступило облегчение перед смертью.

– Да, а куда ехать?

– Возьмешь моего коня со звездочкой. Скачи в Лимузен, от Лиможа на восток, до Гере, а там по реке Крез вверх. Обюссон недалеко от истока... и возьми деньги...

Рено только сейчас заметил тугой кошель в ящике стола. Схватив его подался на выход.

– Да не в ту дверь! Замок кишмя кишит ими, ты не пройдешь. – За драпировками, где стоял шкаф рядом... м-мм... – окончил стопами свою хриплую речь умирающий.

Убрав драпировки Рено увидел дверь тайного хода. Нажал на ручку и открыл ее в крошечную тьму. Обернулся назад: на глаза навернулись слезы и Рено взволнованным голосом проговорил:

– Прощайте, да будет земля вам пухом, – и ступил вниз.

Не решившись идти вниз, в жуткую неизвестность, Рено вернулся, взял свечу, последний раз бросил взгляд на сеньора де Жонзака: тяжелое дыхание переходящее в хрип, конвульсии и одышка, открытые, не видящие глаза... – предсмертная агония представляла жуткое зрелище и поэтому он поспешил покинуть кабинет, устремившись по ступеням вниз, теперь уже видя куда ступать.

Пойди он без свечи, не мудрено свалиться и до самого низа катиться вниз, скорее всего уже трупом, а не целым и не вредимым, каким он спустился со свечой.

Выбив одним пинком преградившую путь дверь, попал в какое-то складское помещение, забитое ящиками. Еле протиснулся в створ двери, открытой им насколько он смог, ока-

зался между двумя стенами ящиков, на проходе, бледно освещенном белым светом, все же позволявшем увидеть разрушенную им в стене кладку, замаскировавшую ранее потайную дверь наверху.

Откинув потухшую свечу, Рено зашагал вперед между штабелями ящиков к зарешеченному оконцу, затянутому к тому же бычьим пузырем и пропускавшему только бледный свет, жутко осветивший могильным оттенком поднимающееся из темноты видение человеческого лица, с зияющими пустыми глазницами.

Рено обмер, когда видение кинулось на него... мгновенно сработала реакция защиты: вытаскивая из ножен свою шпагу, отбил прямой удар шпаги нападавшего и одеревенелой рукой нанес удар своей, пришедшийся в горло. Только теперь ясно различил человека, захлебывающегося в своей крови, открывавшего и закрывавшего рот в безмолвном молчании, пока наконец тот не обмяк.

Не ясно воспринимая окружающее, Рено в шоковом состоянии двинулся вперед, пока не наткнулся на лежанку, где тот человек только что спал и откуда встал на свою погибель.

Пошел дальше на свой страх и риск. Окажись на его пути кто еще другой с теми же намерениями, они увенчались бы успехом, ибо состояние Рено не позволяло ему даже шпагу поднять.

Неизвестно для себя как выбрался из подвалов; ясно помнил что долго плутал и что когда выбрался, то зажмурился от ослепившего глаза яркого дневного света.

Пахнуло жарой, вместо прохладного холодка.

Вложив в ножны окровавленный клинок, направился к конюшням, по опустевшему двору.

Через минуту выехал оттуда на отличном свежем скакуне, со звездочкой, которого конюх отдал без разговоров, так как знал, кому отдает.

К этому времени пожилая служанка и лакей открыв дверь в кабинет ключами, побежали к умирающему.

– Говори, кому завещал? Говори скот... у-у дохлая тварь, – тормошила она его.

– Пить... не могу... горло...

– Сгори ты в гиенне огненной, безбожник проклятый, говори же, ну! – постоянно трясла его служанка, наклонившись над ним низко. – Говори, кому написал? Говори, а то придавлю, как щенка.

– Отстань ты от него. – сказал лакей, осматривавший все кругом.

– Пожалуй подыхай сам, а то – придушить, слишком легкая для тебя смерть, – наклонилась она совсем низко к его лицу, и шипя, плюнула.

– Сюда идут, вытри.

Выезжая со двора за ворота, Рено даже и не вспомнил о бедняжке Марчелле, то что произошло с ним слишком потрясло его.

Марчелла же находившаяся отнюдь не в закрытом гардеробе, а стоявшая у окна, как только заметила, что ее «единственно возможный защитник» уматывает, только пыль столбом, не теряя времени побежала во двор. На опустевшем дворе, если не считать нескольких экипажей, Марчелле не составляло большого труда заметить того, кого ей было нужно, то есть шедшего к ней Гийоме с подавленным и растерянным видом. Марчелла поняв в чем дело, подошла к нему, разъяренно глядя в его жесткое лицо, с острыми чертами, так пленявшими ее:

– Ну что, прошляпили?!!

– Быка убили.

– А у меня тоже новости. Жонзак завещание написал и некто по имени Рено повез его неизвестно куда. Скачи за ним и убей, оно у него!

– У того, кто заколол Быка? Благодарю покорно! Спасибо за совет. Ах, как легко их давать! Такой прелестный ротик и говорит такие мерзости.

– Дураков нет. – подтвердил подошедший за ним пьяный Аньян. / тот кто стоял на воротах /.

– Даже вдвоем? Стыд и позор. За что вас только держат. Послушай, Гийоме, добудь мне завешание, если хочешь знать, ты должен это сделать мне, мой красавец.

– Спасибо, красотка, если я его и добуду, то только не для тебя, и потом...

– Что потом?? Что потом??! Он ускакал каких-то три минуты назад.

– Зато как уметелил. – снова вступился Аньян, – Только и видели его на сеньорском скакуне. – договорил он с неуместным пошловатым хихиканьем.

– Слушай, Марчелла, а что правда мне сказали, ты раздевалась перед ним?

– Ах ты, сплетни слушал, вместо того что бы быть там где тебе следовало находиться. Слушай, Гийоме, или ты поедешь за ним, или я все расскажу. Идите выберите самых лучших коней и проследите хотя бы, если ты трус!

– А что если он в Венгрию поскакал. – лукаво спросил Гийоме.

– У него только в Германии эти дела были, – показала какие жестом обеих рук за себя, – Если добудешь завешание, то получишь тысячу рыжих лобанчиков, а пока ты и медного денье не стоишь. – со смехом отошла она от них к воротам, выглянуть посмотреть далеко ли уехал Рено?

Выбрав на конюшне лошадок получше, они подъехали к ней сзади.

– Так все-таки не дашь?

– Ни гроша!

– Я тебе этого не прощу, брошу ведь!

– Сдался ты мне размазня, давай отсюда, нюни распустил!

– Поехали, Аньян.

– Постой, Гийоме! У тебя правда с собой ничего нет? – по делу забеспокоилась она.

– Почему? Есть! Целых несколько су.

– Тогда возьми, – она сняла свой перстень и с сожалением глянув на него бросила его Гийоме, на дело.

– Вот это другое дело, прощай, красотка. – бросил ей в ответ воздушный поцелуй Гийоме, больше ее никогда не увидевший.

Примерно в это же время, когда двое наездников погнали своих коней в погоне за третьим, скончался последний из Жонзаков, сеньор Жоффруа де Жонзак. Угас еще один древний род.

Глава II. Семейство Обюссонов

Через день езды к закату следующего, посланец достиг наивысшего места дороги, огибавшей холм посередине и круто устремлявшийся в живописную сельскохозяйственную долину реки Крез.

Любой путник, будь то пеший или на коне не мог не засмотреться хоть на мгновение на открывающуюся перед ним равнинную панораму.

Рено, ехавший на свой страх и риск еще не известно к кому, вообще слез с седла, предпочитая пеший спуск, дабы посмотреть побольше вниз, как будто по владениям можно определить хозяев. Но все равно после долгой дороги полной тревог, сердце его переполняла непонятная радость.

Природа как-будто постаралась сделать обозрение захватывающим: дорога проходила близко к краю обрывистого холма-стога. Долина при багрянце заката очень хорошо просматривалась до возвышений, постепенно переходящих в лесистые холмы, поросшие широколиственными и хвойными породами деревьев до самых каменистых вершин.

По мере понижения, диких лесов становилось все меньше и меньше. Девственная природа уступала место рукотворной: виноградниках на склонах и садах на более пологих площадях. На равнинном дне долины преобладала возделанная земля злаковых, колосовых, бобовых и бахчевых культур, но это по ту сторону реки, а по эту простирались луга и покосы... одни покосы, разделенные тонкими лесными полосами, разлиновавшими их как шахматную доску до самых подножий холмов этой стороны и до виноградников взбирающихся на эти холмы.

Приятной, светло-коричневатой, начисто програбленной от окошенной травы стерней, покос был равномерно заставлен стогами сена, прикрытых на макушках попонами на случай дождя. Кое-где сено еще не было скирдено и лежало кривыми иссохшими рядами.

Какой-то крестьянин уже начал добросовестно сгребать это сено, судя по той тщательности, с какой он это делал от самых краев лесных полос.

Кстати о лесных полосах: они были не широкими – три, четыре, пять рядов, и не везде рослыми. Иногда упирались в крупные вековые экземпляры, что свидетельствовало об искусственной посадке и не так давно: с тех самых пор, как управляющим поместьем стал аббат Витербо.

Такие облесенные покосы в значительной мере меньше подвергались безводию и засухе этого года, и что самое главное – травяной покров стал намного пышнее и давал укуса значительно больше, нежели без них.

Кроме того, стало гораздо легче учитывать собранное, что и делалось почтенным старцем.

В пойме реки, даже можно не затрудняясь сказать еще речки, так как до истоков было совсем не далеко; так в пойме не смотря на небольшую ширину и правильное прямое русло, ее окружали довольно широкие пойменные луга, сочно-зеленые даже в такое засушливое время. И не удивительно, что многочисленное стадо коров паслось именно там.

В данный момент пастух вводил коров в воду: на водопой и для того чтобы они перешли реку вброд на другой берег.

В запрудах перед деревней было бело от гусей. Водились так же утки, скопившиеся серой массой в вырытом пруду, заросшим камышом и ряской.

Как и подобает деревенской идиллии, на лугу пасся конь с завязанными ногами – сюжет, без которого не обходится ни один полный деревенский пейзаж.

В просторном, раскиданном по одну сторону реки, в утопающем в садах селении Обюссон жили в основном арендаторы, возделывавшие господские земли под хлеба, окружавшие селение плотной светло-желтой массой, пересекаемой расходящимися деревенскими дорогами.

Собственных работников в поместье не хватало / после рекрутских наборов и прочих бедствий /, поэтому почти все сеньорские земли сдавались в аренду, что было так же нововведением аббата Витербо, вставшего на путь увеличения возделываемых земель вместо покосов, что стало давать сразу ощутимые результаты, резко поднявшие доходы с владения, ставшие составлять до 15—17 тысяч ливров в год.

Надо к этому добавить что Обюссонское баронство было одним из самых больших в Лимузене, занимавшее целиком почти всю долину на много миль и распространявшееся на близлежащие горы, в иных местах до трех миль шириной.

Если схематически представить долину в виде прямоугольника, то Крез, отнюдь не являлась бы его средней линией. Всевозможно петляя, она подойдя к одной стороне, далее почти перпендикулярно устремлялась к другой, на стену холмов начинавшихся возвышениями и, обогнув одно из них, слишком выдававшееся от холма-стога, текла далее, разрезая и без того разрезанную поперек долину, раздваивая левую ее сторону на две части: ближнюю покосную и дальнюю возделанную, где у реки раскинулась своими лучами деревня, с центральной артерией-дорогой, идущей от холма-стога по покосам, через реку по деревянному мосту, в полях и садах через середину деревни, пересекая Крез на второй раз по каменному и устремляясь далее вправо по лесистой местности по третьей части поместья – замковой, наиболее зажатой холмами с каменистыми вершинами и поросшими склонами.

Издали вообще казалось, что замковая часть сплошь холмистая, изрыхленная сходящими горками, заросшими одним лесом. Но это только так казалось издали. На самом же деле дорога шла опять же по покосам, чередующимися со светлыми лесками и приятными на вид смешанными дубравами, проезжать через которые представляло одно удовольствие и приятное отдохновение, какое может вызвать спокойный проезд в тени и свежести, после скачек в жару по пыли.

Постепенно конфигурация расположения деревьев стала больше смахивать на искусственную, пока совершенно не стало явствовать что это уже не рощицы, а парк, заканчивающийся садом у пустого рва, перед стеной замка, верхняя треть которой представляла собой прочную, толстую монолитную ограду из чугунных решеток.

Недалеко от стен замка в низинке находилось небольшое озеро, со всех сторон окруженное лесом и начинающее с дальней стороны зарастать. И если бы не ручей, бегущий с гор и питающий чистой горной водой водоем, выносящий в Крез менее чистую, то озеро в один бы сезон превратилось в болото.

Вода в ручье, как уже говорилось, была чистой и холодной не успевавшей нагреться на солнце, но для питья все равно брали другую, из маленького досочного сруба. Узкая тропинка вела от сруба к дороге и соединялась с ней там, где она становилась полукаменной полудеревянной, как раз там где начинался мост, перекинутый через ров на другой край, подходя вплотную под ворота.

Именно досочно-каменным был настил некогда перекидного мостика, когда это свойство мостов перед замком было наиболее ценным. Время смут и феодальных распрей кануло в Лету, вследствие чего и мост потерял свойства подниматься. Передний конец накрепко врос в цементное ложе переднего края рва, а основание оказалось в таком же положении, на противоположном крае. От бойниц – единственное что осталось от башен на воротах, уже не вытягивались массивные цепи, они давно вместе с рычагами соржавели в темных сырых подвалах.

Примечательно что хорошо сохранились толстые крепостные стены, не подвергшиеся в свое время сносу, оставшиеся в своем первоначальном виде. Объяснялось это тем, что замок представлявший собой крепость находился в долине и являлся ключом на подступах к долине и горам; поэтому не стали срывать его стены, так как крепости в пограничных районах и прочих стратегически важных местах оставляли для военных целей. И хотя Лимузен был далеко не приграничной провинцией Франции, наоборот, даже срединной, но горы... горы представ-

ляли для абсолютной власти опасность: там и мятежный феодал мог укрыться, и бунтовщики, и бандиты.

Поэтому внутренний двор замка из-за непомерно толстых стен был прямо-таки зажатым двориком, мощеным старинным булыжником. Лишь слегка обновленным и заставленным большим количеством служб, как например флигели, привратничья, дровенник, летняя кухонка и т. д. Помимо всего прочего в нем умещались: оранжерея с цветником, коим занималась госпожа д'Обюссон и конечно же находилось то, без чего не обходится ни один замок – без конюшни.

Посередине двора проходила широкая серая полоса, как продолжение дороги, вымощенная каменными квадратами до самых мраморных ступеней, в отличие от брусчатки двора не только подметаемых каждый день, но и мытых до бела.

За мраморными ступенями, за парадным подъездом шел холл, или по французски – будуар, выделанный в типичном стиле для обстановки эпохи Людовика XIV.

Далее шли одна за другой две большие залы, с очень высоким потолком и одинаковыми люстрами. Назывались залы: «передний» и «задний», и кроме того по разным от них сторонам расходилось двенадцать комнат, расположенных по высоте этих зал на двух этажах. Кухня и столовая располагались на первом этаже между двумя этими залами с выходом на улицу к летней кухне с местом для рубки мяса, а так же погребом, где кухарки все время как на них не посмотришь, возились по своим делам с продуктами, овощами и фруктами, мыли посуду и вообще занимались всеми черновыми работами, только там, скрытые перегородками.

Бертон – старый искусный повар не допускал чтобы на кухне, святом для него месте, водилась грязь, неизменная спутница таких работ. На кухне, содержащейся в исключительной чистоте Бертон занимался исключительно приготовлением и раскладыванием, куда входили только для того, чтобы взять поднос или что другое, и отнести господам в переднюю залу, где они часто за общим столом изволили обедать с замковой челядью.

А в остальное время что передняя, что задняя залы были всегда пусты. В основном, кроме хозяев и приближенных, пользовались обходной галереей по правую сторону от зал, выходящей рядом с главным входом на три мраморные ступеньки, в древнегреческом стиле, что вместе с двумя колоннами, образующими побочный выход придавало фасаду некоторое сходство с храмом.

Мрамором была облицована большая часть внутренних интерьеров замка, а так же и весь пол. Вообще барон любил этот материал и траты на него вместе с дорогими коврами отрывали на себя значительную часть доходов, но зато и внутри замка было как во дворцах высшей знати. Особой гордостью замка была задняя зала, предназначенная для отдыха, имевшая библиотеку. Там господин д'Обюссон любил принимать гостей, проводя с ними целые вечера. Соответственно и отделана она была как картинка. Самая дорогая мебель, картины, самые лучшие и ценные ковры на стенах и на мраморном полу, что очень между собой гармонировало. Барон д'Обюссон ковры не только просто покупал, но и собирал. Так самый старый считался ковер XII века, но аббат Витербо уверял, что пара персидских ковров намного старше, и если разгадать орнамент, чем он любил заниматься, то можно будет определить на сколько веков они старше, так он был уверен в их древности.

Если собирательство ковров было прихотью, а покупка лучших сортов каррарского и дьепского мрамора, и последующая им облицовка чего-либо просто увлечение, приятно улучшающая интерьер, то приобретение ценных и хороших книг, и пополнение ими библиотеки – было просто страстью, коей способствовал ученый итальянский аббат, сам будучи библиофилом и учителем.

Должность библиотекаря восьмитысячного собрания ему была приятна даже больше, чем духовная, быть наставником единственного сына барона и баронессы, ныне восемнадцатилетнего и собиравшегося учиться в университете города Тура.

За эти две должности и за третью – управителя поместья, преподобный отче получал пол тысячи ливров в год и пользовался столом, за которым всегда был разговорчивым.

И вообще аббат Витербо был приятным и сживчивым человеком, о чем свидетельствовало и то, что за несколько лет пребывания в замке и управления поместьем между ним и кем-либо не возникало никаких мало-мальски серьезных ссор за исключением как с Франсуа, но отношения между учителем и учеником – особая область взаимоотношений.

Имея низкий рост и плотно упитанную фигуру, как и подобает священникам, он всем этим подходил к своему сану, чего никак нельзя сказать о духовной деятельности, которой хватало только на вечернюю «Аве Мария» и утреннюю «Отче наш».

Каков наставник, таков и ученик, имевший ввиду эти две молитвы, да и еще пожалуй запомнивший где-то «Богородицу». Но и сказать о нем как о слабоверующем тоже было нельзя. Он относился к людям неприметно легкого верования, никогда не возносившийся к Богу ни помыслами, ни мольбами, как впрочем и проклятиями. Он верил лишь в свою судьбу, о чем свидетельствовал и его девиз: «Судьбе не раз шепну – merci beaucoup».

А по сему при поступлении в университет, благодаря образованию, которое ему дал аббат Витербо, выбирать не пришлось – на факультет естественных наук.

Однако он вовсе не собирался посвящать свою жизнь наукам, так же как и не думал чему вообще посвящать себя, ведь подобные раздумия среди аристократов его возраста считаются недостойными и глупыми.

В отличие от него самого, его родители за него уже определили ему судьбу.

Барон д'Обюссон как участник войны за Мантуанское наследство, не терял надежд, что его сын выберет служивую стезю. В Туре он нанял ему самых искусных учителей фехтования, познакомил со своими старинными друзьями по оружию, дослужившихся до высоких званий и Франсуа часто навещался в их части.

Мать же довольная тем, что сын будет учиться, а не служить, и чего доброго не воюет, твердо была уверена, что и дальше будет так же продолжаться.

Если в определении судьбы их сына взгляды расходились, то аббат Витербо убедил их в том, что для него нужно скопить денег; урезать траты настолько, чтобы вообще не тратить ни на что лишнее, тем более в неурожайный год.

В этом году по подсчетам аббата доходы должны были составить примерно двенадцать тысяч, если конечно цены не поднимутся. Размышления об этом вызывали у барона воспоминания: как он из года в год расходовал как истинный дворянин без оглядки, что сейчас его очень огорчало что, не может обеспечить сына состоянием даже в пол сотни тысяч.

Впрочем д'Обюссону – младшему, не так уж еще много лет, чтобы что-то иметь, а кое-какая сумма для него все же имелась, вложенная в нотариальную контору мэтра Марсена, в Париже, имя которого он с трудом вспомнил и нужно было долго копаться в архиве, заваленном разными бумажками, чтобы найти расписку. Дабы убедиться, правильно ли он вспомнил, да еще долго потом подсчитывать сколько за все эти годы набежало по процентам.

А вообще барон д'Обюссон был дворянин средней руки и его сыну предвиделось безбедное существование. Как будто что-то имелось за душой и у деда Франсуа, тихо проживавшего вместе с ними и со своей дочерью, его теткой.

Таковыми заботами жило семейство в году 1705 от Рождества Христова, спокойной и размеренной, как метко определяется одним словом – провинциальной жизнью, за многие времена мало чем изменяющейся.

И конечно же вечером день завершали в задней зале, собираясь вокруг стола за чашкой чая, когда можно хорошенько обсудить дела и вообще побеседовать за игрой в карты или лото; если лото – то «кричащим» был обычно аббат Витербо, даже в такое затруднительное из-за игры время, умудряющийся что-то рассказать, так вот и в этот вечер, так круто прервавший их спокойную размеренную жизнь... аббат Витербо рассказал или почти уже рассказал версаль-

скую сплетню или даже анекдот, как к ним подошел Бертон и с извинениями прервав разговор, сообщил:

– Приехал какой-то господин, имя отказался назвать, просит принять.

– Приси. – сказал ему сразу же оживившийся барон, обрадовавшийся, что к нему хоть у кого-то нашлось дело.

Бертон вышел и через некоторое время вернулся вместе с Рено, сразу же обратившем на себя пристальное внимание. Что могло быть у этого человека... подошедшего к ним ближе, с усталым видом, лениво поклонившийся им в легком движении и очень серьезно глядящим на них в глаза каждому?

Прервал воцарившуюся на минуту тишину, тепло поприветствовавший гостя и пригласивший к столу, садиться, аббат Витербо.

Рено вместо этого подошел к столу, чтобы выложить из-за пояса пакет прямо на карточки лото перед бароном.

– Не спешите вскрывать, это не письмо.

– А что же здесь?

– Завещание месье Жоффруа де Жонзака.

– Но ведь я не нотариус, чтобы хранить чужие документы, – добродушно сказал барон д'Обюссон, которому произнесенное имя ни о чем не говорило.

– Вы его наследник.

Произнесенное произвело на окружающих сильное впечатление, вызвавшее среди них заметное оживление. Даже барон и тот стал как будто что-то припоминать...

– Тогда позвольте узнать, почему господин Жоффруа де Жонзак решил передать этот документ мне? Почему не передал на хранение своему нотариусу? – излишне спросил барон д'Обюссон, стараясь не подать вида своей радости.

– Все дело в том, что люди, умирая, всегда спешат.

Сказанное Рено никого не натолкнуло ни на какую другую мысль относительно смерти, кроме как на мысль об открывшемся наследстве. Его все-таки усадили за стол и он рассказал все, что знал о состоянии наследства покойного. В основном он говорил только об очень доходных земельных виноградниковых владениях, где часто бывал.

Когда стало очень уж поздно, аббат Витербо заметил об этом, окончив затянувшуюся беседу, первым поднявшись из-за стола. Вслед за ним стали расходиться все остальные, радостно возбужденные после беседы. Барон д'Обюссон задержался, давая Бертому относительно гостя указания... и поэтому Рено представилась возможность поговорить с ним наедине:

– Господин барон, мне нужно вам кое-что сказать.

Бертон, поняв что он здесь лишний удалился выполнять распоряжения.

– Все дело в том, господин барон, – сделал Рено паузу, – что по дороге к вам у меня возникли кое какие затруднения...

– Я все понимаю, что вы хотите сказать господин...

– Себастьян Рено. Так вот господин Себастьян Рено говорит, что вы ничего не понимаете, – с улыбкой продолжил говорить он. – По дороге к вам у меня возникли затруднения совсем другого рода. – рывком вынул из ножен шпагу и показал. – Здесь кровь троих человек. И еще: о том что я привез документ вам, уже знают, за мной проследили. Так что я советую вам бросать все и скорее поезжать в Париж.

– Господин Рено, как мне все это понимать?

– На огромное состояние ныне покойного сеньора де Жонзака был положен большой глаз.

– Я понял.

Они учтиво раскланялись и вышли из зала в разные двери.

Все в этот вечер переполняло Рено удовлетворением, роскошный зал, в темноте которого он проходил, когда направлялся в залитую светом столовую. Отличный старик Бертон, как следует его накормивший и приготовивший ему постель в уютной спальне, наконец завязавшиеся с ним хорошие отношения.

– Встают у нас поздно, так что отсыпайтесь до десяти-одиннадцати. Пойду я что-то Франсуа запозднил, до завтра!

Дверь без всякого приспособления для закрытия очень смущала Рено после всего того, что он пережил, но ничего нельзя было поделать...

Рено стал устало раздеваться, при этом зевая, как вдруг услышал звон монет, кинутых на постель камзола. Присел рядом, вытащил из кармана битком набитый золотой кошелек. «Что ж другой такой не помешает».

В эту ночь Рено ложился со спокойной душой, пристанище найдено и ничто уже не угрожает его жизни. Однако свежи были воспоминания о прошлой ночи и поэтому ложась он положил шпагу в постель рядом с собой. Задув свечу, сразу же уснул.

Глава III. Ночное происшествие, с последующим отъездом в Париж

Рено спал чутким сном, иначе, после всего произошедшего с ним, было и не возможно, и поэтому он сразу проснулся от неясного шума, наподобие шороха с приглушенными разговорами.

Вскочив со шпагой в руке, он застыл, весь превратившись в слух. Сейчас явственно услышал приближающиеся шаги нескольких человек и их приглушенный разговор.

«Вот как значит „до завтра“?!» – прошептал он, хватая камзол, чтобы не сражаться голым... одеваясь пришла светлая мысль – бежать через окно, благо первый этаж...

Вместе с тем как шумы стали стихать, сразу же подумалось, что страхи напрасны... и действительно боязни того, что его хотят убить, при дальнейшем осмыслении показались ему настолько надуманными, что он устыдился собственных подозрений, если не сказать трусости. И как бы в подтверждение правильности этих суждений шум как-то сразу стих, но тут по галерее прошел кто-то возле самой двери. Ему показалось что что-то случилось, а может быть просто готовились к отъезду. Видно барон не стал терять даже ночи.

Рено решил проверить так ли это, но прежде он как следует оделся, вложил шпагу в ножны и направился к двери. Выглянув в коридор и не обнаружив там ничего кроме темноты, решил направиться в ту сторону, где стихли шаги. Попав в Заднюю залу, увидел полоску света, лежащую на полу от приоткрытой двери.

Подожел поближе и заглянул: увидел господина д'Обюссона и старика Бертона, что-то ему расстроено говорившего.

Заходя во дверь Рено неожиданно для себя вздрогнул при виде крови на полу и лежащего раненного юношу, перевязываемого аббатом Витербо с помощью слуги.

– ... Я побежал на крик, сам стал кричать, – вздыхал горестно старик, со страхом поглядывая на неподвижное и бледное лицо. – А возле самого озера я увидел, как этот человек уезжает на лошади, а его я нашел вот таким, боже мой! Не приведи господь!... – запричитал он, не сдерживая слез от мысли, что может никогда больше не увидеть своего мальчика, которого растил и лелеял с детских лет, как родного.

Смолкнув Бертон стал вспоминать как осторожно, согнувшись в три погибели, тащил его по тропинке на спине; как встретил у калитки сторожа и приказал ему закрыть ворота как следует, и идти разбудить аббата Витербо, если тот уже спал... пред глазами явственно предстало все то, что делал, когда принес юношу сюда...

Рено подошел к барону д'Обюссону сзади, так же встав у края кровати, как и он глядя на бездыханное тело.

– Это сделал тот, кто следил за мной. – только и сказал он барону глядевшему на сына, быть может уже мертвого... как скажет аббат Витербо.

Думалось что вот она первая жертва... лежит с глубокой сквозной раной в плече, неподвижно, без признаков жизни; лежит как предупреждение, об опасности того пути, на который они встали, с которого еще можно свернуть, отдав злополучный документ преступникам.

Аббат Витербо имевший в медицине большие познания, после перевязки, чувствуя, что его слово с нетерпением ждут, начал давать осторожный диагноз:

– Я не могу сказать что-либо определенное сейчас. Его организм, молодой, крепкий, должен справиться. Он потерял много крови... вот что больше всего меня волнует, а рана сама по себе для жизни не опасна, жизненно важные органы не затронуты, но заживать будет долго. Я ее промыл, наложил корпию, чуть затянется, я ее смажу моим бальзамом... Аруэ, сходи принеси воды или молока... он в любой момент может очнуться.

– Я схожу! – вызвался старик Бертон и поспешно направился на кухню.

А аббат Витербо продолжал, как будто зная о планах барона:

– Пульс у него очень слабый, душа еле в теле держится. Его нельзя будет тревожить. Полный покой и неподвижение – вот что его исцелит если...

– Если??! – побледнел весь встревоженный барон.

Аббат Витербо не смог сказать о чем думал сразу, дабы не терзать своими словами отцовское сердце, давая время самому додуматься.

– Если он очнется. Неизвестно сколько он потерял крови? Забытье внушает мне опасения.

Бертон вернулся со стаканом воды и молока на подносе, на случай если оно тоже понадобится.

И понадобилось, после того, как первой дали воду. Налили сквозь зубы. Как будто пошло. Затем для поддержания сил так же влили молока.

Как они и ожидали, Франсуа подал признаки жизни шевельнулся, глубоко вздохнул, открыл глаза, застонал, но на этом все и кончилось. Снова забытье на несколько часов, а может быть и дней.

Теперь необходимо было выйти, создать полный покой, оставив больного с Бертоном. Аббат Витербо сразу направился к своей аптечке.

Аруэ было приказано убрать следы крови во дворе, протереть пол и... молчать насчет всего случившегося.

В данном положении, оставшись наедине с Рено, медленно шагая рядом по темной галерее, барон д'Обюссон мысленно обратился за поддержкой к нему, как к человеку здравомыслящему и разбирающемуся в этих делах.

– Вы думаете это удастся скрыть?

– Не думаю, – покачал головой д'Обюссон, – Ясно видно, они здесь, или скоро будут здесь, а раз уж о нас узнали, то спешить уже не имеет смысла.

– А я думаю наоборот, что его не зря подкололи. Послушайте меня, барон, хорошенько, они не здесь! Они пока не здесь! Так что здесь только тот, кто за мной следил. Один он погоды не сделает, тем более что ему еще известить своих нужно. И поэтому пока пути открыты, вам нужно рвать отсюда пока не поздно, а то ведь потом какую охрану не возьми, любая пуля кого угодно из вас, даже через обитую железом стенку достанет. Вы бы видели как они нагло напали на графа Саймона, которому я служил.

– Оставить его одного, в таком положении, я просто не могу, это против моих принципов. Я не могу рисковать его жизнью ни за какие миллионы!

– Да зачем он им нужен? Разве что в заложники, так вы оставите в замке надежную охрану. Да и при том, что они кинутся за вами вдогонку, а не штурмовать крепость. Если уж на то пойдет, то недалеко отсюда Лимож. Осведомите начальника полиции чтобы он прислал солдат, а сами тем временем поезжайте спокойно. Оставьте все на аббата Витербо... на него можно положиться...

...А если вы останетесь, это засосет вас как болото. Соберут местное бандитье-камизаров и... я думаю, вам хорошо должно быть известно, что такое атака, или что такое палить замки? Они нас вместе с завещанием сожгут!

– Господин Рено, я думаю что вам, да и пожалуй аббату Витербо самим следует отправиться...

– Нет, нет, и еще раз нет! – перебил его Рено. – Никогда не доверяйте такие вещи никаким друзьям. Это ваше личное дело и вы не можете рисковать чужими жизнями. Вы получили этот документ и держите его всегда при себе, пока не засвидетельствуете его в высшей инстанции, самолично. Тем что вы будете действовать через кого-то, этим вы будете только усложнять дело.

– Я думаю вы тоже усложняете дело, дорогой господин Рено. Зачем далеко ездить когда можно все сделать через Лиможский суд, и даже получить право наследования; или того ближе сдать на хранение моему старинному другу, смотрителю королевского замка Гере.

– А вы уверены, что на посул пятизначного числа ливров можно не соблазниться? Зачем доверять провинциальным служакам, если через несколько дней документ можно будет заверить в парижском суде, а не среди родственников и арендаторов.

Рено еще хотел добавить, что уехав они отведут опасность от семейного гнезда, но видя что и без того убедил, промолчал.

Дойдя до спальни комнаты Рено, они расстались. Рено из чувства вежливости пожелал спокойной ночи.

– Да какой уж спокойной! – немножко невоздержанно ответил барон.

На следующее утро Рено проснулся неожиданно рано, о чем свидетельствовали настенные часы, показывающие пол-шестого. Быстро одевшись и нацепив свою шпагу, теперь уже лежавшую на столе, поспешно вышел из спальни на прохладный двор, где всю кипели снарядительные работы.

Посреди двора стояли в ряд два громоздких рыдвана, и уже запряженный парой выносливых лошадок черный лакированный кабриолет.

Среди дворовых работников, начинавших подводить лошадей запрягать в рыдваны, можно было заметить слоняющихся пока без дела, деревенских парней, собравшихся группой у собачьей конуры, и развлекавшейся тем, что пинали друг другу перед носом собаки ее кость.

Рено посторонился, давая проход слугам, несшим дорожные баулы и чемоданы, укладывать их в багажники. Наблюдая за ними он снова встал на проходе и неожиданно почувствовал на своем плече чью-то тяжелую руку.

– А меня вы не хотите пропустить, господин Рено?

Рено обернулся и увидел аббата Витербо, шедшего сзади слуг, руководить погрузкой.

– О да! Конечно же, конечно! – отшагивая в сторону охотно согласился он.

Аббат Витербо, встретившись с ним, изменил свои намерения, остался на лестнице, откуда и за погрузкой можно было проследить, и поговорить с Рено, первым делом осведомившегося о Франсуа.

– Ему стало значительно лучше...

Затем разговор коснулся охранников, продолжавших забавляться от собачьего визга.

– И этим балбесам, увальням деревенским, доверили такое дело? Где это только таких жлобов раскопали? Куда смотрят рекруты, просто диву даешься.

– Да, эти края богаты на таких.

Последний хотуль был заложен, крышки багажников закрыты, ключи были вручены аббату Витербо и ему за неимением других дел ничего другого не оставалось больше делать как пригласить своего собеседника за стол, где можно было подробно разузнать о его планах.

Рено признаться думал, что по случаю отъезда будет одно общее застолье, где соберется вся семья и замковая челядь, но был не мало обескуражен, когда его привели на кухню / в столовой наскоро откармливали парней \ и там был усажен Бертоном за столик, накрытый на него и аббата. Торопиться конечно нужно было, но не до такой же степени!

Задав им работы главный кухар продолжил приготовления съестного на дорогу.

Во время застольной беседы Рено охотно поделился своими планами на счет того, что собирается поехать, помочь барону в его делах, собираясь отвести и повыгоднее вложить деньги месье де Жонзака. На его же вопрос, полный недоумения, почему такая спешка, аббат Витербо, не желая говорить на эту тему в присутствии посторонних, сослался на известные причины, из-за которых сейчас...

...В покоях супруги барон д'Обюссон развернул кипучую деятельность по сборам в дорогу, неустанно поторапливая ее и служанок, готовивших дорожное платье и вещи, необходимые на дорогу в Париж.

После долгой процедуры одевания, баронесса наконец была готова, как и тюки, которые уносили слуги.

– Куда ты столько набрала! – выругался он беззлобно по-мужьи. – Ну ладно, пошли, там все уже давно готово!

– Как даже не позавтракав? Куда ты торопишься так?

– Люди уже устали ждать! Пойдем, в дороге поедим, в Гере пообедаем. Анжелика! – крикнул он на молодую служанку, привлекательного вида. – Что ты здесь копаешься?! Сходи к Бертону принеси в кабриолет еды!

Взяв с косметического трельяжа сумочку с драгоценностями и другими женскими вещами, все это поспешно передал супруге.

– Так, деньги взяла? А! Витербо уже... так ну все...

– Как все!? Нужно попрощаться!

– Какое там, им еще пять часов спать!

Но в это самое время как бы в опровержение его слов, в покои вошел дед, ведомый под руки теткой.

– Доброе утречко. Это что вы уже собрались ехать?

– Да-а. Чем быстрее со всем уладим, тем скорее поедим в Жонзак, а то лето закончится, – рассмеялся барон.

– Ну-ну, давайте.

Баронесса д'Обюссон подошла к отцу и сестре попрощаться. Расцеловались как положено, затем пошли во двор. За разговорами она пока не вспоминала о сыне, тем более что не видела его вчера с самого полудня, как он уехал на охоту. Пока все шло хорошо, в окружении многих, ничто не наталкивало ее на мысль о шевалье, как это часто в таких случаях бывает. «Скорей бы сесть в кабриолет, и тогда мы сразу тронемся», – только и думал д'Обюссон.

Скоро попрощавшись по второму разу и приняв от аббата Витербо кошель на сумму в три с лишним тысячи ливров, он поспешно залез вовнутрь, подбывая тем самым последовать его примеру и баронессу. Но баронесса д'Обюссон не торопилась, рядом стояло столько дорогих ей людей. Все слуги и люди в замке вышли их провожать, и поэтому она конечно же не спешила, с каждым находившимся поблизости прощаясь отдельно, отчего ему, усевшемуся в кабриолете несколько минут назад, стало от этого неловко до такой степени, что он вылез. Еще раз стал пожимать на прощание руки, помахал на прощание рукой всем и со скрытым восторгом стал залазить во внутрь вслед за баронессой.

И тут произошло то, чего барон так опасался, чего никак не ожидал от деда, обычно всегда тихого.

– А что Франсуа-то не пришел, спит после вчерашней охоты? А ну, идите растолкайте его! – распорядился он.

Кто-то направился и тут глупейшим образом вступил Аруэ.

– Не вздумайте его толкать!

– И правда, где Франсуа? – спросила баронесса, ничего не заподозрившая из слов Аруэ.

– Я тоже не знаю. Наверное в гости к соседям на охоту подался, да так и не вернулся, – продолжал Аруэ, выдавая себя своим предательским тоном. Соврать тоже самое подтвердив его слова у д'Обюссона не хватило сил.

Баронесса д'Обюссон побледнела, почувствовав сердцем что-то неладное.

Барон решил что лучше будет сказать правду, как ни боялся он за ее слабое сердце и крутой нрав. Начал издалека.

– Знаешь, его вчера угораздило поранить плечо, – сказал он тихо, чтобы его слышали только в кругу своих. – Сейчас он еще спит, еще семь часов только... вчера поздно... – загнувшись затруднившись подобрать слово относительно того как Франсуа прибыл, не желая в тоже время выдать волнение в голосе..., но баронесса, не слушая его, как подхваченная с места, уже направилась в сторону подъезда, куда пришлось устремиться за ней и ему.

Рено, прежде чем направиться вслед за ними, подумал: «Успеют они тронуться до восьми, или она вообще не поедет?» А направившись решил, что ему нужно бы поспешить, чтобы успеть попасть в комнату, в гущу событий, иначе ее заполнят, так что и не пробьешься. И чтобы успеть, он проворно работал руками, а главное ногами, и пробился в переднюю дверь галереи, куда никто не заходил, так как все устремились в главный вход.

Барон вел супругу за руку, стараясь успокоить от тревожений. В ту комнату они вошли, когда Рено был уже там и отнимал прильнувшую к больному Франсуа Анжелику, как-то уж очень близко к сердцу воспринявшую его немощное состояние, и то что он не может даже голову поднять.

– Что с тобой, мальчик мой! – кинулась баронесса к нему вся в слезах, вконец оттеснив Анжелику, нисколько не скрывавшую своих чувств, под смешки окружающих.

– Да не беспокойтесь, матушка, это пустяк, – правильно понял нужную политику потерпевший.

И хотя Рено хорошо укрыл, а вернее закрыл все бинты и повязки, баронесса все равно почувствовав запах, вскрикнула и схватилась за сердце.

Барон подумал, что Франсуа следует рассказать все как было, он и сам послушает и людей это насторожит. Того же хотели и аббат Витербо и Рено.

– ...Вчера вечером я охотился на уток, вдруг слышу кто-то по тропинке коня ведет. Сначала я подумал что это Бертон, а это оказался совсем не знакомый человек... Я спросил его, что его сюда занесло? А он говорит, что заблудился и спрашивает чей это замок? Ну я и сказал, что моих родителей. Он посмотрел что у меня в руках только незаряженный арбалет, сразу вытащил из-за пояса свою шпагу, я только и успел увернуться, стал отбиваться арбалетом, так он мне его в щепки разбил... сказал кончать сопротивляться, но я ему остатки в лоб запустил... Он закрывая лицо рукой кинулся на меня... воткнул клинок в плечо... – рассказывал Франсуа, чуть не потеряв спокойствие при воспоминании боли проворачиваемого в теле клинка, и особенно рези, от вынимания... – Потом я еще слышал крики Бертона, а этот человек охая сел на коня и ускакал.

Было понятно, не появившись Бертон в тот момент на тропинке, бандит не испугался бы и ничто бы не помешало ему до конца довести свое дело.

Но все, слава богу, так хорошо закончилось! Бертона благодарили, и Франсуа в том числе, что было для старика особенно трогательно.

Заслужил комплиментов от Рено и сам Франсуа:

– Отчаянный парень! Деревяшкой против отточенной стали отбился.

Сейчас барон уже никуда не торопился, наоборот тянул время с отъездом, давая баронессе успокоиться.

И стратегия удалась. Сначала она было засопровивлялась отъезду, но Рено и Франсуа тоже стали просить ее ехать и она в конце концов согласилась.

К пол-девятому попрощавшись по последнему разу и рассевшись, они тронулись.

Кабриолету было определено место в середине вереницы, между рыдванами, в каждом из которых находилось по четыре вооруженных, не считая кучеров, да еще двое на облучке и крыше кабриолета, вместе с вооруженным кучером и Рено внутри.

Тактика на случай вооруженного нападения с любой стороны: охранники выскакивают из своих рыдванов и стреляют из заранее заряженных пистолетов.

Проехав примерно шагов двести от ворот мостик через ров, повстречались с группой молодых людей, друзей Франсуа, которых барон считал еще юношами и никого не взял в свою охрану, сказав, что они нужнее здесь, а не в Париже.

Друзья Франсуа, дружно помахали в след пылящей вереницы и направились куда следовали – в замок.

Глава IV. Вьеннское совещание

Как только вереница из трех экипажей скрылась в густой дубраве, отстоящей на четверть мили от замка по ровному пространству, с ветвистого дуба, с которого это пространство хорошо просматривалось раздался свист, после чего из зарослей ветвей и кустарников, через кустарник к немного выдававшемуся от леса дубу выбежал белый конь, остановившийся под его кроной.

Как и следовало ожидать, с одной из нижних веток дерева сразу прямо в седло слез тот, кто свистел, и кто до этого с самого рассвета наблюдал за всем происходящим в этой местности. Проследив за отъездом его уже больше здесь ничего не интересовало и он охотно бросил свое занятие.

Усевшийся в седло был отнюдь не Гийоме, как следовало бы ожидать, а человек возрастом постарше – сорока, сорока трех лет. Нахлобучив на свои темные волосы шляпу, вынутую из кармана куртки, потому помятую, застегнул куртку, вправил гачи коричневых войлочных штанов в голенища сапогов.

Будучи готовым тронуться в путь, он прежде всего внимательно глянул вперед, приглаживая рукой заросшее смуглое лицо.

На дорогу выехать не решился, отчего невольно причмокнув, надвинул шляпу на самые глаза и тронул коня обратно в лес. Вместе с тем и слишком сильно удаляться от дороги он не собирался, постоянно держа ее в поле зрения, дабы потом не столкнуться с ней, а главное, с вереницей экипажей, что имело бы для него печальные последствия.

Проехав очередное открытое пространство покоса, внезапно для себя оказался у реки, и найдя чуть ниже по течению широкое место с каменистым дном, вброд пересек ее. Далее проехав уже по той самой дороге, добрался до развилки. Левая дорога шла на другой берег реки и круто взбиралась на холм-стог, правая же шла по открытой равнинной местности на Гере, по которой ехала вереница, удалившаяся уже настолько, что была еле видна.

Посмотрев некоторое время вдаль, наездник круто завернул коня влево.

– Вот ежели ты до Лиможа к полудню уложишься, две меры овса получишь, – было сказано коню по-итальянски и так же темпераментно добавлено ударом плетки.

С большим трудом итальянец, к указанному времени подогнал своего ленивого коня к окрестностям Лиможа, прижатый рекой Вьенной к городским стенам и заставам, и заполненным обычными городскими кварталами.

Посчитав что он уже на месте, рассерженный и выведенный из себя итальянец посчитал, что в этом только его заслуга, решив оставить две меры овса за собой, чем прогневил провидение. Сбившись с пути, он долго петлял в одном и том же районе, никак не мог понять, что ему так усердно объясняют французы, пока наконец не наткнулся на одного сердобольного горожанина, который на вполне сносном итальянском объяснил, что нужно ехать по улице, которая на первый взгляд совсем не вела к реке и гостинице; почему он не смотря на объяснения до этого, ни за что не хотел им следовать, считая, что его не правильно понимают.

Пожав радушному горожанину руку и получив от него хорошее напутствие, итальянец в скорости оказался там, куда стремился, у таверны и в тоже время гостиницы, фасадом обращенной к реке.

Любой подъезжающий, будь то со стороны улицы или входа в гостиничный подъезд непременно был встречаем, выходящим навстречу швейцаром. Таким образом приезжому сразу представилась возможность далее впредь более не испытывать провидение и он заплатил за овес.

Устало поднялся на второй этаж, где все шесть номеров были превращены в общую казарму, что поставило вошедшего перед трудной дилеммой куда стучаться?

Решил сначала войти в ту дверь, откуда доносились знакомые голоса.

Резавшиеся в картишки Гийоме, Аньян и мужичковатый на вид Блене сразу же обратили на него внимание.

– О-о! Кого я вижу!...

– Один глаз... – не договорил Метроне от недостатка слов Гийоме в ответ, видя что тот начинает снова распалаться. Глаз его был закрыт тампоном черной материи и придерживался шнурком через лицо, давая повод итальянцу позлорадствовать над своим недругом, продолжая далее:

– Обрубком замочили. Карябаться не будешь, еще и на будущее пометил. Во-о, парень.

– Он мертв! Метроне!

– Он едет в Париж!

– Я все равно убью этого щенка. – прошипел Гийоме и идя на него с ножом, как будто хотел убить его!

– Ты здесь не ори! Люцифер... – и не успеет Метроне выскочить за дверь, то непременно был бы пригвожден к ней.

– Или он тебя. – шепнул в дверь, и через некоторое время добавил: – Волки драные.

Нечего и говорить что настроение у Метроне испортилось и не только от ножа, сколько от того что ему пришлось говорить всякую гадость, что потом его очень расстраивало.

Следующую дверь после стука не открыли, храп заглушил его и поэтому никто из троих «головорезов» не проснулся. Но к ним у него и не было никакого дела.

Еще одну дверь открыл беспрепятственно, но там никого не оказалось.

Метроне поздней ночью, разбуженным покидал гостиницу и потому все поперезабывал. Но далее плутать ему не пришлось, так как вышедший сеньор де Спорада, жестом показал следовать за ним.

Как всякий отличный слуга, Метроне сразу уловил настроение своего господина, что не смотря на выполненное задание, заставило забиться его сердце в тревоге... по известным причинам. В который раз он зарекался прекратить свое безобразие, когда ему казалось, как сейчас, что они выплыли наружу. Но и на сей раз его пронесло. Так как в номере кроме них находился еще один человек – Манден, личность для него в многом загадочная. И действительно, будучи человеком не богатым Манден, раскидывался деньгами, не имея полномочий руководил всем, даже самим Спорада. Какую практическую цель он мог извлечь для себя из всех их действий Метроне совершенно не понимал, однако подозревал в нем марионетку чужих интересов.

О том что было причиной беспокойств Метроне, объяснится много много после, а теперь он подробно начал объяснять Мандену сложившуюся ситуацию. Тем временем к ним вошли Гийоме, Аньян и Блене...

Что бы вывести читателя из недоумения, на счет того как могли вышеперечисленные лица еще прошлым вечером оказаться так близко от Обюссона, напомним, что Аньян отправляясь в дорогу был пьян и лишь кое-как благодаря растряске добрался до Ангулема. Дальше с ним невозможно было продолжать путь, следовательно нужно было отсылать обратно и это надоумило Гийоме на следующее: проследив когда Рено выехал в дорогу, выждал у кабатчика, у которого тот отдыхал, куда собирался ехать его клиент. – на Лимож. Тогда Гийоме отослал Аньяна назад на дилижансе с запиской, в которой уведомил своих ехать в Лимож, и там собраться в одной из таверн на берегу реки, то есть во «Вьенне», если они конечно не потеряли надежд. Чувствуя, что Рено недалеко осталось ехать, Гийоме так и не смог решиться напасть на него, не имея огнестрельного оружия в руках.

Гостиница на берегу Вьенны имела большой плюс, что в нее, объехав городскую заставу можно было попасть ночью, что и удалось Гийоме, когда он вернулся обратно с подбитым глазом. Заместо него как вам уже известно, отправили Метроне, который отлично справился

с возложенным на него делом, и в разговоре с Манде единственное какую допустил неточность, это приплел то, что юноша так же поехал.

Манде побледнел от недовольства, от чего скулы вытянулись и лицо еще больше стало похоже на лисье.

– Ты все испортил! – прозудел он на того, кого это касалось.

– Кто знает. – огрызнулся Гийоме.

– Зачем ты на мальчишку полез? Рено так в покое оставил!

– Тебе сосчитать скольких Рено зарезал!

Перебранку прервал де Спорادا, спокойно заключив.

– Гийоме все правильно делал.

– Тихо вы, при открытых окнах орете. – сказал Аньян, двинувшись закрывать окно.

Еще раз гневно глянув на Гийоме, Манде вытащил из стола карту дорог Франции. Глянул на дороги идущие к Гере и от Гере.

– Они уже здесь. – ткнул пальцем. – Они поедут либо на Тур, либо к Орлеану, через Вьерзон.

– Узнаем когда будем проезжать через Гере.

– Э! Господа. – прервал ход их рассуждений Гийоме, – Осадите своих коней. Если вы собираетесь бросаться в погоню, то у меня просто нет слов что бы выразить вам свое восхищение вашей смелостью. Но, однако же, заметьте отнюдь не моей.

– Ты помолчи Гийоме, – прервал Аньян, – Им и без тебя тошно, – заткнулся и слинял подальше, когда де Спорادا гневно глянул на него. Манде так же сказал:

– Если ты не собираешься выполнять распоряжений, можешь проваливать, расплату получают за тебя другие.

– Давай поговорим, Манде, серьезно, что ты собираешься делать? Объясни всем.

– Объясняю, Гийоме, восхищаться тебе мной не придется, так же как и мне тобой. Человек ты я вижу впечатлительный, так представь. Едет экипаж. Ему навстречу выезжает, например, я. Останавливаю экипаж и протягиваю руку за... чем мне нужно.

– А еще два экипажа ты в упор замечать не будешь?

– Игнорировать... все, все, – снова заткнулся Аньян.

– Для этого я сейчас же еду в Обюссон. Остается подумать, где быть вам?

Де Спорادا обратил внимание Манде.

– Три дороги: Орлеан-Париж; Тур-Орлеан-Париж; Тур-Париж, так или иначе все проходят рядом с Орлеаном. Здесь находится трактир «Пивная бутылка», и места здесь хорошие. Это примерно четырнадцать миль.

– Хорошо. К вечеру следующего дня всем быть там! Поедем группами.

Гийоме оторвавшись от карты, проговорил:

– Я поеду пасти караван.

– У тебя это хорошо получается.

– Что бы еще лучше получилось, мне как минимум не нужно выезжать отсюда без денег.

– Обращайся к маркизу де Спорادا, я не могу рисковать.

Маркиз отсчитал сколько посчитал ему нужным.

У остальных загорелись глаза.

– Так, а где Блене?

– Рядом стоит, – ответил Мандену.

– Ты будешь со мной. Сейчас я тебе черкну записку, слетаешь в Ангулем и чтобы к вечеру был здесь.

Де Спорادا тем временем снабдил деньгами Аньяна, поручив ему привести троих головорезов к месту назначения.

– Подожди, Гийоме! – остановил его Манде. – Я у тебя все спросить хотел, как ты ранил его.

– Я не знаю, что этот дурак несет! – указывая на Метроне, проговорил Гийоме, – Я его насквозь продырявил, еще и провернул. Как после этого ехать можно, я не понимаю? Хочешь, слушай его! Я тебе говорю, что есть.

– Я тоже думаю, что доверься тебе на безоружного человека напасть...

С досады сплюнув Гийоме вышел, ненамного в этом опередив Аньяна.

Вскоре после того как четверо наездников, ведомые Аньяном, покинули гостинный двор, с него выехали еще двое итальянцев, но они Гийоме не интересовали и потому оставшись в своем укромном месте он дождался выезда последней партии.

Следить ему за Манде и Блене пришлось недолго, до почтового ведомства, откуда вместе с ними вышел и третий, как предположил Гийоме – нарочный. Поговорив со служащим немного, его отправили.

– Так, хитрый лис, ты что-то темнишь. Значит записка в Ангулем, не такая уж безделица, как ты представил в разговоре... Хотя в общем-то он и правильно делает. Что-то я вообще с ума стал сходить. Пойду-ка я прямою мозги добрым винцом, да сыграну разок.

Глава V. Разъезд

Вереница экипажей без опасных происшествий беспрепятственно добралась до Тура через четверо суток, даже немного больше, потому что когда въезжали, церкви отзванивали на мессу.

Барон д'Обюссон был этим крайне не доволен, ведь по его расчетам, въезд должен был состояться еще вчера, но из-за незнания дорог, характерных неисправностей с колесами и прочих разных задержек этого не произошло. Сейчас на отдохнувших лошадях они весь день неслись бы к Парижу, легко изыскав перекладных, и быть может к вечеру подъехали. Теперь предстояло обедать в гостинице, еще к тому же и размещаться, и вместе с отдыхом это заняло уйму времени.

Сладко засыпая послеобеденным сном он думал, что следившему за Рено человеку пришлось столько же времени возвращаться за остальными, пусть чуть меньше и примерно сейчас, когда они день-другой как находились там у Обюссонского замка, то только узнали о их давнем отъезде. Ему представился внутренний двор с вооруженными людьми под главенством аббата Витербо; Франсуа, значительно поправившийся от ранения, благодаря мазям и бальзамам и конечно же хорошему уходу. Снова подумалось: зачем он взял с собой столько охранников, оказавшихся только обузой, ведь они сразу по выезду оказались в пределах недостижимости.

Конечно взять охрану было нужно, но не в таком количестве. Укоряя себя, барон не терзался, так как был спокоен за неприступности своего дома.

Далее продолжать путь с таким эскортом и въезжать с ним в Париж, было более чем глупо, один рыдван следовало отправить назад в дополнение к расквартированной там защите. Сейчас отдохнут и сразу же поедут...

Проснулся от того, что кто-то потряс его за плечо. Повернул голову, увидел: баронессу, Рено и Аруэ, что привело его в трепет.

– Что случилось? – прошептал встревоженный барон.

– Пока ничего. – услышал он голос, неказистого на вид маленького зачумленного мужичка, посмотря на которого не возможно ошибиться в том, что он принадлежит к братии романтиков с большой дороги, иначе говоря к разбойникам.

Его манера держаться и певуче-каркающий голос – истинно бандитский, выдавали Блене еще больше за оного.

– Но обязательно случится! – продолжал он с неожиданной горячностью, – А я не пожалел даже своей репутации... – тут он остановился, подумав что же такое сказал, затем продолжил о себе снова, рассказывая как трудно было пробираться в замок и обратно, чтобы сообщить о готовящемся нападении банды Керна.

– Так зачем же ты так рисковал своей жизнью? – спросил Рено.

– А деньги нужны были? – сам же и ответил. – Керн все только себе знал, а епископ дал, – вытащил, показал в руке полновесный золотой луидор старой чеканки, какие хранились у них в замке. – ...И барон, – кивнул на того, шмыгнувшим носом. – даст. – сказал так, как будто барону предстояло платить ему по векселям.

Блене ткнул пальцем на письмо, которое вытащил Аруэ.

– Вот здесь написано дать мне сто ливров, вот это письмо я вывез из замка.

– Ну и как же твой Керн собирается брать мой замок, лбом что ли? – спросил барон недоверчиво о главном.

– Э-э! Зря смеетесь, господин барон, у нашего главаря всегда на этот случай пушечка припасена. Так что он ее ближе подтащил.

Рено подал знак войти двоим, стоявшим за дверью; на всякий случай.

– Так чего же он ждал?!

– В дуло ядра не подходили, как не пихали. Одно правда впихали, так еле обратно выгнали. Другие по калибру достать собирались или те, которые есть обточить. А после сразу всем вашим бастионам придет конец.

– Так зачем ему это нужно? – снова спросил барон. – сколько разбойничал, к нам не навещался, что же сейчас его надоумило?

– К нему один тип, с подбитым лицом приехал, денег много дал. Потом еще больше обещал, если де Обюссон перебьет и замок сожжет. На этом он больше всего настаивал. А вы оказывается уже смотались.

– Аббат Витербо скрыл от него ваш отъезд, на случай если тот тип подослан, – вступил в разговор до этого молчавший Аруэ, – Вот его письмо для вас. – подал пакет.

Барон д'Обюссон быстро разорвал пакет, удостоверился прежде всего в почерке.

Без сомнений – ему писал аббат Витербо, почерк которого он хорошо знал.

Вот что оно гласило:

«Дорогой Роже-Паламед!

Не знаю дойдет ли до Вас сие мое послание, но надеюсь все же пишу, дабы известить Вас об опасности скорого нашего уничтожения орудием, к коему по всей видимости подыскивают ядра.

Сейчас когда вы в безопасности, прошу вас не за себя, а за Франсуа и за всех остальных, над которыми нависла угроза погибнуть в кошмаре каменных разрывов.

Отряда префекта Лиможа все нет и если судить по поведению бандитов, не будет. В ультиматуме, который они имели наглость послать, через Блене, говорилось, что Лиможский гарнизон срочно уведен в Испанию, а силами полиции префект не решится выступить.

Наглости бандитов нет предела. Окружили кольцом замок, деревню, повсюду на дорогах их засады.

А на дороге, где стоит пушка и палатка Керна, разбойников как будто поменьше. И вот если Вы с любым отрядом полиции через охотничью дорожку внезапно нападете, то мы так же поддержим и общими усилиями сможем пленить главаря. Укроемся за стенами, если банда сможет и без своего главаря продолжить осаду; но не думаю, что это возможно.

Посылаю свое послание с этим подозрительным типом, к тому же вымогателем, решившим умело подзаработать на нашем бедственном положении. Вручая ему в руки наши судьбы, молю Бога незаметно выбраться и догнать Вас, единственного нашего спасения.

Аббат Витербо».

P.S. В Лиможе он должен встретить Аруэ, отправленного с письмом к префекту.

Сомнений быть не могло, тем более у барона д'Обюссона, в отчаянии схватившегося за голову, повернувшего сначала к стонущей баронессе, затем к Рено.

– Господин Рено!...

В те старые добрые времена, в кои происходили следующие события, города подобные Туру во многом имели еще средневековый быт, выражавшийся в том, что осталось много одноукладных улиц, такие как улица Горшечников, Суконщиков, Бакалейщиков, Аптечная. Улица, где селились судейские чиновники, ростовщики.

Та же улица, где находилась известная нам гостиница, называлась «А ля Консьерж» и была улицей гостиниц и питейных заведений, расположенных обычно на первом этаже. Так что если кому хотелось посидеть напротив, или почти напротив какого-нибудь дома этой улицы, то можно было посидеть за столиком. А Манде необходимо было посидеть и понаблюдать за гостиницей «Кафе де Мона» и он, после трудной дороги уселся именно в таком месте, где сидеть не возбранялось, а сидящего обслуживали.

Поедая предложенное, Манде не без волнения наблюдал за интересующим его объектом. Есть, волноваться и ждать пришлось долго, так что все было съедено, а волнения после полбутылки кисленького анжуйского прошли. Сидя, он чуть не оставил без внимания тот момент, когда во двор интересующей его гостиницы вышел барон со своими людьми, направившимися в конюшню.

Проследил как они выехали на двух рыдванах сразу, прогромыхав громоздкими колесами о брусчатку. Манде внутренне возликовал! Он добился своего, за это стоит выпить остальную часть бутылки из горла сразу. Но внезапно, недопив, откинул ее, крутанув головой в сторону, сникнув от одной только мысли, как ударом поразившей его: что барон увез завещание с собой и другой, что баронесса останется здесь и сейчас же обратится к нотариусу...

В то время как его голову посещали столь мрачные мысли, во дворе гостиницы нарисовалось еще трое молодцов с вещичками, которые они погрузили в черный лакированный кабриолет и укатили. Только их и видели, в сторону, обратную той, куда поехали рыдваны.

Манде терялся в догадках: может быть он просмотрел выезд баронессы и она выехала вместе с бароном? Но тут же в опровержение он нашел несколько доводов и пока они ему приходили на ум, вышедший из гостиницы Блене был к нему уже на половине пути, подсчитывая по дороге на ладони свою выручку.

Блене еще только шел объяснять, но само то, что он делал по дороге вселило в Манде надежды на удачный исход дел.

В то время как Блене подходил, из гостиницы вышел Рено и не глядя на него направился куда-то пешком.

Вошедшему Манде указал рукой на буфет. «Ты свое получил сполна, так что раскошешься немного, мне сейчас нужно напиться».

Блене, на удивление, подсел с парой бутылок, а не одной.

– Тебе не кажется, дурень ты эдакий, что афишировать свою удачу не следует?

– А кто за мной может следить? Пусть следит, барон-то все равно уже уехал.

– Темный ты человек. интересно знать, почему тебя барон с собой не взял?

– Потому что темный я, – говорил Блене, наливая полные стаканы коньяка. – Темный и не бритый, сальный. – чокнулись – Так что его баронскому отродью не хотелось больше иметь с таким дело, Камизаром вонючим.

– Ладно ты, прекрати свои бунтарские штучки. Объясни-ка поподробнее как ты все-таки слинял оттуда, под каким предлогом?

– Ну что, я сказал что мне появляться в тех местах опасно, когда этот Рено за кулисами начал по новой расспрашивать и снаряжать меня вместе со всеми.

– В общем ты собирал все что под руку попадет? И они поверили в эту чушь?

– Насилу отбредался.

– А Аруэ?

– Аруэ сказал все как положено... что префект его не принял, и ни кто другой так же.

– Остается молить бога, чтобы его нервы не сдали раньше времени. А что это те на кабриолете куда поехали, ты слышал, ты знаешь?

– Все слышал, все знаю. Они в Орлеан, через Блуа.

– Ну конечно! Без баронессы?

– Она поплывет по Луаре, а на причале они ее должны встретить.

– Значит через Орлеан?

– Смотри-ка кто?

– Куда смотреть? – спросил Манден.

– Вон, стоит у балюстрады.

– Точно, Гийоме! Без зазрения совести, стоит, наблюдает. Экономит на застолье.

– Пойти позвать?

– Зачем он нужен! Пусть следит за ней как положено. А мне нужно заняться кабриолетом. Ты бы купил еще пару пузырей, отличный коньячок. Он нам очень понадобится.

– О чем разговор! Обязательно.

Глава VI. Кровавая развязка

Местность, где находился трактир «Пивная бутылка» недалеко от главной дороги, по проселочной; как ее и рекомендовали была действительно тихой, малолюдной и как следствие лесистой. Спасало хозяина трактира два источника доходов: местные крестьяне из сравнительно близлежащей деревушки и приезжие, заезжающие во многом благодаря фактору закрытых на ночь орлеанских ворот, и так же благодаря столбику у обочины дороги, указывающему стрелкой на отходящую дорожку. В обратной стороне от стрелки на столбике торчал щит с надписью для тех, кто едет в Орлеан: «Приглашаем на пиво, отдых и все, чем богаты», и ничего не значащей надписью для тех кто следовал в Париж, но никогда не заглядывали; на другой стороне щита: «Трактир Пивная бутылка».

В этом отношении один из июльских дней выдался на редкость примечательным: с самого утра в трактир ехали и ехали со стороны Орлеана. И хозяин трактира это сразу же заметил по тем неприметным для простого глаза приметам, которые отличают приезжего проехавшего длинный путь, от проезжего проехавшего по пыльным дорогам, что называется всего ничего.

К таким проезжим относился и седьмой приезжий за этот день, – Гийоме, выехавший из Орлеана перед самым закрытием ворот и без труда по столбику отыскавший дорогу к трактиру. Обогнув лесок за которым он был скрыт, Гийоме окинул взором трактир, представлявший собою в то же время постоялый двор со множеством пристроек, еще видимым в пространстве, сгущающемся от ночной мглы.

Подгоняемый чувством голода Гийоме быстро покрыл это расстояние галопом на своем скакуне и облегченно отдал его в руки встретившего его работника. После сделанного дела он прибыл на место к своим.

Гийоме вошел в общий зал и увидел Аньяна, сидящего с головорезом, не обращая более на него внимание, уселся за стол, положив на скатерть обе руки, на вытяжку.

– Начальник! Тащи жрать! – крикнул Гийоме во все горло. – Я давно не ел.

– Вам чего? – спросил трактирщик, подавая исписанный листок, скорее всего меню.

– Нам всего! – прорычал на него Гийоме, за его непонятливость.

Человеку, который целую неделю перебивался корками хлеба подавай все, без гнусных расспросов: что именно, да в каком виде, они только оттягивают время.

– Отощал ты по дороге. – умиротворенным тоном заметил Аньян. – Где проигрался?

– Не где, а когда? – Сразу! Но игра зато замечательная, потом сыграем.

Вошел трактирщик, неся вместе с кухаркой различной еды. В таких случаях на стол всегда ставилось пиво, которое приготавлилось здесь же и им же из местного хмеля и хорошо росшего злака. Пиво получалось добрым, так что бочонки с пивом посылались обывателям в обе стороны дороги. Пивоварня мало-помалу стала основным источником доходов и благосостояния этой частицы страны.

– Икры принести? – спросил трактирщик и получил более чем утвердительный ответ из набитого рта.

– Все давай тащи!

Когда ужин Гийоме подходил к концу за окном во дворе они слышали конский топот и ржание. Кто-то из трактирной прислуги бросился к окну глянуть, но приехавшие уже входили через дверь вслед за трактирщиком. Ими оказались Манде и к вящему удивлению Аньяна и Гийоме – де Морне, которого они считали отравленным, хотя и подозревали в этом трюк.

– Трюк де Морне удался, а маркиза нет. – тихо проговорил Аньян.

– А в чем дело?

– А ты знаешь, мы только сегодня сюда заехали. Де Спорادا нас по дороге перехватил... Ну в общем Манде тоже хитрый лис. Я так подозреваю. Блене обоим их по паре раз друг другу заложил. Ну скотина! Ты видишь его нет здесь...

Трактирщик крутился возле приехавших, сбивавших пыль с высоких сапог с голенищами и прочих, преимущественно кожаных вещей.

– Господа вы очень меня простите, но покои вам будут отведены в комнате вместе с другим господином, и в смежной комнате с другими... господами. – все же решил назвать остальных так же.

– Что ты меня как дите малое настраиваешь. – недовольно проговорил де Морне, потребовав после то же самое, что некоторое время назад теми же словами требовал Гийоме.

– Уже несут. – продолжал трактирщик голосом, еще более услужливым.

Вошедшие заметив сидящих, поприветствовали их жестом руки и направились к Гийоме.

В дверях появился доселе отдыхавший маркиз де Спорادا. На его каменном лице при виде де Морне не выразилось ни одно из чувств, бурно клокотавшей досады, по случаю приезда наследника.

– Завтра в пять баронесса велела кучеру синего экипажа подъехать к ее гостинице. – ответил Гийоме на все вопросы одним разом.

В тот вечер собравшийся костяк банды наследника, в одной из двух смежных отведенных для них комнат закрывшись от головорезов ознаменовал свой съезд и удачный ход дел хорошим запоем, но в меру, перед грядущим делом.

Пиво было отвергнуто. Его вообще тогда во Франции не воспринимали, если не сказать сильнее, не любили, предпочитая вино, даже если плохому. Так что трактирщику, очень недовольному таким оборотом дел, пришлось вытаскивать все самое лучшее из винных запасов. Но это вовсе не означало, что пиво являлось неудачной новацией... ибо испить холодный солодкий напиток в летнюю жару – кому не захочется?

Итак, как уже говорилось: Гийоме, Аньян, Метроне и на другом краю стола де Спорادا, Манде и де Морне сидели за столом, поставленным на него двумя корзинами бутылок и множеством легкой закуски возле.

И какая попойка обходится без разговоров, тем более в такое для них время, когда обсудить кое-что было просто необходимо. И если сначала собутыльники лишь только переговаривались, то потом под воздействием зеленого змия разговорились, а Гийоме принялся играть с Аньяном и Метроне в ландскнехт по новому типу, коему сначала научил, прежде спустив на нем все что имел, в злосчастном лиможском кабаке.

Прежде чем играть всерьез, Гийоме раздавая предупредил что: кто будет мухлевать, будем бить по наглой белобрысой роже.

Естественно что азартная игра, хоть и по небольшой ставке в одно су, в дополнение к пенистому шампанскому, рубиновому кагору и бургундскому, вызывало у пьянеющей троицы взрыв эмоций и как следствие появилась потребность в анекдотах, в которых Аньян был особенно мастак и травил их по своей крестьянской природе очень умело и безумолку, так что это вызвало и Гийоме рассказать свой еврейский анекдот, в котором у Абрама на похоронах спросили: отчего у него теща умерла: – «Грибов объелась». После следующего вопроса выяснилось, что синяя она такая – потому что жрать не хотела.

Анекдот неприятно натолкнул де Морне на разговор о деле, на которое они здесь все собрались.

– Где головорезы? – спросил он у Спорادا.

– Заперты. – неохотно ответил тот.

– А сколько их? – снова осведомился он, имея ввиду людей из Обюссонского замка.

– Понятия не имею, спрашивай у Гийоме.

Гийоме услышав что речь зашла о нем, сам предупреждая вопрос ответил на него де Морне.

– У нее Рено и еще двое из свиты, и еще должны прибыть трое на кабриолете.

Тут Манде поняв, что настало время сказать ему, не упустил момента:

– Этот кабриолет не прибедет, я позаботился.

– Так их значит всего трое! – воскликнул Аньян, доселе считавший, что нападать так и придется, на прежнюю вереницу экипажей, будучи не в курсе дела.

– Ты что орешь, дурак! – осадил его Метроне стукнув кулаком по лбу. Еще более неприятно для Аньяна доставило выслушивать шипение Манде.

– Тебе что не говорили: мы здесь не одни?

В гостиничной части трактира они были действительно не одни. За стеной, а точнее за тонкой перегородкой в соседнем номере обретались граф де Гассе и граф д'Олон с общим слугой Баскетом.

Причиной того, что два великосветских льва решили уединиться в этой богом забытой местности, в более чем заурядном для них трактире, было желание друзей отдохнуть от праздной жизни на фоне природы и развеяться на охоте в лесу графа д'Олона, до которого было отсюда не больше лье.

Естественно охотников не могли заинтересовать все приезжавшие, и приезжавшие люди под плащами, под камзолами скрывающие свое вооружение, что невозможно скрыть от глаз таких бывалых вояк, коими являлись: мушкетер де Гассе – известная шпага во Французском королевстве, и силач д'Олон, любивший более стрелять, так как сражаться на шпагах с его могучей, как старая дубовая ветвь рукой, было убийственно и охотников на такое дело находилось мало, разве что неустрашимый де Гассе, противопоставлявший тяжелым молниеносным ударам, свою молниеносность в легкости движения, заходов, а главное точность ударов клинка.

Зоркий глаз в бою имел точно такие же свойства и в жизни, поэтому он сразу считал съезжавшихся подозрительными типами. Однако хоть многочисленные соседи и внушали подозрение, настоящие дворяне не могли отделаться от них: съехав первыми, а так как друзья были именно такими дворянами, то и не уезжали, стараясь не замечать ничего, как будто тех и не существовало вообще. Но как можно не заметить, когда порой через перегородку доносился смех, обрывки фраз, а то и целые выражения, как например последнее: «Так их значит всего трое!», с воследовавшим после более чем подозрительным успокоительным шипением.

А так как их с Баскетом было именно трое, эта услышанная фраза не могла их не встревожить и не подтолкнуть к принятию мер безопасности.

Иначе они выглядели бы просто беспечными людьми, коими конечно же не являлись.

Первым побуждением было схватиться за оружие, но по здравому размышлению, принялись сначала за баррикадирование дверей. Осторожно приподняв старый дубовый комод д'Олон как перышко беззвучно опустил его вплотную к дверям, открывавшимся вовнутрь. Баскет задвинул щеколду, а де Гассе и д'Олон еще подставили торцом к комоду не менее массивный шифоньер.

Теперь предстояло приготовить оружие: все какое у них было, а было его на троих предостаточно, ведь приехали они сюда поохотиться. Помимо шпаг, имеющих у каждого дворянина в наличии, имелись так же три тренировочных пистолета д'Олона, которые всегда были с ним, где бы он ни был. Кроме того: три охотничьих ружья и достаточное количество пуль и пороха. Пока Баскет вытаскивал все указанное на стол и заряжал, де Гассе затушив свечи подошел ближе к перегородке, а д'Олон пользуясь темнотой, выбрал наблюдательный пункт у окна, глядя из щели занавесок во двор до конюшен и каменной ограды.

Закончив заряжать Баскет, как и его два господина погрузился в выжидательное недвижение.

– ...Хватит пить!...До поросычьего визга нализились... – доносилось через перегородку. – Рано вставать...

* * *

Консьерж орлеанской гостиницы, где остановилась баронесса д'Обюссон, как ему было велено, разбудил ее в тот час, как подошел экипаж, то есть ранним утром.

Сказав как положено: доброго утра, исполнительный служащий собрался уже уходить как...

– Это что такое? – услышал недовольно строгий тон баронессы, разбуженной его стукаемым об открытую дверь. – Разве сейчас пять, или у вас в пять только начинает светать?

Испуганный неожиданно-неприятным оборотом, к коему его привела его исполнительность, консьерж взглянул в окно и действительно согласился что сейчас не пять.

– Но, мадам, вы просили разбудить тотчас, как приедет синий фиакр, а он уже подъехал, извольте в этом убедиться.

Баронесса поняла почему так получилось, но не рассердилась на кучера, из-за которого не доспала и благодаря которому у нее прибавилось столько времени. Можно было еще сладко вздремнуть, но спать расхотелось совсем. Часы показывали четыре, с несколькими минутами.

– Еще раз простите. – извинился все еще не ушедший консьерж.

– Не стоит, не стоит, прикажи чтобы приготовили завтрак и разбуди слуг.

– А кучеру что сказать?

– Скажи что его часы спешат на час, если они конечно у него есть.

Вынужденно улыбнувшись, консьерж удалился по делам, конечно же и не думая ничего говорить кучеру.

Оставшись одна она подумала: нужно еще хоть немного вздремнуть, но сонливое состояние как рукой сняло. Захотелось выйти в сад на утреннюю свежесть. Никогда ранее она так рано не вставала в своем замке, потому что ложилась там поздно и вставала так же поздно, так что раннее утро никогда не представало перед ней в таком благоухающем пробуждении, каким баронесса видела его в саду, полном запахов разносящей их холодком свежести и росы, начинавшей уже искриться.

Сорвав яблоко продолжила гулять по тропинке в таком месте, где казалось бы никаких мыслей не могло возникнуть – одно чувство отдохновения, но у баронессы было слишком много забот на предстоящий день, чтобы о них не думать: по приезду квартиру найти поближе к их нотариусу, если её не будет в наличии у родственницы, подумалось что плата очень вздорожала... визиты к нотариусу, и в суд, и вообще много разного прочего, что ей поручил супруг.

Помимо забот она думала о Париже, который уже совсем забыла.

* * *

Де Морне проснулся внезапно – после резкого всхрапа. Протерев глаза посмотрел на часы: «почти шесть?!» Вскочил с кровати, чуть не с воем побежал к прилегшему Гийоме, пнув того куда не следует.

– Ты что тварь, убью! – пнул еще раз и побежал таким же образом будить остальных, уже начавших просыпаться после его скулежных криков.

– Вставайте, пьяные свиньи, нализились вчера!...

Через минуту все уже были на ногах, поспешно одевались, хватали приготовленное с вечера оружие. Манде успокаивал де Морне; нервно всех подгонявшего.

– Не стоит так волноваться, вы что баб не знаете? Можно даже поесть...

– Какое поесть, уже почти шесть!

На шум сборов прибежал трактирщик, к которому вышел Манде что бы тот их не видел и чтобы оплатить счет.

Крики и возня за перегородкой так же привлекли внимание заснувшего Баскета, который незамедлительно разбудил своих господ. Не спеша в спокойной форме они так же принялись одеваться и поэтому когда они затягивали последние шнурки на своих охотничьих костюмах, бандиты во всеоружии, кстати нисколько этого не скрывая, выходили во двор.

Баскет самовольно принялся следить за ними из-за занавесок пока испуганно не отпрянул, когда Гийоме пригрозил ему дулом пистолета.

– Сколько их? – спросил де Гассе.

– Девятеро, вооруженные, на конюшню пошли.

– Если я увижу, что они моего Ливонеза взяли, я пристрелю их всех на месте, – пригрозил д’Олон во всю силу своих легких, теперь уже не приглушая голоса.

– А не лучше ли будет, дорогой д’Олон, проследить за ними, что они собираются делать? – предложил де Гассе, засовывая за пояс один из пистолетов друга.

– Бандиты? Да что им еще остается делать, как не грабить на больших дорогах...

– Не похожи они на простых грабителей. Из них по крайней мере двое дворяне. Сдается мне не на простую охоту собрались они.

– Еще можно в шутку предположить, что это наемники одного какого-нибудь выжившего из ума феодала. Они такими кажутся. Это-то меня еще больше интригует.

– Так вы, дорогой мой д’Олон, не против?

– Как и вы! Разве могу я быть против такой возможности перестрелять все это жулье. Я хоть прямо сейчас бы начал!

– Но это, дорогой мой Сен-Жан, ни в какие ворота не лезет, начинать, не застав на месте преступления.

– Так значит надо застать! Баскет, коней!

Баскет однако не сразу кинулся исполнять приказание, видя конный отряд только-только выехавшим с мощеного булыжником двора. Еще слышен был топот.

Конная девятка увлекаемая торопящимся де Морне стремительно пронеслась сначала по дороге, затем свернула по тропинке в лесок, через который проглядывал покос.

На следующем после него поле сохлой пшеницы, то есть на свободном пространстве, Метроне подогнал своего Буцефала к коню де Спорада и сравнив аллюр обратился к своему господину.

– Монсеньор... Мне сегодня приснился сон, что ваш брат наконец-то скончался. – Метроне, как и всякий лукавец чтобы чего-то добиться прибегал к обману.

В данном случае он бессовестно врал по отношению к вину, заставившему его проспать как убитому: так что еле до него добудились, вернее допинались.

Метроне врал в расчете, что его отпустят и он не будет участвовать в нападении, предчувствуя что-то неладное.

– Монсеньор, можно я поеду? – спросил он умоляющим голосом.

Де Спорада по здравому размышлению подумал, что и в правду будет лучше, если слуга не будет видеть его участия, тем более знать детали, ведь ему предстоит еще ехать с ним на родину. И он ни слова ни говоря молча кивнул ему. Протянул жмень серебрянных монет на дорогу.

– Спасибо, монсеньор, прощайте! – воскликнул Метроне и повернув коня обратно, погнал назад.

Это заметил Манде и обратил внимание де Морне, который незамедлительно подъехал к маркизу и спросил.

– Вы что, маркиз, людей мне распускаете?

– Вот как ты о своих делах беспокоишься! Так не мешай и мне побеспокоиться о своих.

Метроне быстро гнал своего Буцефала обратно, боясь услышать взади окрик, вернувший его назад, и поэтому ехавшие по лескам через чащобы, трое следивших: де Гассе, д'Олон и Баскет не могли заметить одного отделившегося, так и сам отряд потеряли из виду, но это только как выяснилось на время.

Завидев их снова д'Олон успокоенно вздохнул и протянул руку к корзине, которую вез Баскет, держа ее в руках. В корзине имелось все то, что заглянув на кухню к трактирщику д'Олон в нее положил. А именно: хлеба, ветчины, цыпленка, и конечно же бутылочку вина, за которой сейчас тянулась его рука. Схватив ее, он коренным пальцем выдавил пробку и стал давиться пенящейся струей шампанского. Осушив ее на две трети Д'Олон утер рукавом лицо, проговорив:

– Вот за что я не люблю шампанское... за срач!... Шевийон, – обратился он через некоторое время к де Гассе, по одному из титулов графа. – Возьмите ветчины. – предложил, сам в это время беря ее чтобы закусить.

– Не время, они кажется в ту сторону подались.

– Ну ты, как хочешь... а я не люблю... быть голодным. – говорил Д'Олон, глотая, от скачков не прожеванные куски, в тоже время вырвав у Баскета корзину и без нее заваленного оружием, которое тот вез с собой.

– Если они едут в мой лес охотиться, я на них самих там охоту устрою.

Отряд уже в составе восьми конников, подъезжал по лесу к заранее примеченной засаде, откуда нападение может быть только внезапным. Главное что сейчас тревожило де Морне, как и каждого это то, что время подходило к семи...

Не проехала ли баронесса уже? – стоял мучительный вопрос, от Орлеана – всего пятнадцать миль – не так уж и много.

* * *

Если бы утром этого же дня нам на крыльях рассказчика понаблюдать за окрестностями старинного города Орлеана, как мы наблюдали за пятнадцатой от него милей; то внимание наше непременно обратилось на дороги, идущие в город и особенно ту, которая шла от причала парома на правом берегу реки, так как не смотря на столь ранний час были желающие переправиться на этот берег Луары.

Впрочем, если присмотреться повнимательней, то можно было заметить на площадке парома только двоих – явление довольно редкое. Обычно паромщик не отчаливал, пока не собирал людей битком, или хотя бы на среднюю заполненность, но сейчас при виде подъезжавших нескольких телег, отправиться без них было для него просто неслыханным делом! но что не сделаешь за деньги.

И что... не сделают за них.

Паром с намного большей скоростью чем обычно, пересек воды реки, на радость измучившихся работников.

Как только помост парома ткнулся в причал – двое, в коих читатели могли бы легко узнать барона д'Обюссона и аббата Витербо, сели в седла своих коней и погнали их на дорогу, шедшую в обход Орлеана, как гнали на продолжении всего пути от Обюссона, с того самого момента, как Аруэ сбежал от них.

* * *

Уже было светло, всходило солнце.

– Натяните намордники, – приказал Спорادا, сам натянув на нос черную повязку, когда до цели следования, засады, оставалось рукой подать / с ружейный выстрел /. Его примеру последовали и остальные. С закрытым лицом стало как-то легче и спокойнее.

– Гийоме, выедь на дорогу, проверь, – приказал де Морне, продолжая вести за собой отряд, едущий пока по лесу вдоль дороги у покосов и полей, на которые отклонился один из них.

– Они проехали! – услышали они как Гийоме и без команды повернули к краю леса и дороге. Затем погнали через рожь, пока не выехали на саму дорогу...

Синий фиакр находился от них в четверти мили – не так уж далеко, если учесть, что первое время, пока они догоняли, их не замечали, пока один из охранников, сидевший на облучке. Вместе с кучером. Не забил тревогу, кулаком по крыше.

Рено высунулся из смотрового оконца. Догонявшие, выигрывая секунды, продолжали кто как мог гнать своих коней вперед. Особенно усердствовали при этом головорезы.

– Давай гони! – приказал Рено кучеру по имени Гренгуар.

Кнут сразу же засвистал в руках кучера, гуляя по спинам и бокам двух лошадок, кои были запряжены в его фиакр.

Теперь и они прибавили хода, хотя ехали все равно не так как хотелось бы быстро, ведь помимо фиакра и вещей лошадам приходилось тащить еще пятерых человек.

– Скорей же, скорей! – подгонял кучера под руку Рено. – Если догонят, всем конец! – кричал он, готовя оружие.

Снова высунулся подсчитать и ужаснулся тому, как приблизилась погоня, впрочем, немногочисленная, всего на пятерых большая, что можно исправить... Рено крикнул сидевшему сзади на багажнике перебираться вовнутрь. Тот не ответил. Неужели убили? Но выстрелов не было. Тогда он сам выстрелил, поняв что сидевший сзади спрыгнул, сбежал... увидел его почти подбежавшего к лесу, но де Спорادا не дожидаясь того, спроста выстрелил точно и почти добежавший, остановился на миг... упал. В разгаре погони услышал крик Гренгуара:

– Впереди деревня, мы успеем!

Рено мельком глянул на баронессу, она молилась. Снова выглянул в оконце дверцы, но теперь уже смотрел вперед: дорога пока еще вдалеке пропадала в большой деревне, куда бандиты не решится сунуться, хотя все может быть.

Рено взял два заряженных пистолета, но снова уселся на сиденье.

– Давай напарник, на зигзаге много времени потеряем, нагонят.

– Ось не выдержит, – спокойно отвечал кучер.

И они повернули по зигзагу направо. В то же время из общей группы нагонявших вырвался один, на своем гнедом жеребце – единственный кто заметил зигзаг, и в отличие от остальных не завернувший вперед за дорогой.

Значительно оторвавшись и в скорости и в направлении, он погнал напрямик, и вот когда фиакр прошел зигзаг, то вырвавшийся вперед оказался у него сбоку.

Рено прицелился и выстрелил в него, но пуля просвистела мимо, возле головы.

Гийоме не долго прицеливаясь выстрелил в большую фигуру лошади и повалил ее, далее устремившись объезжать. Из-за резкого торможения Рено в самый момент выстрела отклонился и промахнулся во второй раз.

Ужасные мгновения отчаяния... охранник откинул свое оружие, бросился бежать, даже не пытаясь сопротивляться... растерявшийся кучер... сзади приближающийся топот... выстрелы... объехавший Гийоме напал со шпагой на убегающего охранника, зарубив его несколькими ударами.

Рено схватил подаваемый баронессой пистолет. Распахнув ногой дверцу высунулся. Ближайший менее чем в десяти туазах, чуть обождал и за это время заметил, что многие придерживают своих коней / и лишь головорезы устремлялись вперед безрассудно и стреляя /.

Рено выстрелил, на сей раз удачно, свалив одного из них. Принял от баронессы еще один пистолет, оставшийся от беглеца. Кучер видя что Гийоме все еще отвлечен, безрассудно спрыгнул и попытался убрать тушу остановившей их лошади. Рено уложил на повал еще одного, приблизившегося, но фиакр был уже окружен.

Когда лошадь последнего убитого перестала прикрывать своим корпусом сторону экипажа, дверца оказалась закрытой.

Спорада выстрелил в нее наискосок, но де Морне недовольствуясь этим, шпагой выломал дверцу... головорез вовремя успел выбить из руки Рено пистолет, наставленный на де Морне, чем спас его, но второй навесной удар Рено отразил своей шпагой и потеряв равновесие выскочил, еле успев ухватился за край.

Де Морне уже занес свой клинок, готовый опуститься на подставившуюся голову Рено, как изнутри раздался выстрел из руки баронессы. Все окутало пороховым дымом. Было видно, что де Морне не убило, но клинок разбит пулей у самого эфеса.

Пока дым рассеивался де Морне отнимал шпагу у Аньяна. Услышали вдалеке выстрелы трех несущихся на них во весь опор всадников.

Причиной их опоздания явилось то, что они не заметили как бандиты выехали на дорогу и продолжали ехать по лесу в противоположную сторону.

– Кончаем их. – приказал Спорада, наблюдавший за всем происходящим позади всех.

Де Морне в ярости нападавший и безрезультатно обрушивающийся на Рено свои удары, спокойно отбиваемые мешал дать залп, более того лезя в самое пекло на ражен, подвергался большой глупости быть убитым.

Манде не долго думая, оттащил коня де Морне вместе с ним самим за узду в сторону, освободив пространство перед Рено, закрывавшим собой баронессу, и ими.

– Целься!...

В это время выстрелил д'Олон: последний головорез со страшным криком схватился за плечо, не удержавшись за седло, свалился с коня.

Рено в очередной раз получив заряженный баронессой пистолет от волнения замешкался в кого из наведших на них дула стрелять?

– Пли! – раздалась четыре выстрела: Манде, Спорада сразу из двух пистолетов и последний запоздалый де Морне, который тотчас спрыгнул с седла.

Рено медленно опуская голову, и сам за ней наклоняясь, вывалился на землю... замерев, когда де Морне наступив на его мертвенно побелевшую руку, залез вовнутрь.

Баронесса д'Обюссон была мертва, о чем свидетельствовали два кровавых пятна, переставших сочиться и увеличиваться на белой материи платья.

Де Морне как вурдалак, иного сравнения не нашлось бы, подсел к мертвому телу, ища в нем и дорожной сумочке, так нужный документ.

Зрелище было просто отвратительным даже для Манде, уж на что к такому привыкшему, и тот предпочел отвернуться, переведя взгляд на троих всадников, заметно к ним приблизившихся.

Аньян, не выдержав, вообще погнал своего рысака с ужасного места побоища, с мучениями совести думая о том, что они здесь сотворили.

Не видно было и Гийоме.

Секунды шли одна за другой, приближалась опасность, а де Морне все еще не мог найти чего искал.

Наконец настало такое время, когда его следовало убрать. Манде, взглянув на Спорада ничего не возразил, видя в каком состоянии находится де Морне.

Поиски велись на грани безумия, понятно что ни о каком уезде он и слышать бы не захотел, а оставлять его им было нельзя.

Вдруг де Спорادا опустил дуло пистолета, готового вот-вот выстрелить, и лишь затем раздался радостный вопль де Морне, не сразу осознавшего, что он нашел.

Засунув обратно в разорванный пакет документ и отбросив вывернутую сумку с разорванным дном, де Морне, весь измазанный в крови, вылез из фиакра, засовывая пакет в нагрудный карман.

– Скорее же! – попросил настойчиво Манде, держа ему его коня за узду, в тоже время наклонился, подобрал выпавший из сумки кошелек. Когда садился в седло снова раздался выстрел, уже настолько близкий, что могло показаться, что им уже поздно пускаться в скач, остается только принять бой с наезжавшими.

Подумал так и глянув назад, заметил как раненный головорез поднял голову и застонал.

– А меня... помогите...

Де Спорادا выстрелил ему прямо в лицо.

Де Морне тоже шпагой проткнул лежавшего спиной кверху другого головореза, на всякий случай. Втроем: Манде, де Морне и Спорادا погнали своих коней к лесу.

Спорادا будучи последним и чувствуя погоню за спиной обернулся и выстрелил в ближайшего, так же выстрелившего в него. Не подними конь де Гассе в это время голову, свалился бы наездник, а так замятво пал конь, так что де Гассе еле успел спрыгнуть, иначе падение вместе с конской тушей имело бы для графа печальные последствия.

Вскоре пал таким же образом и конь д'Олона, убитый так же метким выстрелом де Спорادا, когда тот уже въезжал в прогалину леса...

Погоня коня де Морне прижимал к груди добытый пакет и вспоминал проход Гийоме, остановивший экипаж. Де Морне даже почувствовал к нему симпатию, но тут же вспомнил и другое, что все его планы чуть не порушились так же из-за него...

Не проспи они, синий фиакр был бы более чем мягко остановлен и обшарен, а после докажи что было на самом деле. Впрочем эти трое и тогда бы не дали бы все гладко провести. Сожалея о грязно проведенном деле и чувствуя радость, что все-таки конечная цель достигнута, незаконнорожденный сын завещателя погонял коня, наклоняясь от бивших его веток.

Удачно успевший спрыгнуть де Гассе жестом руки указал скачущему за ним Баскету ехать за д'Олоном, что тот и сделал, однако сам граф не стал садиться на одного из свободных коней, так как увидел что и его друга постигла та же участь.

Проследив удачно ли упал д'Олон. Де Гассе стал приближаться к месту ужасной драмы, разыгравшейся на их глазах.

А зрелище представилось действительно жутким: уж на что он нагляделся на войне на всякое, но чтобы так гнусно напасть и убить пожилую женщину... и всех сопровождавших ее... впрочем нет, кто-то закопошился под передними колесами и прикрывавшей его туши лошади. Через некоторое время оттуда боязливо высунулся Гренгуар, оставшийся таким вот образом в живых.

Видя, что граф перевел с него взор вовнутрь фиакра на буквально растерзанное тело баронессы, Гренгуар потихоньку встал...

На зигзаге дороги уже стали собираться любопытные, один за одним подъезжали экипажи, когда д'Олон хмурый и недовольный подошел ко всем сзади. Их общее восхищение вызвал убитый Рено, так долго сопротивлявшийся, сейчас неподвижно лежащий.

Мало-помалу собравшиеся окружили место, где разыгралась драма, неплотным кольцом. Конечно же при таком стечении людей, все продолжавшимся увеличиваться, дело не обошлось без полиции. Черный маленький полицейский кэб, курсировавший дежурным рейсом из Парижа в Орлеан, конечно же остановился на обочине дороги, чтобы разобраться в чем дело? Выскочивший из кэба маленький полицейский добрался до места намного раньше другого, степенного и чином выше. И поэтому прежде чем тот подошел, без него графу де Гассе и д'Олону, коротышкой, вставшим перед ними по-деловому, было учинено следующее:

– Господа, соблаговолите сдать оружие. – сказал им не разобравшись, что конечно же взбесило д’Олона, но ответить успел де Гассе.

– Нет причин нам его сдавать.

Произошла перебранка, маленький полицейский стоял на своем, пока не подошел его напарник, старше по чину.

Скоро разобравшись, он стал составлять протокол, в то время когда его сослуживцу пришлось извиняться в своей несдержанности.

Тела убитых покрывали с лицом, а синий фиакр уже тронулся, везя убитую, как внимание всех привлек к себе мчащийся сюда на полном скаку, невзирая на толпу наездник, вернее даже два.

Сбив некоторых зазевавшихся, в том числе и младшего полицейского, первый наездник слез и шаткими шагами добрался до фиакра, где так и осталась лежать убитая баронесса... приподнял полог и горестно воскликнул, убирая руку.

Неожиданно крик был прерван выстрелом очнувшегося из забытья Рено, и этим неосознанно возвестившим о себе как о живом человеке.

Испугавшиеся лошади тронулись с места от слишком странно успокоившегося барона, неподвижно воззрившегося куда-то вдаль, но только не на смертные дроги баронессы.

Баронессу д’Обюссон похоронили на аристократическом кладбище Орлеана. Спустя несколько дней, даже недель, барон вместе с аббатом Витербо и успевшим поправиться Рено, выехали из города. Но то было потом, а пока преступники, свершившие кровавое злодеяние, разъезжались в разные стороны.

Глава VII. А банда совсем не распалась

Гийоме беспощадно стегал своего коня, гнал так, что казалось быстрее уже невозможно и по прошествии определенного времени оказался от синего фиакра намного дальше, чем кто-либо другой. Черное породистое животное делало несоизмеримо большие скачки сначала то ли по покосу, то ли просто по бросовой земле, постепенно зарастающей мелким кустарником, а у роши молодыми деревцами.

Минув и ее выскочил сначала на дорогу, ведущую в селение, но потом свернул на другую, идущую в обход, меж полей пшеницы.

Поднимая за собой столбы пыли скоро оставил деревню далеко позади по левую сторону, а через некоторое время, снова встретился с развилкой дорог, и снова выбрал правую, а не другую, идущую на соседние с широкой главной дорогой. Так проехал держа ее в поле зрения, пока деревня совершенно не скрылась позади.

Нервно покусывая губы Гийоме продолжал оглядывать дорогу, глядя то назад, то вперед. Уже встало солнце и начало пригревать. Сдвинув полы шляпы на глаза, чтобы не слепило, снова осмотрелся. Зло рыкнув, пустил коня напрямик к дороге и скоро поднялся на нее с низкой обочины. Придержав коня снова осмотрел ровные просторы. Ни спереди, ни сзади никого, дорога была пуста, но тут присмотревшись заметил какую-то точку. Съехал на обочину теперь уже в крутой овраг вместе со стронутой копытами суглинистой почвой со склона. Съезжая, конь все же смог удержаться на ногах.

Овраг был длинный, с различными разветвлениями, в одном из которых он и оставил своего коня, так чтобы его не было видно с дороги, а сам снова взобрался на обочину.

Сейчас Гийоме по каким-то непонятным приметам признал в коннике своего. Спрятался обратно в овраг, туда, где стоял его конь. Правда тогда ему ничего не было видно, кроме суглинистой стены и поэтому он взобрался на спину коня, встав на седло ногами и придерживаясь шпагой о край. Сейчас можно было видеть всю дорогу и в то же время голова его не была видна над поверхностью, заросшей сохлой хворостовой травой.

С минуту спустя в езде можно было признать де Морне, который тоже оглядывался по сторонам. Заметив овраг, тоже спустился по нему, но уже в другом месте, не в том крутом, по которому спускался Гийоме.

Гийоме не знал что делать, только долго прислушивался, но было тихо и спокойно.

Минут через пять проехал кэб, затем почтовый дилижанс, и опять все стихло. Еще через некоторое время Гийоме услышал впереди кашель и сплевывание. Наконец, определив откуда это доносилось, попытался залезть наверх и чуть не свалился от первой неудачной попытки под ноги коню, отчего бы непременно пришлось бы выслушивать его ржание, что было крайне нежелательно.

Сделав клинком в вертикальном склоне выбоины, куда ступил ногой и залез на поверхность, скрываемый травой. Огляделся, долго занимаясь этим занятием, не заметил что с той же самой стороны скачет еще один наездник – Манде. Гийоме тогда неподвижно распластался где лежал в траве, полностью ею скрываемый. Пока с назревшими планами нападения пришлось подождать, если не вообще расстаться.

Как он и предвидел, Манде был окликнут выезжающим из оврага на дорогу:

– Ну и что? – спросил де Морне у Манде.

– Спорада поехал на место.

– А Метроне?

– Я немножко понял их разговор, с ним тоже все нормально.

– Тогда возьми, положи это в секретер в своем кабинете. Но мэтру ни в коем случае не показывай.

Гийоме увидел, что де Морне передал Манде что-то наподобие деревянного ящичка и еще что-то сказал, но разобрать уже было невозможно. Подул освежающий ветер с его стороны. Но все же последние слова расслышал:

– Мне в Нант... мой корабль...

Манде взял ящичек, представлявший собой хитрое приспособление из двух плотно пригнанных друг к другу досочек, меж которых и лежал документ, который вынуть оттуда можно было лишь разломав дощечки.

С тем де Морне и Манде разъехались. Последний поехал в Париж, или по крайней мере в его сторону, тогда как его господин, если так можно выразиться, ускакал куда-то в сторону трактира, а вернее к дороге на Тур, откуда по прямой до Нанта.

Пролежав некоторое время в полном не движении, Гийоме привстал и посмотрел по сторонам: де Морне уже не было видно, а Манде превращался в точку.

Тогда он быстро встал и тут заметил скачущего вдали так же в сторону Парижа, то есть в его сторону, еще одного наездника.

Не обращая ни на него внимания, слез на седло коня. Сел и тронул. Стал подниматься по склону и приметил в том ездоке Аньяна, который пока его, судя по всему пока не заметил.

– Чтоб их всех черт побрал! Что им всем нужно в Париже? Нашли где ездить! – отругался Гийоме.

Заведя коня за откос, стал ждать пока тот проедет.

Аньян хоть и удрал с места побоища первым, теперь ехал на своей кляче одним из последних, если не считать Спората, выбравшего противоположное направление. Погоняя возле оврага, уже почти проезжая его, он услышал окрик, заставивший его вздрогнуть:

– Постой, Аньян!

На дорогу выехал Гийоме.

– Что тебе? – тревожно спросил неохотно остановившись на своем рысаке Аньян.

– Знаешь кто это? – указал рукой вперед.

– Я сейчас вообще никого не хочу знать, разъезжаемся по добру по здорову.

– Ну ты постой! – рыкнул на него Гийоме. – Как же ты разъедешься, когда скачешь в спину Манде?

– Какое мне дело до этого, главное что в мою спину скачет полиция!

– И все же нам с тобой лучше свернуть и догнать Манде по боковой дороге.

– Зачем мне это нужно? Отстань.

– Аньян, дурак, он везет с собой важный документ.

– Послушай, Гийоме, хватит на меня сегодня!

– Ты получишь много денег, если мы уьем Манде.

– Ты кроме уьем, что-нибудь еще знаешь?

– Вот так бы сразу без ломаний. Дай мне пыжов. – задобрил по-дружески Гийоме.

Аньян лишь подчиняясь огромному влиянию, которое на него имел Гийоме, дал все что от него требовалось и направил коня вперед за ним. Через некоторое время свернули с дороги и далее понеслись чуть вбок. Добрались до проселочной дороги и погнали по ней.

– Гони своего, не жалея, все окупится! – подзадоривал Гийоме.

Аньян погнал своего коня так, что отстал только на пол сотни туазов, за милую, что они проскакали. Удалившись неизвестно насколько от главной дороги, Гийоме вслед за проселочной дорогой взобрался на возвышенность и там остановился, поджидая дружка и зорко всматриваясь вдали. Вскоре подъехал и Аньян, запыхавшийся больше чем конь.

– Ну что? – спросил он, хотя и сам видел что Манде уже ехал по одной из улиц какого-то селения впереди.

– Вперед?

– Обожди, Аньян, он там собирается передохнуть, видишь с коня слез...

Главная дорога проходила внизу, тогда как периферийная выше, тем более еще взбиралась на возвышение, откуда было видно все селение.

– Ты хорошо видишь? – спросил Гийоме.

– По крайней мере двери видны.

– Там проход, двери открыты.

– Много ты видишь одним глазом! Там дверь, не видишь что ли белая!

– Это штора от мух! Но это не важно, главное что коня хорошо видно. Вот что: как он поедет, съедешь с холма назад, чтобы тебя вообще не было видно, скачи по его пути, а я буду поджидать его там... впереди.

«Черта тебе с два!» – подумал Аньян в ответ.

Гийоме пустил коня галопом вниз с риском что гнедой может зарваться и завалиться на передние ноги. Подумав об этом умерил ход и спустившись поехал сначала по этой же дороге, но затем съехал и объехал селение, из которого выходила все та же главная дорога.

Он направил коня вперед к близко подступающей к этой дороге дубовой рощице, густо заросшей какими-то сорными породами деревьев и скрылся там, напугав своим снова натянутым намордником молодую пару. Удовлетворившись тем, что они моментально покинули лесок, Гийоме огляделся, где можно получше устроиться и нашел лучшим то место, где находился. И близко к дороге и заросли скрывают. Не даром он въехал именно сюда, потому что присматривался сразу куда лучше въехать?

Осмотрел свое оружие. Кинжал не пойдет, но все же на всякий случай вынул из тугих ножен и заткнул за пояс. Вынул шпагу и тяжелый пистолет, шпагу так же на всякий случай сунул в левый сапог, так что в любой момент можно будет вынуть ее как из ножен. Приготовившись стал прислушиваться и выглядывать сквозь дубовую ветвь на дорогу.

Время еще было сравнительно раннее и потому на дороге было тихо и пусто, лишь слышалось мычание деревенских коров, да поздние крики петухов. К участвовавшемуся мычанию прибавился звон колокольчиков; крики пастуха приближались все ближе и ближе.

Гийоме захотелось выглянуть посмотреть на вершину холма, но он воздержался, дабы не быть замеченным пастухом.

Время шло. Звуки коровьего стада приближались с ужасающей медлительностью, казалось они стали пастись на дороге. Прошло четверть часа, а стадо приблизилось ненамного.

«Когда они пройдут, божьи твари, вместе с этим пастухом» – подумал Гийоме и уже выругался вслух: «Чтоб ты окошел, деревенщина, если окажешься свидетелем, кинжал будет для тебя».

Как будто почувствовав грозящую для него опасность, пастух погнал стадо на другой выпас и если бы только по дороге, а то направил коров через его рощу, хорошо что сам не последовал вслед за ними, проехав по дороге, а то мог наткнуться на Гийоме и кто знает, что тот с ним сделал бы?

Скот обходил Гийоме стороной, грозно и недовольно мыча, обрывая ветки в других местах. Сие начало просто бесить и без того разгоряченного Гийоме. В довершение ко всему услышал езду телеги, которая остановилась. Хозяин транспорта стал болтать с пастухом, но это издевательство продлилось недолго. Только телега тронулась, неуклюже проваливаясь, скрипя осями и всеми своими частями, как пастух заиграл в рожок, собирая стадо за рощей на лугу.

Вскоре все стихло и можно было выходить и смотреть куда вздумается, он даже слез с седла, но тут снова услышал топот сразу нескольких лошадей вперемежку со звуком езды чего-то массивного. Гийоме смотрел в просвет между листьями и видел лишь небольшой отрез дороги, так что из окон проезжающего дилижанса его не могли заметить.

Снова пришлось ждать когда все стихнет, и только он сделал шаг, чтобы выйти и выглянуть на дорогу, то будто почувствовал – конский топот. Быстро вложил ногу в стремя, взо-

брался в седло, подтолкнул коня поближе. Приготовился выскочить и на ходу выстрелить... но то был Аньян. Все же стегнув коня, выехал.

– Ой! Черт, откуда ты взялся?!

– А ты на кой черт здесь?

– Зачем мне быть там, когда в этом чертовом дилижансе едет Манде.

– Черт возьми.

– И напасть нельзя, людей там целая чертова дюжина сидит. – рассмеялся он насчет их разговора с чертями. Однако Гийоме не стал посылать его ко всем чертям; пряча оружие и намордник, он думал: «Манде наверное видел нас...»

– Все пошло к чертям на рога. – не унимался Аньян.

– Погодь, – оборвал его Гийоме, уже тронувшего коня.

«С чего начать, с чего начать?»

– А ты, я вижу во вкус стал сразу входить, как на горизонте золотые горы замаячили. Понимать все сразу стал. У тебя вообще с собой сколько денег?

– У меня. – с легкой робостью отвечал Аньян, – Тридцать восемь ливров и где-то пятьдесят – шестьдесят денье.

– Ну их ты можешь оставить себе, а ливры пустить на дело. А вообще сколько ты скопил к этому своему дню?

– Я еще и не копил. Мне только тридцать один год! И уже всего вместе с теми – триста с половиной.

– Триста тридцать восемь – смешотворно. Тебе-то при твоей житухе и на пол года не хватит.

– Не надо ля-ля.

– Ну а дальше?

– А что дальше? Потом еще какое-нибудь дело найду, но только не пахать.

– А если не найдешь?

– А-а! И не говори. – вдохнувши согласился Аньян, глядя вслед удаляющемуся дилижансу, с сожалением, будто бы уезжает его благополучие.

– Но нападать на дилижанс не будем. – твердо решил Аньян. – Хватит на сегодня.

– Ну и прекрасно! Так значит ты не прочь бы попробовать разбогатеть?

– К чему ты клонишь?! – вспыллил спрашиваемый. – Вот уже тридцать один год я все пробую и пробую. В самом младенчестве мать меня хотела отдать в богатую семью, у которых ребенок умер. Так мои белобрысые волосы...

– И пока ты решил такими мелочевками пробиваться? Бросил пахарский труд, жену, детей... И навстречу удач, ловить случай. Ну что ж, можно считать что ты близок к этому. Можно заработать по пол сотне тысяч.

– Ты что, рехнулся, ты правду говоришь, Гийоме? Не шути, Гийоме. Скажи, ты правду говоришь, на этом деле можно столько заработать?

– Если бы Манде не сел в дилижанс, мы бы уже заработали!

– Ну да, кто бы тебе заплатил столько, уж не Обюссоны ли?

– Заколебал ты меня своей простотой. Ты знай одно – Манде везет с собой завещание в Париж, а нам нужно его конфисковать.

– У де Морне нет таких денег.

– С кем я связался! Эх жаль! Если бы у Спорыда не было бы пистолета в руках, я еще тогда вырвал бы у этого Морне документик из его же рук, только дверцу открыть было. / Гийоме все то время, что велась расправа, находился по другую сторону фиакра. Вот почему его не было видно среди стрелявших /...Но ничего мы еще наверстаем свое. Судя по ходу этот дилижанс только к вечеру прибудет.

– Да ну ты что!

– Я тебе точно говорю!... Нарвешься ты на полицию. Выкидывай свои пустые ножны, ими даже не убьешь.

– Где, в Париже?

– Слушай, ты не паникуй! Мне не впервой там делишки проворачивать, ты наблюдать только будешь.

– За одними я уже наблюдал. Так минуя тюрьму – сразу на Гревскую потащат. Такую Сицилию под Парижем устроили, это же надо!

– Заныл. Поганые немцы и итальянцы его милую Францию осквернили. Это же надо! Дуру старую пришили. Ну ты правда точно выразился, Сицилия была. Давай трогай, за этим дилижансом и рысцой успеть можно, такие только к восьми приходят, и это еще в норме, по расписанию называется.

Гийоме и Аньян тронули коней и сравнив аллюр, как будто у них прогулочная поездка, поехали вперед, где виделась точка дилижанса. Проехали мимо стада коров.

– Послушай, а заплатит нам столько де Морне, ты уверен?

– Он будет у нас в ногах ползать, просить вернуть. Кроме того ему еще остается больше чем нам, одних денег на двести тысяч, да и поместия – до миллиона добьют.

Гийоме хорошо знал о состоянии покойника от Марчеллы.

Дилижанс через ворота Сент-Антуан въехал уже в ночной Париж со светящимися уличными фонарями, с тусклыми витринами магазинчиков и кафе, и прочих завлекательных заведений.

Проехав по широкой артерии – Сент-Антуан, улицу, имеющую с предместьем одноименное название, остановился на площади. Гийоме и Аньян уже спешившиеся и скрывающиеся крупами коней и темнотой, наблюдали выход пассажиров наружу, обильно освещаемую фонарем и яркой витриной заведения. Многие туда же и заходили, но основная масса сразу же направилась к стоявшим рядом у обочины экипажам. Гийоме пошел почти бегом за ними, держа за обшлагом куртки кинжал. Он знал что Манде вместе со всеми пошел туда, видел это при свете, а сейчас всматривался в темноту и каждого нагонял. Заметил его уже при отсвете, но было поздно, тот вместе с другими зашел вовнутрь экипажа, который тотчас же тронулся. Аньян вел коней недалеко позади и поэтому уже через пол минуты, они ехали вслед за экипажем чуть поодаль, и пользовались как ориентиром крупом белой лошади, запряженной по левую сторону.

Минут через десять остановились. Гийоме был тут как тут и внимательно наблюдал кто выходит? Вышли двое: еще через пять минут высадили другого и на следующей улице буквально через сто туазов еще одного. Далее экипаж поехал быстрее. Улица за улицей, смеялась площадями; ехали очень и очень долго – с три четверти часа, а то и час, как вдруг экипаж неожиданно остановился, вплотную подъехав к двери одного дома, что их и застало врасплох, ведь они поотстали и заметили его поздно. Экипаж уже тронулся, высадив выскочившего Манде, а тот уже постучался, когда Гийоме стегнул коня и погнал прямо на него. Манде через некоторое время повернулся... глаза его наполнились ужасом... он затарабанил кулаком, схватился за оружие, но дверь открыли и он юркнул в нее, захлопнув ее за собой.

Конь прорезал в скачке уже пустое пространство над низенькой подъездной площадкой дома.

Глава VIII. Внимание его Величества французского короля Людовика XIV, проявленное к кровавым событиям в собственной стране, происшедшим не так далеко от Парижа, и вовсе близко от Орлеана

В Ажурном зале самого большого в мире Версальского двора вечером того дня не проводилось никаких мероприятий, кроме как аудиенции министра полиции Франции, Марка-Рене-Вуайе д'Аржансона у короля.

Людовик XIV в свои шестьдесят семь выглядел совсем стариком и сейчас сидел на диване неподвижен, отдыхал после прошедшего дня и не смотря на теплый вечер, грел ноги в тазу с водой.

Здесь же присутствовала его фаворитка Франсуаза д'Обинье, которую он ранее сделал грозной маркизой де Ментенон. Присутствовал также его духовник отец Лашез, о котором коротко можно добавить, проведший тайное их венчание и крестивший их детей.

В зале царил таинственный полумрак – наиболее подходящий для благочестивых размышлений де Монтенон, а значит и для Людовика XIV, а так же для долгих вечерних молебствий, которым они обычно подвергали себя втроем, вместе со старым отцом Лашезом. А пока...

...Д'Аржансон, как министр докладывал о состоянии дел в королевстве по своей части и когда сделал паузу, воцарилась тишина безразличного молчания, которую он сам же и прервал:

- Особенно беспокойно было в Орлеане.
- Что там? – спросил Людовик XIV, привыкший к подобным высказываниям.
- Все, ваше величество. И волнения, и грабежи, убийства, разбойничьи налеты...

Чувствуя, что короля больше интересуют волнения, принялся подробно рассказывать о них.

– Волнения. Это я слишком выразился, так, мелкие инциденты. Посудите сами: толпа повздорила с полицейскими. Мелкая стычка. Вот в Сюиз крестьяне прогнали сборщиков налогов, но потом все же расплатились.

- Почему налоги стали собирать сейчас?
- По-видимому собирались недоимки, ваше величество.
- Это все?
- Да, ваше величество.
- Что ж вы мне скажите по уголовной части?

– Государь! То что я хочу вам рассказать очень ужасно. Боюсь это вам испортит вечер.

– Вечер, проведенный с Богом ничего не может испортить. – благочестиво проговорила госпожа де Монтенон.

– В пятнадцати милях от Орлеана на дороге к Парижу банда разбойников устроила засаду...

– Граф! Мы просто не можем не выразить вам наше недовольство. С каких это пор такие дороги как на Орлеан, стали использоваться в подобных целях, или на полицию недостаточно выделяется средств?

– И тем не менее, бандиты напали на экипаж, в котором ехала баронесса д'Обюссон. Там вообще страшно сказать что было, настоящая бойня, погибло около десяти человек. зверски убили так же и саму баронессу.

– Боже мой! Боже мой! – запричитала госпожа де Монтенон, которую кончина бедной женщины очень взволновала. – Что за время!

– Надо еще добавить, – продолжал граф д'Аржансон. – Преступлению пытались воспрепятствовать графы де Гассе и д'Олон.

– Они! – воскликнула де Монтенон, зная обоих как знают противников. – А как они там оказались?

– Они уехали в те места поохотиться. Примечательно, что они ночью даже спали...

– С ними вместе! – воскликнула она, чуть не рассмешив Людовика XIV.

– Нет, в соседних комнатах.

– Там им и место.

– Бандиты уезжая с места преступления, наткнулись на двух церковнослужителей и зарубили обоих, отче и пономаря.

– О это ужасно! Ужасно! А ради чего они убили баронессу?

– Она везла с собой несколько тысяч.

В разговор вступил Людовик XIV:

– Граф д'Аржансон, я вас заклинаю расследовать это бесприщипное преступление. Возьмитесь лично за это дело. Виновным заранее уготована Гревская площадь. Мы хотим видеть их там.

Глава IX. Повествующая далее...

Фасад дома, в частности у двери был слегка освещен не из-за фонарей, их вообще не было на этой улице, а из-за света от противоположной стороны, изливающегося из ночного кафе: «Золотой желудь».

Аньян и Гийоме, погруженные в глубокие раздумия, находились далее в глубине темной улицы, за выступающим правым боком двухэтажного здания от соседнего, почти вплотную примыкающего к дому, в котором скрылся Манде.

Здесь улица ломалась и изгибалась больше вправо, как бы стараясь завернуть к задней стороне того дома. Именно поэтому из окон на фасаде их уже невозможно было увидеть, даже если высунуться. К тому же их еще надежно скрывала темнота.

– Наверное это дом Манде? – предположил Аньян.

– Болван, поехали отсюда, а то он нас засечет здесь.

– А он тебя видел?

– Он мог только видеть морду моего коня и его копыта.

– Плохо что он их не почувствовал, а тебя он все же видел, ты голову не так низко опустил.

– Не знаю, не знаю.

– Слышь, тогда давай в самом деле отсюда ходу, а то нам от них еще получать.

– Так я не знаю что ты стоишь здесь!

– Я с тобой разговариваю, но-о!

Гийоме повел своего коня следом.

– Неужели все, Гийоме? Не может быть чтобы мы упустили столько тысяч, слышишь?

– Не глухой.

– Ну так что же?

– А то что нам нужно осмотреть заднюю часть дома. Он засел в своей крепости, а все крепости это в то же время капканы... и если мы обложим это дело хорошенько, то может получиться и каменный мешок. Ты понимаешь хоть о чем я говорю?

– Ты что же собираешься в дом залазить?

– Мы сами конечно же не сможем, но братец нам поможет.

– Чем? И его в пай? Чем он поможет?

– Мастерами!

Аньян на это что-то невнятно промямлил, когда Гийоме внимательно просматривал дома по правой стороне улицы, нет ли меж ними прохода?

– Да, черт возьми! Ты посмотри, что это такое! – разозлился он не находя такового.

На соседнюю улицу они заехали только тогда, когда та кончилась в перекрестке. Такова уж та улица была, где все дома по правой стороне, находились тесно приставленные друг к другу.

– Постой, а как именно мы определим где там дом де Морне?

– Я считаю... тише...

Конь Гийоме мерно, без каких либо понуканий, отбивая копытами по мостовой, шел вперед, чеканя шаг, поэтому Аньян сразу догадался чему ведется счет. наконец они остановились и слезли. Перед ними в темноте предстал темный силуэт каменной громады здания. На этой улице так же вообще не удосужились заечь на ночь ни одного фонаря и все освещение было естественным и исходило от извечной спутницы Земли.

То что было перед ними, не могло быть обратной стороной дома, где скрывался Манде, так как таковой здесь просто не было. С левого края этого также двухэтажного здания зияло темнотой пространство. Туда Гийоме и направился, оставив Аньяна держать коней.

То что было именно соседнее здание с домом Манде, если он действительно был его, не приходилось сомневаться. Если не поверить отсчету шагов, то кое-какой свет от кафетерия, что был напротив дома Манде, был ярче всего именно над крышей этого дома, и никакого другого поблизости.

Пройдя в кромешной тьме чуть больше чем боковая сторона одного из зданий, составивших проход, Гийоме натолкнулся на стену – заднюю стену дома Манде. Далее шел поворот под прямым углом вправо между домами, где проходя примерно до середины задних сторон, образующих проход домов, кончался тупиком. Выходили ли сюда окна, предполагать было затруднительно, единственное что было видно это более светлый небосвод с яркой звездой.

Находясь на дне каменного мешка, наполненного темнотой и неизвестностью, он испугался, быть может первый раз в своей жизни, самым настоящим суеверным страхом... как будто голова похожая на голову рогатого скота дыхла ему в лицо.

Попятившись и припустив опрочеть, неизвестно как в темноте сориентировавшись, выбежал оттуда на Аньяна, попав под насмешку.

– Темноты испугался?! «Люцифер называется».

Старик стоявший у дверей перед хозяйкой дома снова перевел взгляд на нее и продолжил переговоры о квартирной плате.

– Мне бы хоть на недельку, хоть на чердаке... у меня, понимаете, затяжка с деньгами вышла...

– Это что... Там комнаты сдают?

– По-видимому.

Доехав до более-менее освещенного места, Гийоме вручил своего коня...

– Упрячь их в какую-нибудь конюшню подальше, они нам на первое время не понадобятся, но не продавай. Сыпни-ка мне немного.

Аньян, порывшись в карманах достал единственную золотую монету в десять ливров и поспешил взять свободного коня за узду.

– Встречаемся завтра в девять у Ратуши на Гревской площади.

– Ты сдурел! У эшафота? Да? встретимся, помогут встретиться. Ну черт с тобой!

Расставшись с Аньяном, Гийоме скрылся в темноте ночи, направившись на темную улицу дома де Морне, как он все-таки считал, раз уж Манде состоял у него на услужении. Несмотря на темноту и довольно позднее время, тихой ту улицу нельзя было назвать. Доносилась скрипичная музыка, ночные разговоры, исходимые из «Золотого желудя». В ночном кафе, как и подобает, играло несколько музыкантов. Играли не только на скрипках, а разговоры превращались порою в громкие споры.

В ту же сторону, а скорее всего прямо туда, катил какой-то экипаж, что навело Гийоме на мысль под его прикрытием попасть в ночное кафе. Так он и сделал не будучи замеченным из окон дома, из которого следили. Заскакивая вовнутрь заметил над собой еще два темных этажа, что всегда означало – сдающиеся номера. Выбрав один из пустых столиков в сравнительно темном углу, заставленном зеленью, уселся.

Тут же нарисовался официант и так как Гийоме еще ничего не ел за этот день, то тому пришлось делать три ходки, чтобы его обслужить.

В таком людном месте, а посетителей было с три десятка и ни каких-нибудь а людей все больше зажиточных, рантье, в том числе даже дворян, пребывания в такой среде, Гийоме заставило не набросился на кушанье как обычно, а решил потихоньку отужинать, посидеть за бутылочкой как и все...

С этого угла, скрываемого немного экзотической растительностью – дом, что находился напротив, не было видно, так же как и сам этот угол, почти не просматривался сквозь зелень. И поэтому ему нечего было ни за что опасаться. Из тех людей, что находились здесь, он осмот-

рел каждого. Никто знакомым ему не показался, и поэтому ни к кому интереса или боязни он не испытывал. Можно было есть спокойно. Манде в эту ночь из дома конечно же не выйдет.

Углубившись в свои думы одновременно с едой, не заметил как возле него появился мальчуган, лет восьми с чисто гаменовским лицом и натурой, хотя одежда его была опрятная и не старая, что указывало на то, что он не беспризорный мальчишка. Улица, свобода, болтание и голод, что как-либо выражается на мальчиках этого слоя общества, на нем не отразилось никак, ввиду малолетства может быть, хотя для гамена это не проблема.

Простое, по-детски открытое лицо, с большими круглыми глазками и наваливающейся на них копной плохо расчесанных волос, искрило какой-то хитростью.

– Дядя, если ты не жид, дай несколько су.

– А ты наглец, как я погляжу, вот сдам тебя в приют для бездомных бродяг.

– А я не бездомный, я здешний. Господин Жак-Луи Манден, разрешите представиться. – представился он.

– Очень приятно. – ответил Гийоме, продолжая прочищать языком зубы, заглядевшись на узор скатерти.

– Дядя Патрик большой мошенник, он вам сейчас загонит до луидора. Он всегда так делает. Вы ему скажите что бы он все лучше просчитал и тогда он у вас на коленях будет просить не говорить мэтру. Он боится что тот его за жульничество прогонит. Вот увидите он вас надует.

Официант Патрик, действительно лицемерный на вид малый, уже заметил мальчишку и направился выгнать его вон за уши, как он это всегда делал, но Гийоме заметил это, и так как «местный», или как тот сам выразился: «здешний» был ему позарез нужен для дальнейших расспросов, кинул на белую скатерть медный ливр и сказал ему, что Патрик и увидел, и услышал:

– Пошли-ка, мне нужно расправить постель.

Сей каприз, небогатого на вид человека, Патрика несколько не удивил, в этом и не было ничего удивительного, в ту эпоху последнего разложения феодализма, его оскудения и недееспособности. Привычные нравы несколько не демократизировались и никак не шли в ногу со временем, все более обострялись при обеднении основной массы дворянства и доходили буквально до мистерии.

Например в одной из судебных хроник говорилось, об одном бедном дворянине, который под вечер выходил на улицу и под дулом пистолета... нет не грабил, а заставлял прохожего идти к нему домой и затем приказывал:

– Расстели постель, раздень меня, пошел вон!

Не в состоянии держать слугу он, будучи бедным, не мог себе представить, как можно самому делать то, что должны делать слуги.

И таких развелось во Франции того времени предостаточно: бедных, никчемных дворянчиков наплодилось столько, что над громкими титулами стали потешаться и они превратились в покупную вещь, почему в последствии и обесценились. Единственное, где этот слой общества мог применять свои силы, это в военном деле, служившим порою единственным источником дохода. Именно за такого дворянина, может чуть побогаче и можно было принять Гийоме.

– Ладно, постойте-ка. – сказал он, одумавшись и скинув с себя истому к отдыху.

– Если ты не беспризорник, то налей себе из кастрюльки и похлебай культурно. Я тебя шалолая, быстро на чистую воду выведу.

Жак-Луи согласился на проверку без лишних эмоций, принявшись есть по всем правилам застольного этикета, не набирая полный рот и не капая на скатерть.

– Ну что касается манеры, у тебя ее хоть отбавляй, тогда скажи-ка мне, кто живет в этом доме?

– Де Морне и господин Манден.

– Он что твой отец, Манден?

– Ну да, там же служанкой работает и моя мать.

У Гийоме тут же возник план, и он зверски глянул на мальчугана. Но от этого сразу же пришлось отказаться.

– Дядя, дай десять су.

– А больше тебе ничего не надо.

– И больше надо.

– Такие как ты наверное знают, что наглость второе счастье, бери, мошенник. – порывшись в кармане Гийоме достал ему монетку.

– Спасибо, господин, если что, я к вашим услугам, меня можно найти в этом доме.

Дождавшись, когда сорванец убежал на улицу, Патрик подошел.

– Советую вам занять третий номер. Он самый лучший из тех, что свободны. – посоветовал он занять самый дорогой номер, весьма радевший за доходы своей корпорации.

Вышеуказанный номер был действительно комфортабельным, по сравнению с отделениями конуры «Пивной бутылки», и кроме того подходил по всем качествам наблюдательной точки за противоположным домом.

– Я занимаю. – сказал он со спины вошедшему мэтру Казассару, владельцу как кафе, так и сдающихся номеров. – Застилайте побыстрее.

Мэтр Казассар живо справился со своей работой и принялся было расстегивать камзол / ...однако Гийоме не принадлежал к тем людям, которые не могли себя заставить самолично раздеться на ночь. Сказав разбудить его в восемь, отослал мэтра Казассара и закрылся, оставив сию процедуру за собой. Хотелось спать, а наблюдение из окна ничего не давало. Слипающимися глазами ничего в темноте невозможно было увидеть. Поэтому недолго просидев за этим занятием он улегся.

В восемь утра проснулся сам, быстро одевшись и даже не поев, вышел через задний выход из кафе на другую улицу. К Ратуше он пришел первым. Поджидая Аньяна, смотрел на зевак, что собрались поглазеть на нововозведенный эшафот, где поговаривали должны были казнить ведьму. Аньян пришел пунктуально, с опаской озираясь на эшафот и первое что сказал:

– Ты знаешь, у меня разошлись деньги.

– У тебя же было чуть ли не сорок.

– Да, у меня было тридцать восемь, десять отдал тебе.

– А-а.

– Держатель конюшни затребовал деньги вперед и ночь что я переночевал.

– Хватит отчитываться, пошли осматривать дом де Морне с задницы.

Через некоторое время забежав в одно из кафе, которое они проходили, Гийоме вышел оттуда с двумя большими картофельными пирогами, которыми надлежало подкрепиться по дороге.

– Ты знаешь как на самом деле зовут де Манде?

– Не знаю, как?

– Манден. Дурачье...

Подумав о чем-то, Аньян даже остановился от пришедшей на голову мысли.:

– Послушай! А он ведь сжег завещание!

– Умница! Светлая голова! Как это я сам не догадался! – кричал Гийоме на всю улицу, откусывая в то же время от пирога. – Ведь он вез его в Париж, чтобы сжечь именно в парижском камине! Вот ведь в чем все дело!...

Далее с Гийоме невозможно было разговаривать.

Придя к дому с тупиковым проходом не задерживаясь, зашли туда, завернули далее. Мощеная старым серым кирпичом была только середина, а по краям из земли росли стройные

чахлые травы. Основания обоих домов были в то же время запущены и заросли во многих местах мхом, от чего приобрели впечатление ветхости.

Тупик, перед которым они стояли был образован прямоугольными выступами, двух домов, стоящих задними сторонами друг к другу, с забитой всяким строительным хламом у низа щелью с два дюйма шириной. Чуть выше их роста, щель была уже свободна, вот почему Гийоме пахнуло тогда ночью в лицо.

Создавалось впечатление, что планировка этих двух домов одинакова, все указывало на это. Только вот у второго дома выходило со второго этажа сюда оконце, а у дома де Морне нет.

– Послушай, Гийоме, наверное Манден сжег его... после того – замялся Аньян при взгляде каменного лица Гийоме.

– Ничего я не сжигал. – услышали они оба сзади голос маленького Мандена, стоящего у угла и опираясь на него рукой. Гийоме по взгляду на него Аньяна понял, что тот смертельно растерялся и совершенно сбит с толку.

– Мы сюда доски притаскивали. – сразу нашелся Гийоме. – Скажи, ты не знаешь, кто их брал?

– Нет, я сюда даже никогда не заходил.

– Однако же зачем ты сейчас пришел?

– Я просто увидел вас и пришел.

– А-а! Да, черт возьми, ничего уже и оставить нельзя. Кто-нибудь что-нибудь на них сжарил. Вот так лишняя растрата.

– Я ничего не знаю, месье.

– Мы тут решили конюшенку смастерить... вот. Ты не знаешь кому принадлежит эта площадка, этому или вашему дому?

– Не знаю даже, наверное королю...

– Хе-е! Шутник ты братец, мне нужно точно знать. Послушай, ты говоришь часто бываешь в этом доме?

– Я уже почти пол года в нем живу, с того времени как этот... как его?

Вобщем де Какой-то. – выкрутился он из трудного положения. – Купил этот дом и уехал в свой Ганновер.

– А ты не знаешь, когда он приедет и где его рабочий кабинет, где он обычно проводит время?

– Нет, не знаю, а зачем вам это?

– Ну рассмешил. Как же нам не нужно знать когда он приедет, когда мы собираемся приобрести землю, по крайней мере узнать про нее. А чтобы лошади своим ржанием не мешали ему... представляешь каково будет проснуться от... – Гийоме вытянул вперед ряд зубов и заржал как конь, чем очень рассмешил мальчика. – Так что сам должен понимать нам нужно знать, где стойла ставить и ясли размещать. Последний раз ты мне показался значительно смышленной.

– Нет, месье, я не знаю когда он вернется.

– А где его кабинет, то где он обычно проводит свое время?

– Не знаю, меня туда не пускали.

– Опять ты не знаешь. Ты же говоришь почти полгода там живешь. В кабинете должны находиться его личные вещи. Письменный стол с бумагами. Тайное место может быть? Мебель, особенно дорогая, постель где спит.

– Нет, не знаю. А! Наверное та комната, которую всегда держали закрытой.

– А какую держали закрытой? Напротив какого окна находится дверь в нее?

– Второго, на втором этаже.

– С какой стороны?

– С той. – указал на дальнюю сторону дома.

– А! Ну все хорошо, он там и не услышит.

– Только знаете, если что хотите узнать у управителя дома... – без меня. Моя мать выгнала меня из дома, пока отец здесь.

– Ладно, ладно, обойдемся без тебя. Мы подождем. Да, нам пока не к спеху, ну а тебе за труды, ты ведь теперь беспризорный, держи. – и Гийоме протянул ему большую медную монету с изображением короля.

Мальчик принял, поблагодарил и видя, что те начали измерять пядями пальцев ширину прохода от дома до дома, незаметно удалился. Они проследили как он вообще ушел с этой улицы, завернув на перекрестке куда-то совсем не на улицу «Золотого желудя».

– Ну ты щедрый.

– Нужно чтобы он во вкус вошел, втянулся. Он нам очень может понадобиться.

– Что ты там про топку болтал? Так вот я хочу насчет этого сказать. Мне все-таки кажется, что он после того как чуть не попал под копыта, сразу же и сжег, от греха подальше... на наших досках.

– Слушай, ты мне уже надоел. У меня этот костер уже в глазах стоит! Хватит меня своими догадками терзать! Де Морне сам бы прекрасно это сделал, но он заложил его в ящичек и передал Мандену. А тот вез его для чего? Чтобы спалить? Ну не дурак ли ты?... Даже если Манден тогда наложил в штаны, он не решится на это, потому что де Морне строго наказал спрятать его в схрон и никому не показывать...

...Если мы не сможем стянуть завещание, то по крайней мере дом обчистим. Такие люди как де Морне всегда все свои деньги при себе держат.

– Со специалистами от брата?

– Одни. И сейчас увидишь, что для этого нужно сделать. Пошли.

– Я все не могу понять зачем им нужен обличающий их документ?

– Да хотя бы затем, чтобы его на крайний случай кому-нибудь подсунуть и остаться невинными овечками. Если на них наступят. Или продать через посредников тем же Д'Обюссонам.

Они вышли на улицу, точнее Гийоме вывел за собой Аньяна и остановился возле входа, перед зданием. Интересовал второй этаж и второе окно от правого края из ряда в десятков окон. Затем они постучали в двери. Им открыла, та же консьержка, что разговаривала вчера вечером со стариком.

– У вас нет свободных квартир? – спросили они разом.

– Есть комнаты.

– Это все равно, покажите только на втором этаже, первого не люблю.

Тетушка Антиген, так она им представилась, повела их именно в тот край, куда им было нужно. И надо же так было оказаться, что двери напротив второго окна по коридору от правого угла занял именно тот вчерашний старик; а остальные две комнаты по сторонам были свободны, какие она им и предложила. Аньян было подумал сказать что можно и в одной, но видя, что Гийоме пошел в предложенную ему крайнюю, ничего не говоря на сей счет, решил промолчать. Значит так нужно. Получив ключи, вошел в свою.

Гийоме, рассматривая предложенную ему комнату, заплатил за неделю вперед и посожалел о том, что нельзя рядом со своей нанять комнату третьему – их другу.

К нему пришел Аньян, ведь ему не хотелось было платить. Гийоме сунул ему украдкой пол-луидора, пока тетушка Антиген, то ли по традиции, то ли по привычке протирала пыль с мебели. Когда заплатил и Аньян, она ушла.

– Вот тебе экую... три ливра пожалуй для него хватит, иди скажи старику, чтобы он убрался оттуда в другое место.

– Зачем столько лишних расходов, я выселюсь из своей.

– Дурак!

И за треть ливра старик конечно же выселился из этой комнаты, и Гийоме занял и ее. В ней он и решил поселиться, перенеся кое-какую мебель из угловой комнаты. Закрыв на ключ ту, стал размещаться в этой более просторной комнате.

Внутренняя обстановка средней комнаты ничем не отличалась от других: диванчик, шкаф для одежды, кресла и тумбочки, посреди стол со стульями. В углу на внутренней стене камин, с заложённой кладкой дров, трельяж, на полу еще не старые половики, а на внешней стене коврик. Именно он больше всего и заинтересовал его. Приподняв край, стал осматривать штукатурку.

– Могли бы и одну занять, что денег много? – снова услышал в свой адрес критическое замечание Аньяна.

– На всякий случай, чтобы не услышали. А сейчас пошли я покажу тебе одно место где ты будешь жить и заниматься одним делом. – опустив край коврика, проговорил Гийоме.

Вернулись они только вечером, со всем накупленным инструментом, для проделывания в стене лаза. И в тот же вечер отослав Аньяна в номер с окнами напротив дома де Морне и наказав входить в нее только через задний вход, и сидеть, никуда без дела не выходить, Гийоме принялся проделывать в стене лаз в кабинет, иначе говоря долбиться и ковыряться. Проработав недолго, но устав, улегся спать.

Прошло еще четыре дня, главным образом ночи, потому что это время было наиболее благоприятно для работы. Однако продвинулся он в своих результатах не намного. Стена была как монолит – единым бетонным блоком и по всей видимости толстым. Не измерял толщину стены у коридорных окон нарочно, чтобы не портить себе жизнь. Инструменты, которыми Гийоме пользовался были миниатюрны, малоудобными и к тому же быстро тупились и вообще ломались. Приходилось покупать новые, на что уходило время и деньги.

Время на работу с плохоньким инструментом уходило очень много, что очень изнуряло. И работать к тому же при этом нужно было очень тихо. Долбить долотом как следовало бы, было можно только в исключительных случаях, в основном приходилось оскабливать и откалывать. То-то будет работа когда придется колупаться в стене соседнего дома, делать точно такое же продолжение в стене напротив, может быть и ошибочное.

Частенько Гийоме отдохнув более чем достаточно, просто не мог снова взяться за инструмент, от которого от ковыряний болели руки из-за мозолей.

Признаться себе он не так представлял все это дело, опротивевшее донельзя.

Порою ему опротивляло буравить и вгрызаться в бетон настолько, что он уже думал бросать это дело, искать другой путь, заменяться с Аньяном...

Казалось что тут было делать, всего-ничего, вот только не давалось это ничего – никак. Каждая соринка стоила больших усилий рук. Как он проклинал прочность стены и как злился, сам не зная на что? Особую зависть у него вызывал Аньян, который целыми днями то про-сигивал в номере, то проживал в соседней комнате. Вся его работа была единственное, что наблюдать сквозь сетчатые шторы, хотя Гийоме понимал, что только это он и должен делать. Показываться на улице ему, Гийоме было крайне нежелательно.

Однако польза была и от Аньяна: несколько раз он приносил весть, что Манден куда-то вышел, а следовательно в это время можно было работать по настоящему. С крыши гостиницы осмотрел крышу дома де Морне, точнее то место, откуда выходила каминная дымовая труба. По его предположению комната-кабинет была очень большой.

Но все же отдыхающий Аньян, не просто отдыхающий, но и проживающий и прожирющий много денег, вызывал в нем злобу. Работая, он думал что дележ произведет в свою пользу, составляя речь из одних аргументов, которые он собирался высказать в случае, если им хоть что-то придется делить.

Поменяться местами он не хотел, по той простой причине, что Аньян бы своей простотой все бы испортил. Такому в руки долота не доверяй, не заметил бы как увлекся... Однажды предоставил ему такую возможность поработать, так он устроил такой долбеж, скорее всего нарочно, что пришлось сразу отказаться от этой затеи.

Не смотря на трудности Гийоме однажды почувствовал что скоро половине его мучений придет конец. Решив так, бросил подобие стамески на диван, пододвинутый вплотную к стене, так было удобнее и улегся тут же, решив поспать, может быть в первый раз с приятным облегчением от того что за этот день было сделано очень много. Но тут услышал стук с одной характерной особенностью и поэтому следы работы не стал прятать, а сразу пошел и открыл Аньяну дверь, тут же на ключ за ним ее закрыв, пока тот пошел осматривать.

– Мне кажется, ты промажешь, – с тихим смешком проговорил Аньян.

– Да ты что! Ой как смешно окажется! – злостно передразнил его смешок Гийоме.

– Не много же ты сделал до приезда де Морне со своей свитой, черт возьми.

– Ты бы сам хоть один раз по настоящему здесь попробовал поработать, трутень.

– О, да тут уже деревянные конструкции пошли...

Аньян взял стамеску, поднес к наиболее глубокому месту. Ударил.

Шум оправдал себя. Стена была пробита.

Глава X. В которой Метроне хорошо Приехав еле выбрался обратно

Мы помним, что получив разрешение от сеньора Спорада, а вместе с ним и деньги Метроне, как уже говорилось незамеченным поехал обратно. Объехал стороной «Пивную бутылку», доехал до главной дороги: от Парижа на прямую до Тура и поскакал по ней, выбрав конечной целью пути – Нант, откуда далее собирался добираться морским путем. Но не доехав до Тура, решение его круто изменилось. Он решил, что лучше будет направиться испытанным путем, через Марсель, оттуда намного ближе. А то можно будет пролететь со временем, с объездом через Пиренеи, и не успеть к раздаче заработков в Лимож, который кстати находился впереди по пути следования.

Можно было еще конечно поехать «налево», дожидаться назначенного времени и «приехать»...но такие штучки могли ему дорого обойтись. Лучше было съездить, тем более там у него созрели кое-какие дела.

К концу этого дня, начавшегося для него так рано, а кончавшегося в одном из селений на Шере, что в Турени. Метроне остановил изнуренного Мэра у отличной конюшни, в коей его прекрасный конь мог хорошо отдохнуть и набраться сил для нового дневного переезда.

Проснувшись ранним светлым утром Метроне подумал что в этот день не нужно никуда ехать, нужно отдохнуть после всех переездов и коню дать передышку. Его Метроне очень берег, не столько за то что это был подарок монсеньора, а сколько за то, что он хорошо стоил, до четырех сотен, и нравился ему как его собственность, с которой потом придется расстаться с большой выгодой для себя.

Однако после завтрака Метроне решил не терять деньги на плату за номер на этот день, так же как и сам лишний день, который лучше провести на благодатной Сицилии. Пока стоит хорошая солнечная погода, нужно не терять времени, не то после долго стоявшей жары можно попасть под дожди, которые так ждет иссохшаяся земля Франции.

Держа курс на Марсель Метроне все чаще думал о том, чтобы заглянуть в Геную на свою родину, где он жил до двадцати лет, пока волею судеб не оказался на Сицилии. Решил, что если из Марселя не будет судна со скорым отправлением, он сухопутными дорогами доберется куда намечал.

Однако в марсельском порту к его сожалению недостатка судов идущих в Неаполь с обратным возвращением из Палермо – не было, и он вместе с Мэром погрузился на один из них.

На одно из следующих утр проснулся от приятного солнечного света и звука милого его сердцу слова:

– Генуи, генуи. – возвещал неправильно произнося название, вахтенный чичероне, то ли от акцента, то ли от того, что ему так послышалось.

И вот теперь он снова здесь у жемчужины Лигурийского берега и как нельзя более кстати. Метроне соскочив с постели принялся за свой туалет с куда большей тщательностью, чем прежде. Предстояло много дел. Нельзя было терять ни минуты, с большой пользой используя все то время, что судно будет стоять в порту. И поэтому не успело еще судно встать на якорь, и с борта еще не перекинули трап на пирс, а Метроне уже благоухающий духами стоял у борта, жадно вглядываясь в переполненный народом генуэзский порт, у причалов и на рейде забитый всеразличными торговыми и пассажирскими судами со всего света. К своему удивлению он увидел черных мавров, несущих на носилках корсарского князька, только что прибывшего на собственном транспорте.

«В Палермо бы тебе этот номер не прошел».

С его судна пассажиры уже стали спускаться по трапу на пирс, и в разноликую, разноязычную толпу вмешались французы и испанцы, ведь судно шло из Барселоны. Чем ему нравилось «Вавилонское столпотворение», как с радостью думал он, так это тем, что он собирался поблизости отсюда в облюбованном им месте открыть кондитерскую лавку, а затем и магазин-кафе с гостиницей на верхних этажах – сочетание коих было так характерно для Франции.

Громадный Генуэзский порт кипел за работой. Помимо приезжающих и отъезжающих, здесь почти на всех причалах, которые только были видны, сновали грузчики, таскавшие мешки. Тюки, ящики на склады и наоборот на корабли.

Все указывало на то, что торговля здесь пойдет, а его заведение будет здесь процветать. Идя по порту у Метроне дух захватывало от догадок о том объеме торговли, который велся здесь: чего только сюда не привозили, но и увозили не меньше.

Метроне придумал уже и название своему ресторану: «Французское кафе» – с нравящейся ему французской кухней и французами посетителями, которые будучи состоятельными приезжими, обеспечили бы ему круглый доход.

Сразу из порта Метроне направился к известному ему дому, через площадь. Пока он был просто жилым домом. Возникло это решение в прошлый раз, когда случилось здесь проезжать и остановиться в гостях. Раньше он хотел устроить свое дело во Франции, когда находился там в путешествии с сеньором, но зима глазами южанина очень промозглая: спугнула его. Ему лежал к душе только родной юг.

Насмотревшись на здание, представляя на нем вывеску из четких букв разного шрифта: «пансион Метроне гостиница» он поспешил зайти в гости к хозяйке дома и провести у нее довольно долго. Так что выйдя от нее у него осталось время лишь на то, чтобы зайти в банковскую контору, где у него уже лежала приличная сумма, к коей он добавил еще триста ливров золотыми французскими монетами. Вместе с набравшими процентами от прежней суммы получилось количество превышающее тысячу. И если б у него оставалось хоть немного времени Метроне войдя в раж, повел бы Мэра на конский рынок продать, как он намечал за четыре сотни; но времени осталось ровно столько, что Метроне бегом еле успел к отправлению, чуть не потеряв коня. Пришлось эту затею: продажей Мэра увеличить свой вклад за полторы тысячи, оставить на потом.

Конечно даже имея такие деньги нельзя было и думать о том, о чем мечтал Метроне, но нужно учесть, что основные его накопления находились на Сицилии, зарытые в сырую землю. О том как предприимчивый итальянец собирал свой капитал, можно было только догадываться. Естественно, все это были деньги маркиза де Спората, которому присылал исправно и одинаково по многу, владетельный его брат князь де Сен-Вито, чтобы не иметь удовольствия видеть маркиза подле себя и жить спокойно при мысли что тому не будет нужды приезжать в свое поместье. Так уж разделен был между братьями северо-запад Сицилии, что от огромного наследства младшему досталось лишь одно поместье, хотя и большое: с городком, не замками, но домами, возделываемыми землями и крестьянами.

И все то время, что маркиз де Спората находился в изгнании, Метроне направлял поток, как он считал, по чем зря тратившихся денег и в свой карман. Например у него был довольно крупный заработок и он не стеснялся выпрашивать дорогие подарки, как например Мэра.

Возможность запускать руку в чужой карман облегчало и то обстоятельство, что он был еще и казначеем своего господина; привозил требующиеся суммы из банка Марселя, куда они поступали. Поэтому на обмене дукатов на ливры он всегда много имел, завышая процент за обмен и наоборот занижая вес серебряных дукатов.

Понимая что де Спората потерял денежную бдительность, от того что их всегда было более чем достаточно, Метроне и просто стяжал, а то и таскал. Можно предположить какие он творил махинации, содрогаясь от страха, но все же делая их, так ему хотелось иметь собственное дело и стать почтенным буржуа, дабы не мотаться по разным странам и не зависеть

от милости своего господина года напролет... иметь в жизни все то, что ему так не доставало, с того самого времени как он покинул родительский дом.

Появившийся не подражательный талант стяжательства у Метроне, проявлялся больше в том, что он завышал цены, область в которой его господин ничего не понимал и никогда не дубасил своего слугу.

Например с коня, на котором все известное нам время ездил маркиз, Метроне присовокупил одну из тех трех сотен ливров, что он отложил. Частенько ему оставалась сдача, которую де Спорادا теперь не мог.

Конечно всем скопленным еще невозможно было в полную силу развернуться. Ведь нужно было купить этот четырехэтажный дом, переделать, отремонтировать, закупить все необходимое, в том числе и патент, нанять работников; но были и два вспомогательных обстоятельства: можно было жениться на еще молодой хозяйке этого дома, с которой, как мы знаем, он уже завел близкие отношения, а так же можно было упросить маркиза оказать ему ссуду, хотя бы часть той суммы, что скопилась в Марсельском банке. А возможно такое было только тогда, когда он привезет ему «печальную» весть о кончине князя, за которой уже столько раз ездил, и все безрезультатно, как вот еще неизвестно как будет на этот раз?

В Палермо, порт сравнительно небольшой по сравнению с величиной и оживленностью с генуэзским, Метроне прибыл так же утром. Первое что подумал, глядя на гору Пеллегрино по правую сторону закрывающую порт, это как будет плохо завести дело здесь, с сожалением глядя на харчевни и гостиницы порта. Город хоть и прекрасный, но тихий и приятно мало оживленный, хотя и столица острова, с немалым населением.

В пятый раз он вот так приезжал сюда из Франции с одним желанием, за которое на обратном пути заезжал в церковь Сан Франческа ди Паола, слезно замаливая свои грехи молитвами и щедрыми пожертвованиями, за греховные желания.

Однако сейчас Метроне даже и не вспомнил об этой маленькой уютной церквушке, проезжая возле впечатляющих каменных ансамблей старинных дворцов и прочих громадин с оранжевыми куполами – предназначение которых он не понимал, но которые были неразрывной частью этого удивительного и неповторимого города, впитавшего в себя архитектуру стольких культур, хотя гаммой цветов: от темно-желтого до серо-коричневого, он нисколько не отличался от какого другого итальянского города нагроможденного домами, затиравшими любую зелень, которую необходимо было прятать за решетки.

Вырвавшись от города-камня в предместья, где виллы, загородные дома и жилища бедняков были окружены ровными, как подстриженными от травы пространствами, утопавшими в садах и полях, Метроне легким бегом погнался Мэра вперед, в горы, по дорогам проходящим меж них.

Погода стала прекрасной: при несильной жаре в лицо дул легкий ветерок. Метроне просто разрывался от удовольствия и готов был ехать целыми днями по огромному, пустому пространству меж рядов голых внутренних сицилийских гор, на запад.

Удовольствие кончилось, когда быстроходный Мэр к концу дня по широкой укатанной дороге донес его до ее развилки. Метроне свернул вправо, на отходящую к громадному дворцу Сан-Вито дорожку, и подъехал к высоким решетчатым воротам дворца, когда часы отбивали колокольными ударами сколько-то часов. Метроне не интересовало сколько, он был всецело поглощен другими заботами.

Въезжать в ворота не стал, не смотря на манившую беломраморную лестницу, терасками поднимавшуюся к парадной стороне дворца, меж сочно зеленых газонов и ровно подстриженных рядов кустарников, а поехал в объезд с внешней стороны вдоль невысоких каменных стен, на которые можно было залезть став на седло. Шириной они были такой, что свободно можно было проехать по ней на коне. Стены сменились решетчатыми садовыми оградами с каменными основаниями. Потом снова шли уже разрушенные стены, опоясывавшие развалины ста-

рого Сан-Вито. Здесь он немного задержался в диком саду, вышедшим за ограду. Необходимо было незаметно взглянуть на незатронутость места схрона. Далее поехал около высокой стены тела уже самого дворца, завернул за круглый угол башни Любви, как называли здесь эту возвышающуюся над стенами тонкую круглую башенку овеванную романтическими легендами.

Далее проехав возле высоких стен с выступающими бойницами, он выехал на дорогу и после этого более чем полумилевого объезда въехал в ворота.

Стараясь не привлекать к себе внимания сдал Мэра на конюшню, далее незаметно по обходной дорожке через оранжереи добрался до преддворцовой оранжереи, откуда попал в галерею, уже в самом дворце.

По одному богу известным приметам, Метроне сразу почувствовал что что-то не так... он долго не мог понять, пока не вспомнил прежний оживленный и шумный Сан-Вито. Во дворце царил болезненное спокойствие.

Пройдя в широкую, с высоким потолком залу, расписанную ажурными красками он оставил мальчика-пажа, спросил:

– Как здоровье князя?

– Говорите тише, приказано говорить шепотом...

Метроне направился на второй этаж к медицинскому кабинету главного врача дону Мастеро. Там же находилась аптека и лаборатория, где дон Мастеро в данный момент приготавливал наверное свои лекарства.

Своим вторжением мешать ему не стал, а дождался его выхода в коридорчике рядом же.

– Дон Мастеро! Дон Мастеро! – окликнул Метроне.

– Да! И пожалуйста, говорите потише.

– Увы как горестно осознавать, что настали такие горестные времена.

– И не говорите сеньор Метроне.

– Как вы меня знаете?

– Вы состоите на службе у его сиятельства...

– Точно так! И поэтому вы понимаете, я должен сообщить монсеньору о печальном известии.

– Да, его состояние прямо скажем не завидное... наследственная болезнь, что тут говорить.

– Он еще жив м-м-м, что же его смерть неминуема?

– Это последний кризис, если организм сам не справится с этим состоянием. С каждым днем все хуже и хуже. Если так дальше пойдет, то думаю ему несколько недель остается на этом свете жить.

– А что и у сеньорины...? – с неподдельной тревогой спросил Метроне.

– Нет, на дочь болезнь не перешла, и у маркиза с самого детства никаких судорог не замечалось. Эта наследственная болезнь повторилась после определенного колена. У них в роду случай один нехороший был. А князь родился мертвым ребенком. Покойная герцогиня незадолго до родов заболела. Только поэтому болезнь и схватила его одного.

– Я так боюсь всего этого. И все же дон Мастеро... желаю вам удачи.

– Хотелось бы чтобы это было так.

– Не буду вас задерживать...

Метроне возликовал, наконец-то начинается! За «хорошую весть» маркиз де Спорادا обещал ему в награду сто унций, это около трех тысяч! Хорошо он раньше проявил инициативу выпросить вознаграждение, тогда когда ничего не предвещало удачи.

По такому случаю заодно можно было выпросить и заем.

Ему осталось только вырыть свои денежки из под корней пинии и ехать получать денежки от де Морне, и так же не малые, больше чем заплатят Аньяну, не без протекции де Спорادا конечно. Оставалось только узнать об удачном исходе дела под Орлеаном.

Подсчитывая возможную сумму своего состояния, подумал что сможет провернуть все что намечал... почувствовал голод, ведь он сегодня ел всего один раз за пол дня!

Удовлетворить свои потребности в еде Метроне решил в дворцовой столовой, или еще лучше на кухне, где имел с кухарками давнее знакомство, куда и направился изъяснить свое жадное желание насытиться.

Еще чем кухня была ему желательней, это тем что там можно где-нибудь примоститься в уголке и спокойно попотчевать себя, не попадая на глаза, ведь он человек маркиза...

Но застав за работой знакомых ему кухарок, Метроне тем не менее без труда добился всего того что пожелал. Уминая спагетти с котлетами и выглядывая из-за мешков сухих фруктов, вспоминал то место меж основанием стены и корнями сосны, где он запрятал свои сокровища, куда сейчас намечал отправиться.

Желая поскорее вернуть себе свое, он ел соответственно быстрее. Наконец закончив трапезу утер рот рукавом, а затем заметив салфетку – салфеткой.

То что удерживало его во дворце до сего момента, более уже не удерживало, оставалось лишь, как уже говорилось, вырыть кубышку и с легким сердцем покинуть Сицилию.

Метроне уже вышел из кухни, как!... В длинной галерее столкнулся лицом к лицу с дочерью князя синьориной Мальвази де Монтанья-Гранде, шедшей в его сторону в сопровождении старика Пираже.

– Как! Вы сеньор Метроне! – притворно удивилась молодая девушка, и сама от этого заулыбалась. Метроне в первый момент сник и оробел, не так от неожиданности, как главным образом от самой встречи.

– Здравствуйте сеньора... – только и промямлил он, отводя взгляд полный скорби, однако не решившись утереть рукой несуществующую слезу.

Пираже еле удержался от смеха, но все же улыбнулся.

– Вы приехали одни? Или дядя мой тоже приехал? – так и спросила она его, без дальнейших уловок, что его обескуражило еще больше.

– Нет, но я собираюсь...

«Боже, какой я дурак!»

– ...поехать, известить его. – продолжал убивать себя Метроне, не в силах остановиться. – ...о том что я узнал.

– Да, мой отец умирает. – проговорила она поникшим тоном, ища в его глазах сочувствие. – Так вы значит только что приехали!

– И вот уже спешу обратно. – но не успел откланяться.

– Не отдохнув!? Нет, сеньор Метроне, я так просто вас не отпущу. Мне нужно будет с вами письма отправить. Пойдите отоспитесь, а я сейчас же сяду писать. Пираже, проводи его. – протараторила девушка, не давая Метроне и рта открыть.

Так что Метроне проиграл ей разговор и ему ничего не оставалось делать, как поплестись вслед за Пираже. Слово госпожи – закон, даже если пятнадцатилетней. Письма, так письма. В довершение ко всему вспомнил что с отдыхом опоздает на судно и с горяча хотел отказаться, но старина Пираже, обходительно потащил его за собой, ведя за руку.

Пройдя по всей громаде дворца, по бесчисленным галереям и залам они наконец вышли через широкий зал к завинчивающейся лестнице, уходящей вверх в каменное тело башни Любви, хорошо ему знакомой, откуда и не так далеко до его денежек по прямой знакомой им лазейке. Если что так он и вышмыгнет.

Поднялись наверх в спальню с открытыми окнами и чердаком, где посреди стояла кровать с периной, в которую как только ушел Пираже он с удовольствием улегся. Ликование от удачной поездки в нем уже улеглось, заменившись обратным чувством, впрочем дверь была открыта и он мог в любой момент через нее оставить свое вынужденное место отдыха, сейчас только вздремнет для вида немного.

Приятно проснулся когда оранжевые лучи заката всё ещё окрашивали из широкого-открытого створа окна, часть стены.

«Еще закат» – ленно подумал он и с большим усилием поднял голову, облокотившись на руку.

– ...Так!... Куда я попал и где мои вещи? – задал Метроне себе риторический вопрос и сразу вспомнил: где ему отвели место отдыха, обнаружив рядом же свои вещи. На столе стоял покрытый шелковой скатертью, уже давно остывший ужин, но он и не думал к нему притрагиваться, поспешно одеваясь.

Метроне проспал так долго потому, что засыпая не подумал насчет того, когда ему следует проснуться, поэтому уставший организм отдохнул столько, сколько требовалось. Одевшись, подошел к окну башни Любви, и выглянул, чтобы определить сколько примерно сейчас времени?

Раскаленный оранжевый шар, глаза уже не слепил, а только заставлял обращать на себя внимание, находясь над гребнями гор и синими водами Средиземного моря, видными в одном узком месте, которые кажется виделись отсюда тонкой каемкой, за которой светило и должно было скрыться. Дул прохладный ветерок, располагавший к езде. Думая о чем-то своем Метроне наконец решил идти. Последний раз окинул с такой высоты взором все что мог отсюда увидеть. Выжженные солнцем холмистые окрестности Сан-Вито прекрасно гармонировали с насаженными садами и виноградниками. Их специально возделывали на почти непригодных склонах местные крестьяне, дабы украсить обозрение и получить плату больше за это, чем за ничтожно малый урожай. Впереди гористый полуостров Сан-Вито, выделяющийся высокими горами и скрытым за ними мысом с одноименным названием...

Вдруг неожиданно подумав, оглянулся и с раздражением пошел к закрытой двери. С силой толкнул... так и есть: дверь даже не поддавалась. Тогда он забарабанил в нее кулаками, все больше выходя из себя:

– Откройте! Откройте мне, черт возьми!...

Метроне кричал, тарабанил и долбился в дверь с четверть часа, все еще не желая поверить, что его заперли преднамеренно, а не по недоумению.

Не в силах что-либо поделать: дверь была непробиваемой, подошел к окну и выглянул, тщательно осматривая полукруглую часть башни высотой примерно с четыре этажа. Надвигались сумерки. Солнечный шар, глядя на который можно было успокоиться и задуматься, уже скрылся, оставляя его наедине с темнотой, сгущающейся с каждой минутой. Нужно было непременно что-то предпринять, и первое что ему пришло в голову: это начать кричать. Еще посидев на подоконнике немного, набравшись сил, преодолевая стеснительность, ведь все могло оказаться совсем иначе, чем он думал, крикнул пробное:

– Эй! Кто-нибудь!

– ...Сиди спокойно. – раздался сверху неприятный глухой голос.

У Метроне сердце екнуло, когда он почувствовал как часть паркетного пола, на котором он стоял начала уходить из-под ног вниз. Метроне только и успел что повернулся и задержался руками о гладкий пол, в то же время уйдя по грудь вниз, не ощущая под ногами ничего, будучи прижатым к холодной сырой стене.

– Молчу! Я молчу! – заорал он, приходя в ужас от возможности падения в ту бездну над которой висел.

Выкарабкавшись из жуткой неизвестности, он выполз на середину комнаты, продолжая скулить от нервного расстройства. Как и всякий набожный итальянец, Метроне в подобных случаях всегда искал защиту у Бога и поэтому доползая и залезши на кровать, принялся усердно молиться.

В этих широтах день с ночью сменяется очень резко и Метроне конечно же не заметил как наступила ночь, привнеся с собой белый лунный свет. Улегшись на кровать боком при-

нялся наблюдать за единственной спутницей Земли, всегда повернутую только одним и тем же полушарием. Будучи почитателем Галилея, обратил внимание на темные пятна диска, названные горами или может быть наоборот морями, где не было ни капли воды.

Несмотря на яркий лунный свет, было темно. Белый свет лился через край подоконника на ту часть пола, которой он жутко боялся.

Сейчас самое время для побега, но не было реальности его осуществления. Метроне даже не мог себе представить, как отсюда можно было сбежать, разве что пойти к окну и выпрыгнуть, если конечно по дороге не провалится в зиндан... Это навело его на мысль! «Я выбрался!» – радостно подумал он и прежде чем пуститься в путь решил сразу взять с собой свои вещи, но таковых не нашел, тут же вспомнив, что все они на нем, ... кроме исчезнувшего кинжала. Опустив ноги на пол, Метроне, однако подумал что он торопится и может этим все испортить. Прошло не так уж много времени и тот человек мог все еще находиться на чердаке... через который он решил бежать, помня, что когда его вводили в дверь, сверху на него так же лился солнечный свет из окна, схожего с обсерваторским окном, из которого хоть подзорную трубу выставляй. Однако Метроне сейчас меньше всего думал о ней, о которой всегда думал, глядя на прорез на крыше башни «Любви». Сегодня это окно должно было сослужить огромную службу; через него с окна комнаты он залезет на чердак...

– Вот и вся любовь. – прошептал себе под нос.

Конечно же сразу после светлой мысли пришла черная от бессилия. Метроне сняв обувь не в силах дожидаться более благоприятного времени осторожно пробрался к окну, залез на подоконник, выглянул наверх.

– Глухо.

Глянул вниз. Конечно же сразу пришла мысль о веревках из постельного белья, которого у него было предостаточно. Когда же Метроне вернулся к своей постели... увы, то была перина из тончайшего батистового полотна, а казавшаяся ее пушистость была обманчива, из перьев веревок не свяжешь. Мелькнувшая мысль спрыгнуть на перину, когда веревка кончится была скоротечна и не без доли глупости. Из ткани перины лучше было эту самую пресловутую веревку удлинить. Сняв с ватного одеяла пододеяльник, оставил его на веревки, стал осматривать само одеяло. Силы дрожащих рук не хватило чтобы разорвать. Нужно было найти острый предмет; только сейчас он обратил внимание на ужин, накрытый на столе.

Несмотря на то, что есть хотелось, он решил не есть, дабы остаться при своем весе. Свернув пододеяльник кручением в веревку, глянул на его конец и край одеяла, представ пред печальным фактом своей беспомощности. Нет, разорвать бы одеяло он в конце концов смог, но не имея сноровки мог сбраковать на связывании, что обошлось бы ему увечностью, или скорее всего жизнью.

Рвать было очень шумно, к тому же всего этого тряпья никогда бы не хватило даже на половину спуска, а оказаться разоблаченным на утро ему не хотелось. Открыто выступить против госпожи, в его понимании даже еще не девушки, он не мог и боялся.

Издавна с владельцами Сан-Вито шутки были плохи.

Метроне размышлял что: продержат его в заточении несоизмеримо долго, но как долго продлится его заточение? В подземелье комнаты его не осмелятся засунуть, потому что если приедет де Спорада им не сдобровать, бодрился узник. Значит его тюрьма будет только здесь. Насколько? Ненадолго, потому что монсеньор в его долгом отсутствии сразу заподозрит неладное. Что же они будут делать? Понятно – они подкупят.

«Что ж подождем – увидим». Метроне сел за стол, поднял ткань. Сразу же накинута на бисквитные пирожные – его любимое лакомство, пренебрегая остывшими первыми блюдами. Поедая одно из последних пирожных зубами наткнулся на металл. Вынул изо рта монету при слабом лунном свете не определил ее номинал, но по весу почувствовал золотую унцию.

«Ох и глупая же ты девчонка».

Снова захотелось спать., приятно натуманилось на голову, несмотря на то, что он спал до этого несколько часов кряду. Шатаясь, еле дошел до кровати, так и свалившись в одежде, разве что не в обуви... последнее что он помнил, это то, что сунул голову под подушку.

Через некоторое время, около двух часов ночи входная массивная дверь в комнату открылась и в нее вошли Пираже и Мальвази, держа в руках горящую свечу.

– Он крепко заснул? – спросила она.

– Хоть в ухо кричи. Снотворное крепкое. Дон Мастеро знает в них толк.

– Значит опасное?

– Не совсем так, если его применить всего один раз, то оно не принесет никакого вреда: так говорит дон Мастеро.

– Значит больше не надо.

– Может быть сразу его туда поместить? – указал Пираже на опускающийся пол, скрывающий под собой каземат.

– Пока не надо. – поглядела она на Метроне. – Он и так много натерпелся от маркиза. Если только раскритичится, тогда, но все же прежде скажите ему чтобы он молчал.

С последними словами она положила возле спящего небольшой кошелек.

Метроне просыпался долго... сначала в его сознание ворвался выложенный плашками паркет, затем утренний свет... Дернулся. Почувствовал что съезжает: и через несколько секунд свалился с кровати... не чувствуя что делает, встал и шатаясь пошел на свет. Голова раскалывалась от острой боли...

– Отравили... отравили! – крикнул в окно, еле успев руками схватиться за подоконник, уезжая в то же время корпусом вниз.

– Врешь... не возьмешь. Убивают!! Спасите меня люди!

Выкарабкался ногами на поверхность пола. Смутно припоминался способ, которым он хотел воспользоваться чтобы бежать. Вспомнил, что из всех способов у него остался лишь один: прыгать.

Пошатавшись у окна пошел умыться холодной водой. Смутно припоминалось что с ним было вчера, хотя было это все с ним позавчера. С холодной водой слабость и тошнота как будто стали проходить.

«Что-то плохо я спал» – подумал он и подошел к столу уже более твердыми шагами, чем прежде. Дотянулся до графина с напитком, чуть-чуть отпил.

– Хватит меня травить!

– Прекрати дебош. – раздалось за дверью, что вывело Метроне из себя. Он запустил графин за дверь и не наблюдая за последствиями улегся в кровать.

Весь день он чувствовал последствия «ночи» все более и более приходя в себя. Начал наслаждаться гуляющим по комнате сквозняком. Чем ближе к вечеру – тем становилось легче. Только к вечеру он сел за стол, заваленный различными яствами.

На закате дня, заслышав за окном мычание, подбежал и сразу схватился за подоконник. Но кричать не стал, чувствуя, что это бесполезно, безрассудно и во вред себе.

Ночью ему приснился очень кошмарный сон: как будто на него что-то опускают и хотят раздавить.

Настало утро. Встав с постели сразу сел за стол... новая скатерть!

Метроне это сразу натолкнуло на мысль, весь день Метроне просидел спокойно, иногда поглядывая во всегда открытые окна. Когда выкатилась луна, мечтал что когда-нибудь будет смотреть на нее в прибор на крыше своей гостиницы из специального оконца. Метроне конечно же размечтался и далее, рассматривая вариант сдачи своей обсерватории за деньги за просмотр, собираясь и здесь совместить полезное с приятным... но нужно было кончать, пора закрывать жалюзи, естественно не от того что было прохладно. Комната погрузилась в крошечный мрак. Подошел к кровати. Расправил постель, откинул одеяло на подушку. Снял

жилетку преднамеренно ударив пуговицами о спинку кровати... затем одел ее. Стянул перину к центру, накрыл одеялом и присел на корточки, ориентируясь по сторонам в кромешной тьме.

Дотянувшись до стола рукой, нащупал на краю заранее приготовленную железную фруктоvníцу. На цыпочках подошел с ней к шифоньеру, что стоял недалеко от стола, выступая к нему боком, закрывая собой туалетную комнату. Тихонько залез на него. Привстав на колени, приложил ухо к потолку, который находился и не так уж высоко над шифоньером.

Очень скоро спину свело в судорогах. Пришлось делать передышку. Переменил позу перед тем как снова приложить ухо. Теперь заныла поясница. С каждым разом его передышки становились все продолжительней и продолжительней, в одной из которых он чуть не заснул, придя в себя от резкой судорожной боли в щиколотке.

Метроне тогда завернул ноги по-восточному прислонил ухо уже к стене. Просидев так неизвестно сколько, сквозь дрему... услышал шорохи, шаги... Вздрыгнул всем телом.

Действительно ли он что-то слышал? Метроне приложил ухо к потолку...

«Так я и думал, что ты сначала на чердак пойдешь. Смотри, смотри, в такой мгле ни черта не заметишь, тут хоть глаза выколи. Придется входить, получить по своему чердаку». Метроне самодовольно взял поудобней в руку фруктоvníцу.

Примерно в районе потолка над столом было что-то поставлено. Затем отлично услышал стали что-то отодвигать. Шум поднялся очень сильный. Метроне вдруг почувствовал что что-то происходит уже в самой комнате. Увидел слабый лунный свет исходящий с потолка почти рядом.

«Господи, что там такое?... А Господи?».

Шестым чувством он почувствовал, что сверху кто-то смотрит и дышит. Сомнений быть не могло, это был люк. Через некоторое время почувствовал что в люк никто уже не смотрит. Ему подумалось, что если он услышит, что с чердака вышли, то обязательно через этот люк туда залезет еще до того как в комнату войдут. С чердака он сбежит по винтовому проходу и даже если внизу его будут поджидать куча гвардейцев, свобода у него все равно будет в кармане.

Неизвестно сколько он еще просидел в выжидательном положении, скажем что слуги вставшие затемно по служебным обязанностям уже встали на левые-правые ноги, а на востоке, над вершинами еле различимых гор кроме близкой Монтанья-Гранде уже отчетливо обозначилась светлая полоса рассвета.

К люку снова подошли. Чувствовалось что в него опять глядят, скорее всего конечно на кровать. Метроне очень переживал.

Увидел нырнувшую из люка вниз палку-шест с загогулиной на конце. Ткнувшись о стол она стала двигаться по нему нащупывательными движениями. Наконец что-то зацепив стала подниматься с подносом на конце. Метроне сначала удивился, но затем вспомнил интересные загнутые края подноса. Между тем поднос ушел в пустоту люка, а он не знал что делать? Растерянность и нерешительность исчезли, когда обратно оттуда же стал спускаться новый поднос.

Сейчас нужна была только ловкость рук и немного выдержки. Поднос еще не коснулся стола, как Метроне молниеносно схватив шест дернул вниз, в тоже время удачно схватил за запястье руку державшего шест. Свесился вниз, держась за то, что ухватил, свободную руку запустил в люк, стянув упирающуюся о край руку Пираже, затащив его всего и отпустив лететь вниз. Тут же спрыгнул сам.

И только разогнулся как под грохот гремящего подноса получил страшной силы пинок в грудь, от чего отлетел с такой силой, что проломил шифоньеру бок. Пираже не успел поставить пущенную в дело ногу на пол, как был подсечен на обе ноги и свалился вниз, обо что только не ударившись головой.

Не собираясь и далее в подробностях описывать долгую молчаливую потасовку, тем более что происходило это все в темноте, иногда исчезающей от света искр в глазах, скажем что все закончилось победой Метроне, а Пираже – его старинный знакомый, лежал поверженный

на полу, связанный по рукам и ногам своим же ремнем, с перчаткой Метроне во рту. Рядом лежал затоптанный металлический поднос и все содержимое вокруг: обувью очищенные чашки и пинками осушенные графины. Если бы Метроне получше всмотрелся в темень, то увидел бы почти незатронутую пирожницу и наверняка бы полакомился, так он любил сладости и поэтому лелеял мечту о кондитерском магазине. Но Метроне глядел как раз на фруктоvníцу.

– Ну, брат Пираже, не обижайся. Селяви – как говорят французы.

Заскочил на стол, в прыжке зацепился за край люка и залез на чердак, на холодный плиточный пол, освещаемый, если так можно выразиться через маленькое слуховое оконце.

Поблагодарил Бога за то, что у Пираже не оказалось напарника, и что в то время когда его голова оказалась на чердаке по ней ничем не пришлось. А в один момент ему почудилось сие, наверное от того что перепил много вина.

Чувствуя что уже светает, поспешил: задвинул плиту люка, в которую снизу долбиться было бесполезно.

...Услышал шаги. Нужно было прятаться, но куда? Обратно? Растерянно стал оглядываться. За закрытой дверью на чердак, шаги начали издавать глухой металлический звук, что означало что кто-то поднимается сюда уже по железной лестнице.

Неизвестно какая покровительствующая Метроне сила охватила его и устремила вперед, важен сам факт того, что когда дверь стала медленно открываться, молодая княжна при свете горящей свечи никого на чердаке не обнаружила.

– Пираже. – все же тихо позвала она и не собираясь услышать ответа, удалилась.

В который раз поблагодарив Всевышнего за то что она поднялась на чердак в то время когда он только-только сюда залез и успел заскочить за открывающуюся дверь, Метроне дождался когда ее удаляющиеся шаги перестали быть слышны. Спустился по железной лестнице до каменных ступеней, уходящих от порога перед наглухо задраенной дверью вниз, в темноту. Спустился на несколько шагов, вспомнил что ступени нужно считать, стал считать.

Попадись ему сейчас навстречу какой гвардеец, Метроне скоро бы с ним справился..., даже своим коротеньким по сравнению со шпагой кинжалом Пираже. Все объяснялось тем, что у него была более чем выгоднейшая позиция. Средневековые строители построили винтовой проход в теле башни с пользой для спускавшихся, а не наоборот, наступавших по крутой резко заворачивающейся лестнице вправо. Получалось, что тот кто находился выше, был почти полностью скрыт стеной и полностью открыт только правой рукой, тогда как у его противника все оказывалось наоборот, и при его ударах ему доставался лишь клинок.

Примечательно что у некоторых замков в Англии наблюдалась иная картина, так что можно было предположить, что строились эти винтовые проходы для левшей (??!)

Метроне однако ничего не предполагая, тщательно ошупывал правую сторону прохода. Давненько он здесь не бывал и поэтому не мог найти того чего искал.

Тут он вспомнил, что отсчитывать известное ему количество ступенек нужно было снизу. Решив не шарить впотьмах, пошел вниз считать наверняка.

Осторожно спустившись почти до самой последней ступеньки, находящейся уже на плиточном полу зажатого стенами пространства, Метроне решил что лучше будет выйти через приоткрытую дверь как человеку, а не лазить по лазам, открывать шокирующий его подвижной камень.

Чуть только он подошел к этой двери и глянул в створку, увидел идущих на него гвардейцев с факелом, вслед за сеньорой Мальвази. Как он мог их не услышать, он ничего не понимал. В любом случае бежать назад уже было поздно, да и ошибочно, когда рядом что ни угол, то темный. Поэтому Метроне в одну секунду оказался в правом от себя углу за пустыми латами стоящего с копьём рыцаря, о который открывающаяся дверь всегда гремела.

«И что тебе не спиться по ночам? Княжна Мальвази вошла с двумя гвардейцами, державшими по факелу.

– Ты постой здесь, смотри чтоб никто не входил. Если увидишь Пираже, скажи идти наверх. – отдала она распоряжение одному из гвардейцев, тогда как с другим пошла наверх, приподнимая подол синего платья.

Оставшийся гвардеец, на свою голову слишком долго втыкал свой факел в факельницу, поэтому Метроне когда посчитал возможным вышел бесшумно, и что называется пристукнул рукоятью кинжала, зажав рот рукой на тот случай, если он раскричится... Прислонив его к ногам уже в бессознательном состоянии, стал искать чем можно связать? Плюнув на это дело оттащил его в угол потемнее. Устремился в дверь, подумав при этом, что можно было потихоньку выйти за спиной.

Пройдя по узкому коридору стал открывать дверь... входящему с той стороны.

Метроне уже напряг руку, еще державшую кинжал.

– Где госпожа? – спросил тот.

– Там наверху. – чуть было не указал рукояткой кинжала направление.

Не заметив ни его волочащиеся по полу концы носков, ни кинжал, тот человек зевнув, прошел мимо.

Нужно было торопиться. Его несло по пути наибольшего сопротивления и возвратиться к легчайшему можно было много после, когда всё уляжется. Закрыв за собой дверь, побежал по просторной галерее, метя по полу чересчур длинными носками. Почувствовав сзади движение, топот ног... успел броситься к дивану и юркнуть за его заднюю спинку, прежде чем дверь в длинную полутемную залу открылась и в нее с криками ворвались двое гвардейцев, как иноходцы понесшиеся вперед со шпагами наголо.

«Допрыгался», – подумал Метроне, высовывая из своего укрытия руку за абрикосом во фруктовый ящик, стоявший возле дивана.

Из тех дверей, откуда только что выбежали двое и нарезая огромными шагами вылетели уже из залы-галереи поднимать тревогу по всему дворцу – будить всех на поиски, как было приказано, вышли сеньорина Мальвази и Пираже.

Сидя здесь в неизвестности уже довольно долго, где его пока не собирались искать, так как вестники уже давно унесли в глубь дворца «будить совершенно всех», Метроне придумал отличный план побега. Как следует его обмозговав, решил заесть напоследок острым, а именно апельсином, пока есть время.

Произошла досадная конфузия его руку заметили с дальнего конца зала, кого он из-за ящика не мог видеть. Поэтому когда он разломил сочный апельсин, и впил свои зубы в сочную мякоть, не обращая внимания на поднявшиеся крики, то был не мало удручен, когда подбежали явно к нему.

– Вот он! Я нашел его! Сюда!

Раздосадованный таким оборотом событий, кипя от негодования поднялся из-за спинки дивана, двинулся на крикуна. Тот было видя в его руке кинжал схватился за свое оружие, но тут же невольно схватился за лицо, убирая с него запущенную в него апельсиновую мякоть, завопив благим матом свое:

– А-а-а!...

...Метроне устремился к выходу, пока его жертва протирая от жгучего апельсинового сока глаз, опустила на одно колено...

Сзади за ним кинулся Пираже, и когда Метроне был уже у выхода залы, нагнал его возле двух распахнутых дверей, готов был уже схватить, уже почувствовал прикосновение своих пальцев к одежде, схватил его, когда тот повернулся... чтобы получить со всего размаху второй долькой апельсина в лицо.

Сок попал глубоко в ноздри, заставив закашляться и в то же время крякнуть от рези в глазах. Не везло сегодня Пираже.

Воспользовавшись его беспомощностью Метроне юркнул в одну из дверей, оказавшись в коридорчике.

– Этим коридорам нет конца. – проговорил он меланхолично себе под нос, останавливаясь от того чтобы не бежать на несущиеся на него толпы полураздетых гвардейцев и слуг. Приготовившись к стычке, ибо так просто он им отдаваться не собирался, Метроне с изумлением увидел, отойдя в сторону, что поднятые неизвестно для них самих для какой цели разношерстные люди, пронеслись мимо, сонные и зевающие, чуть его не сбив и уж точно налетев на Пираже.

– Хе-хе, совсем не понимают кого ловят!

– Ищи его! Ищи его! – кричал пробежавший посланец.

– Свищи его. – профилосовствовал Метроне себе под нос, пока наконец не крикнул все пробегающим и пробегающим: – Вора держи! Пожар!

– Держи вора! – подхватили другие голоса.

Поток все продолжался и казалось ему не было конца, то пробежали толпой, то бежали по одному. Как раз в это время в коридор выглянул Пираже, подняв голову и смотря вперед. В коридоре с той стороны все выбегали и выбегали, и выбегали. Недаром население дворца составляло несколько сот человек.

Метроне уже давно бежал вместе со всеми в заполненную людьми залу-галерею. Света стало еще меньше, все бегали «ловили вора».

Ночная тишина, столько искусственно создаваемая все последние дни разразилась общим эмоциональным взрывом. Начался массовый психоз. Многие конечно не поддавшиеся на него, просто бегали вместе со всеми за компанию, смеялись и дурачились. Не был исключением и Метроне. Через коридорчик продолжали вбегать и безумную толчею разряжала лишь башня, по винтовому проходу которой так же бегали.

Возле дивана и ящика за которыми Метроне прятался, точнее возле уже почти пустого ящика из под фруктов сидели на корточках обжираясь его содержимым несколько человек.. На диване высоко прыгал мальчик-паж с большим апельсином в руке, кто-то бежал и брэнчал на гитаре.

Пробегая, впереди Метроне увидел растерянно стоящую сеньориту Мальвази. И было от чего удивляться: полумрак, толпы бегающих и кричащих, аккомпанемент.

Плачущие, прыгающие, подбегающие к перевернутому ящику и хватающие что осталось. Кто-то подскользнулся о набросанное. Хохочущие, все куда-то стремятся, ищут вора. Тушат поджог. Крик, гам, шум, топот, мелькание лиц.

«Балаган» – подумала она улыбнувшись.

– Дурдом, – сказал ей пробегающий возле нее Метроне.

Такой неслыханной дерзости она с его стороны никак не ожидала и поддаваясь всеобщему настроению – рассмеялась, в бессилии что-либо сделать. Но это заметил Пираже, сразу кинувшийся за ним и опять как-будто схватил, но не удержал, опять схватил, но уже другую руку, а так как ее хозяин находился в движении, то он упал на колени не выдержав рывка.

А бегущий Метроне с легкостью убежал в самый конец залы, откуда слышались крики:

– Поймали! Поймали!

Тащили второго с кем поработал Метроне, уже давно пришедшего в себя.

Где-то в стороне дивана громкий веселый голос дурачившегося человека возвестил:

– Сеньоры, я идиот!

Когда Метроне бежал по коридорчику, Пираже и Мальвази только-только подбежали к нему. Но тут преграда – масса людей.

– Пора прекратить эту панику, а то они переловят друг друга или разнесут все здесь. / Двери уже валялись на полу и на них уложили пойманного, затем приподняв как на носилках. /.

– А вы попробуйте их остановить, – ответил ей Пираже. – Я голоса своего не слышу. Пираже кинулся в араву понесшую пойманного на дверях.

Метроне в это время уже считал мелкими шагами ступеньки и насчитал уже до двух третей нужного, как услышал за спиной:

– А! ты здесь, мошенник! – крикнул Пираже схватившись за него взади.

Кинжала у Метроне уже не было, потерял где-то в давке. Тогда он не долго думая, лягнул прицепившегося так, что тот и в прямом и в переносном смысле загремел по лестнице, но перетерпев боль в ожидании подмоги снова кинулся вперед, будучи уверенным что загоняет Метроне в тупик, где собирался воздать за все сразу.

А Метроне все отходил и отходил, считая про себя ступеньки, Пираже не спешил, поджидая людей, поднимался ступенька за ступенькой. Сверху на него сбежала группа студентов, горланя какую-то песню. Пираже им крикнул идти за ним, пробегающие отвечали словами из песни. В общем когда они пробежали Метроне уже не был виден. Но сколько Пираже не поднимался наверх, Метроне все не было и не было видно.

Пираже дошел до самого конца, обыскал весь верх и с ужасом понял, что его здесь нет, как и вообще никого, кинулся вниз и пробегая возле сеньорины, даже ничего ей не сказал.

Она в этом и не нуждалась, желая покоя и тишины, отдохнуть от всего того, что предстало перед ее глазами. В комнате, в которой был ранее заточен Метроне, никого не было и она закрыла дверь, чтобы было еще спокойнее. Подошла к раскрытому от жалюзи окну, поглядеть на рассвет, отдохнуть в тишине... Было уже достаточно светло чтобы в темном пространстве внизу, полном утренней свежести, заметить силуэт бегущего человека...

Метроне во всю прыть своих ног выбежал на дорогу и помчался к арбе с парой мулов, которых он приметил впереди.

– О! Сеньор Педро! Здравствуй, дружище, – сказал он, подбегая к полному человеку с открытым лицом, начиная отвязывать его скот.

– Помоги-ка выпрячь одну из твоих кляч, все равно какую.

– Э! Друг... постой, а зачем тебе?

– Босиком бегаю, не видишь?

Отделив одну из полулошадок сам Метроне порылся в кармане, достал ту самую унцию и сунул в пухлую пятерню Педро.

Затем запрыгнул на голый круп клячи и понесся прочь.

– Э! Постой, а сдачу?

Сеньорина Мальвази закрыв от усталости глаза / ведь она всю ночь провела у больного отца / – подумала. – «Не все ли равно».

Глава XI. Которая объясняет, почему не приехал Гийоме

Все эти дни, за который Метроне побывал во стольких местах и перепетиях, Аньян находился на исходной позиции, в обычном для себя согбенно-сидячем положении; облокотившись руками о подоконник и вперив взор в окно своего номера в гостинице над кафе, что как вы понимаете пребывало напротив, или почти напротив интересующего его дома, который он считал домом Мандена, когда как его соратник Гийоме считал наоборот – де Морне, в отличие от местных, которые по своему неведению никак не считали.

Главным объектом наблюдения конечно же являлась дверь, но усиленное наблюдение велось так же за окнами и за улицей, на сколько ее отсюда можно было видеть. Сие занятие, которое сначала Аньян вообще не считал за таковое, затем превратилось для него в каторгу. Что кажется легким для одних, совершенно не привлекательно по склонности характера для других, и примером того мог считаться Аньян, со своими мучениями. Это сначала было ничего, как по-крестьянски и думалось о ничегонеделании, а потом все стало иначе. Постоянно ныла спина, даже не помогали наклоны. Спинки, такой какой нужно у стула не было, так что сидел он сутуло, отчего затем можно было успокаивать ноющую спину только «щелканьем» позвоночника. Эти шумы ни на что не похожие, были ни чем иным, как входом членов друг к другу, немного растянутыми сутулостью положения. Стоять Аньян не собирался.

Ранее в нужде и скитаниях, на работах, Аньян и представить себе не мог, что работать глазами будет еще труднее, вернее невыносимее. По крайней мере ему сейчас так казалось, ведь приходилось не просто смотреть на окружающий мир. Как смотрит на него обыкновенный человек сутки напролет, но нужно было всматриваться: в каждое лицо, в каждое окно, во все подозрительное. И при этом обладая не ахти каким хорошим зрением, его приходилось во вред себе часто напрягать.

Насмотревшись с самого утра до позднего вечера; пока внизу не закрывалось кафе, а вместе с ним и потухал свет – единственное из-за чего можно было видеть ночью дом напротив, Аньян сразу ложился в постель, отказываясь смотреть слипающимися глазами в кромешную тьму, в которой все равно ничего не высмотреть. С приятным облегчением закрывая режущие глаза, ведь солнечные лучи тоже не шутка, он считал что Гийоме зря на него злится. Ему там хоть можно было отдохнуть, большая свобода движений при их разнообразии, при отсутствии приступов мышц на закрытие глаз. А работал Аньян действительно на совесть исправно, ведь если отлынивать, то можно за это поплатиться, проворонив счастье.

И конечно же его старания не проходили даром. Много раз Аньян сообщал что де Морне и Манде, обычно всегда вдвоем выходили из дому, предоставляя Гийоме возможность бурить проход во всю силу своих бицепсов. Иногда даже он следил за ними до Дворца Правосудия.

Прийдя однажды по-осеннему дождливым холодным вечером к Гийоме, втянув из забитого мокротой носа, сообщил:

– Манде выехал из *Баррижа*.

Я тебе даже могу сказать куда.

– ? А-а!

– Дошло таки.

– И что я поеду?

– А нет! Я тебе поеду и привезу. На милый Аньянчик, получай свою долю.

– Не так уж много я и *исдратил*.

– Почти ничего не осталось... Ладно на дорогу хватит, не беспокойся. Да! А ты знаешь по какой дороге он отчалил?

– По той же.

– Ты поедешь по другой, и желательно успеешь вперед. Только бери свою клячу, мою не вздумай взять, сразу поймут какое у нас с тобой братство.

– Это на своей-то я обгоню его скакуна? Давай на твоём поскачу, а приеду на другом, и все будет в порядке.

– Что-то ты мелешь непонятное.

– Ну сменю лошадь!

– Ни в гоём злоуде. – передразнил его Гийоме.

– Ладно, давай свою *разбизку*.

– Чего-о? Да ты никак спятил, дружок?! Я же тебе сколько раз говорил что мои четыре сотни пропали. Иначе нельзя, заруби на своём сопливом носу.

– А тебе должны заплатить четыреста?

– Ну конечно нас не одинаково оценили... Только это все равно, нам и триста хватит. Ради каких-то четырехсот, только насторожишь их. Даже и не думай.

– Подумай еще раз – четыреста? Может на них дело завести можно?

– Но не райскую жизнь, за что стараемся.

– Что-то не верится мне она. – проговорил уже свободно без сопливого акцента, так как при волнении ощущаются облегчения от мокроты.

– Да послушай ты! Что ты такой простой? Если не возьмем завещание. – грабанем! Небось еще больше будет.

– Будет ли?

– В самом доме спрятаны все его деньги. И он не зря так часто навещается во Дворец потерянных шагов. Чуть что – ноги в руки и... Ты сам мне часто говорил – «такое преступление на всю страну прогремело!»

– Да ну!

– Что ты ну! Что ты нукаешь? Где-нибудь в секретере оно у него все и лежит.

– То-то и оно, что в секретере.

– Я тебе любой секретер в пять минут открою!

– А ты узнал уже, точно там кабинет де Морне?

– По крайней мере разговаривает о делах он только там. И жену Манде имел там.

– Ты что же уже дырочку прокарябал?

– Причем удачно так попал, и гобелен и мебель ее скрывают.

– Ну ладно давай деньги, я поехал.

– Ты все понял? О моих деньгах даже не заикайся и когда свои получишь смотри, что бы за тобой кто не проследил. И смотри, тебя могут прикончить.

– Я сам за Манде следить буду. – Назвал Аньян того по-старому, вспомнив прежнего Манде, как совсем другого человека.

– Без пользы и опасно. – Лучше потихоньку добираться до Парижа через Ангулем. – возразил Гийоме.

«Черта тебе с два, пригоню тотчас как получу, я тебя знаю».

Гийоме пошел вынимать свои деньги оттуда, куда он их заложил, после продажи перстня Марчеллы, а Аньян сравнивал промозглость своего положения с теплотой топящегося камина.

Кончились его безмятежные деньки, но зато и мучениям пришел конец. Получив врученную сумму денег, он вышел, бросив на последок:

– Чао!

* * *

Примерно через час после отъезда друга, Гийоме в его злостно отчаявшемся настроении пришла в голову поразительная мысль «Манден везет с собой не меньше тридцати двух тысяч!»...

Но было уже поздно, ворота закрыты, Аньяна не сыскать, он поехал по иной, чем Манден дороге... А может он сам догадается его прикончить, что ему стоит ночи-то темные и дождливые... Гийоме представил как Аньян при блеклом свете луны это делает.

* * *

Однако Аньян, по склонности натуры будучи простым человеком, совсем не оправдал надежд Гийоме, он даже и в мыслях не мог представить такое коварство в стиле своего друга, как к примеру напасть сзади на своего попутчика, коими они стали к концу пути, или же всадить ему кинжал в бок – прием, так нравившийся Гийоме.

Конечно подобное можно было соотнести от Аньяна, от его недомыслия ситуации, в которой он оказался, когда в любом леске или тихом месте дороги можно было скорехонько прыгнуть ножом и быть с деньгами таковым. Но Аньян так же не раз думавший о Гийоме, что будь тот на его месте... подумал что подобное Гийоме не следовало бы делать, хотя бы потому что смерть Мандена могла повлечь за собой невозвратимые последствия.

Естественно когда Аньян держал с Манденом путь, то следил за собой, как бы не выдаться: все время лезла навязчивая мысль, что он назвал попутчика Манденом, и вот таким образом от этих дум проговорился:

– Аньян ты не правильно назвал мою фамилию!

Слегка побледневший Аньян сразу решил снять с себя подозрения, которые кстати лежали на Спорادا, сказав прямо в лоб:

– Ты врешь, тебя звать Манден. Уж я то слышал однажды, да и де Морне проговаривался.

– А ты и его знаешь?

– Так его все знают!

После этого случая опасность зависла и над самим Аньяном. Манден чувствовалось, часто подумывал о нехорошем, но его попутчик понимал это.

Сему помешал нагнавший их Метроне, что не было удивительной случайностью, так как дорог в Лимож не так уж много. Так и доехали они втроем сначала до предместий города, а затем и до самой «Вьенны», где их встретил давно прибывший на место Блене.

Глава XII. Возвращение

Незадолго до того, как на север Франции, включая и Париж, с Атлантического океана накатила холодная погода, кончившая основную летнюю жару, из-за чего и само лето заканчивалось; экипаж барона д'Обюссона находился в непосредственной близости от родного замка.

Четверке коней не пришлось месить дорожную слякоть размытых дорог; но в воздухе ощущалась большая влажность при пасмурности – предвещение надвигающейся непогоды, и поэтому задержись они с отъездом, то непременно попали бы под нее.

И только Рено, несмотря на свои раны, смог взять на себя такое трудное дело, как уговорить и отвезти убитого горем барона, туда, куда он больше всего боялся ехать.

Барон похоронил свою жену и не желая никуда уезжать от кладбища, сначала оставался там под тем предлогом, что Рено нужно поправиться. Но Рено, а особенно аббат Витербо видя как он от горя все более, и более чахнет и слабеет здоровьем, заставил его поехать домой не смотря ни на что. Поездка и встреча с родными должна была поправить состояние барона, внушающее опасения. Возможность излить горе и все накопившееся на душе – действительно целительное средство в этих случаях.

Барон все время считал что очень виноват во всем случившемся, что так просчитался, поверил заведомой лжи, не всмотревшись в почерк письма, много разного сейчас лезло в его больной рассудок, очень сильно расстроенный.

Аббат Витербо и Рено как могли успокаивали, стараясь отвлечь, разнообразить его думы и прочее, и прочее, делали все для того чтобы он отошел и не казался таким разбитым. Потерянного не вернешь, нужно жить настоящим, а настоящее требовало от него разительных перемен и действий, иначе все могло для него сложится отвратительно.

Горе состарило барона на двадцать лет, он сильно поседел, прибавилось морщин. Совсем как старик потерял осанку, а вместе с ней и свой гордый здоровый вид.

Руки побелели, ослабли, стали дрожащими. Глаза тоже потускнели, покраснели и все время как будто слезились. Понурый, тяжелый взгляд барона заставлял Рено очень переживать за него. С тревогой всматриваясь вдаль на конические купола башенок и шпили Обюссонского замка, они все с тревогой думали, как тяжело будет показаться на глаза встречающим, а главное говорить о трагедии.

А они все приближались и приближались с каждым конским шагом, рывком, покачиванием, ударом хлыста, с каждым мгновением. Барон то боялся встречи с родными, то наоборот скорее ждал ее, чтобы быстрее облегчить терзающуюся душу. Только за последнюю милю его желание менялось несколько раз. Рено же не менялся во мнении с самого начала, он откровенно боялся того, как на него будут смотреть там, за стенами, ведь все началось с него, а люди есть люди. Не приедь он одним летним июльским вечером, семейство продолжало бы жить своей тихой размеренной провинциальной жизнью. Франсуа не был бы ранен и уехал бы в университет, а родители безбедно и преспокойно бы жили, дожидались сына. Зачем им вообще нужен был этот миллион? Не посвященные в суть дела люди там будут думать, что все так произошло только из-за него. А он очень не выносил косых взглядов и молчаливого укора, будучи человеком очень ранимым.

Барон ничего бы не смог объяснить, и это он понимал. За все случившееся спрос будет с него.

Ему представилась картина и он даже еле улыбнулся: увидят барона и сначала подумают. Что он потерял завещание.

Рено, по правде сказать вообще уже не думал о произошедшей смерти, и в этом не было ничего плохого, ведь он и сам был на пороге смерти вместе с баронессой.

Он еще не пришел в полное сознание, находился в бреду, в то время как ее похоронили и поэтому все это прошло у него как один из кошмаров. Он переболел смерть, и еще раз повторяем будучи при смерти, и до сих пор находясь в очень слабом состоянии / раны все еще не зажили / вспоминал о баронессе, как о чем-то давно ушедшем.

Холодная пасмурность с серо-синими свинцовыми тучами, казалось навалившимися всей своей тяжестью и без того нагоняла тоску. Хотя сумеркам по времени было еще рано, но все равно было уже бледно-сумеречно.

Свежесть и влажность поднимали впечатление чего-то воодушевляющего. Воздух с треском разразился электрическим разрядом, оглашавшим некоторое время небосвод. Ясно слышалось, что он разразился где-то вдали, но все кругом пронизало и казалось наэлектризовало; по поверхности влажных трав прыгал шарик, как блик дальнего оранжевого света. Замелькали зарницы и сразу все переменялось, стало излучать экспрессионный свет при общей давящей сумрачности, обрываемой светлым оранжевым светом вдали. Казалось облачный покров где-то прорвало, и это было так. Косой свет заката отражался на вечерней росе.

Там где они катили, возле пойменных лугов у реки, мелкий дождик короткое время уже все-таки проморосил. Светлое оранжевое, отражаясь на влажной поверхности при свежести очень впечатляло и воодушевляло, на то и попался Рено.

– Посмотрите, барон, как прекрасно вокруг, показал он в открытые двери, стараясь его отвлечь.

Барон д'Обюссон безразличным не воспринимающим взглядом глянул, и рукой указал остановить. Вышел, собираясь с мыслями, еще раз подумать. Отошел шагов на десять.

Впереди по полю бегали жеребята, олицетворяя своим пока еще не грациозным бегом начинающуюся жизнь, заставляя его о многом подумать.

Закат его жизни был не за горами, пора было всерьез подумать о своем молодом продолжении. Нужно было не только пустить свое продолжение в жизнь, но и обеспечить дальнейшее существование, как принято во всех знатных фамилиях, наравне с ним. И возможности для этого есть – пресловутый миллион де Жонзака, который уже был в их руках, но на который сейчас нужно было собрать большие собственные силы и чтобы не потерять надежды, и в дальнейшем не оступиться. Уже были отправлены письма, написанные под диктовку аббата к нотариусу, и в суд с уведомлением о заявке на наследство покойного.

Иных способов для сколачивания своего наследства не было. Поместье не могло, просто не позволяло откладывать каждый год крупные суммы и что оно для Франсуа значило, по сравнению с состоянием де Жонзака. Сейчас барон твердо решил, что ни при каких обстоятельствах не откажется от борьбы. От нее нельзя было отказаться во имя невинно убиенной супруги, о которой он с болью в сердце вспомнил.

Время шло, стой не стой, а тяжелая встреча все равно произойдет, не избежать тяжелого разговора уж лучше быстрее, тем быстрее придет облегчение.

Из замка их заметили еще когда они проезжали мост. На стенах всегда были выставлены дозорные – излишняя предусмотрительность барона, и поэтому когда они въезжали, ворота были уже настежь открыты и люди шумной плотной толпой высыпали на мост. Но пропустили экипаж во внутренний дворик, почти до самых мраморных ступенек, сопровождая его. На лестнице с перевязанным плечом стоял Франсуа.

Не вдаваясь в подробности всей мрачности встречи и тяжести разговора, скажем лишь то, что вылезая из кабриолета барон не мог глянуть сыну в глаза, а тот сразу не заметил ужасной перемены в нем. Ведь прежде всего он заглянул вовнутрь экипажа и почувствовав неразговорчивость, обернулся:

– А где баронесса д'Обюссон?

В ответ Рено резко закрыл дверцу, что означало – ее нет. Франсуа убрал руку от ручки и глянул...

По виду отца нечто понял и остолбенел. Что происходило далее он плохо помнил, помнил, что мимо него проходили... тетья, охнула. Ясно услышал произнесенное сначала шепотом слово «убили», крик тетушки. Постояв, пошел, никем не замеченный через ворота, куда-то сам не зная.

Затем когда на него подул ветерок, побежал, даже не заметив как слезы навернулись на глаза.

Сходу запрыгнул на душистый стог сена, посреди покоса, со всех сторон окруженного лесом.

Гром вывел его из установившегося душевного равновесия, и он спустившись побежал. Не смотря на адскую боль от резких движений в плече, он все равно бежал, затем стал карабкаться на кручу холма, цепляясь руками за кусты и опираясь на стволы деревьев, все лез и лез, пока наконец в бессилии не упал на спину. Закрыв глаза.

Как ему ничего не хотелось знать, будто ничего не произошло, но душу терзала пустота, того что матери уже не будет...

Мелькнула молния, и он открыв глаза, смотревшие вверх, увидел что во тьме еле заметную прогалину, между кронами гигантских деревьев. Наверное раздался сильный гром. Дождь уже шел и после этого пошел еще больше. Он давно уже промок вместе с повязкой. Лежал почти в грязи. Снова молния осветила все вокруг. Гром. Затем началась целая канонада грома, от молний стволы и кроны почти беспрепятственно освещались мелькающим светом. Пошел настоящий ливень, с гулом вдаривший о землю. После последней молнии – темнота.

Проснулся. Потоки холодной воды струились по телу. Болезненно затуманилась голова, заблю тело от неприятно промокшей одежды и это при такой-то ране!

Обернувшись назад, панически захотелось домой, вспомнил что отцу с ним непременно сейчас нужно поговорить, вскочил, почувствовав болезненный озноб и немощь во всем теле.

Быстро и в то же время осторожно стал спускаться, чуть не соскользнув и не зашибив больное плечо. Благополучно спустившись, побрел напрямик через ручей к воротам замка и вскоре дошел. Его ждали. Из конюшен вышел Рено.

– Вас ждет отец для разговора, следуйте за мной.

Встретившись они в кабинете лицом к лицу, отец и сын обнялись.

– Ну вот сынок и нет у нас с тобой матери...

Они долго сидели вдвоем молча, пока отец не рассказал как все произошло. Тогда же Франсуа поклялся: «Все кто виновен в смерти моей матери – умрут!».

Барон д'Обюссон помрачнел еще больше.

Назавтра состоялись поминки, на которые успели собраться только ближайшие соседи. Много людей пригласили и из числа арендаторов, в том числе и держателя трактирчика.

Аббат Витербо сидел подле Рено и негромко с ним разговаривал о начавшейся тяжбе. Именно тяжбе. Нотариус Марсен прислал им в Обюссон через два дня после приезда уведомительное письмо, в котором сообщал что у него, барона д'Обюссона есть противник, что означало начало судебных разбирательств и проволочек, крючкотворств и различного такого, что именуется одним общим словом – тяжба.

Кто именно был противником?... Рено приходилось только догадываться, ведь мэтр Марсен не сообщил имя противника, он и сам не знал. В этом Рено увидел тактическую уловку.

– Вы знаете, аббат, почему неизвестно кто он, – делился он своим мнением. – Почему он скрывает свое имя пока? Это обычный трюк, чтобы мы как можно меньше знали о нем, и не интересовались. Может это даже не де Морне, может его действительно отравили, а служанка кричала своим бабьим языком, все что под него попадет.

– А что если это действительно не де Морне, тогда что, никаких новых осложнений не будет? – спрашивал аббат.

– Это будет просто прекрасно. Де Морне как никак сын, хотя и незаконный.

– Тем более что он уже там. – указал преподобный отче на небо.

– Судьи народ такой, что больше любят известных. Он им уже наверное давно пороги оббил. Может и наподкупать успел.

– Да, нужно торопиться, пока горячо. Убийство должно произвести на судей огромное впечатление и в конечном итоге повлиять на их мнение.

Барон д'Обюссон совсем уже как старик сидел за кубком вина и попивая его думал о том же – о благоприятном исходе дела. Стоило так же засудить убийц и тем самым отстранить Франсуа от его опасной клятвы, от которой ему и самому легко погибнуть. Барон думал обратиться за помощью частных сыщиков...

Однако, не смотря на то, что Рено и аббат Витербо говорили ему, что следует как можно быстрее отправляться в Париж, барон мог отправиться только через три недели, и то только тогда когда пришло письмо от мэтра Марсена с просьбой срочно прибыть.

Далее без присутствия истца, то есть его, вести дело будет затруднительно. А до этого барон безболезненно слег. Отправляться пришлось ему осенью, с дождями.

Глава XIII. Парижские холода

В один особенно холодный ноябрьский день, в вечернее его время, со жгучим морозцем, являвшегося для этого времени прямо таки курьезом погоды, вместе с тихим слабым падением... даже не снега, а какой-то размельченной в пыли пороши, бьющей от ветра колкими осколками в лицо, скручивающейся под ногами во всех неровностях за бордюрами бульваров и прочих местах, весьма и весьма прихорашивая пустынный вид безлюдных улиц, где уже не ходили наемные экипажи... так вот тем немногим прохожим в Париже, что еще шагали по его улицам именно поэтому приходилось идти, не имея никакой возможности сесть проехаться.

Внезапные холода загнали всех или почти всех по теплым домам на улице Бон-Морю, кроме как одного замеченного нами прохожего, запахнувшегося полами пальтишка, почти сюртука, одетого не по погоде, и поэтому мало согревающего. Коченели ноги, не говоря уж о руках, которые были вообще никак не прикрыты и поэтому совсем посинели.

Как сей прохожий сетовал на то, что ему не попадается хоть какой-нибудь транспорт. Даже прохожих, которых можно расспросить куда идти дальше?... И тех не было видно ни впереди, ни взади на темнеющей улице.

Сколько уже этот человек прошел так наобум, смотря только на таблички, прибитые на углах домов, узнавая таким образом название улиц, мало о чем ему говоривших.

Там же где таковых не было прибито или он их не заметил, стараясь побыстрее пройти их, идя в нужном направлении лишь по интуиции, из-за зверского холода с сильным пронизывающим ветром, граничившей с бездумной неразборчивостью, лишь бы только идти, двигаться, и в конечном счете куда-нибудь прийти.

Ко всем прочим неблагоприятным для него обстоятельствам, необходимо добавить, что прохожий еще и прихварывал: то и дело слышалось его сморкание и кашель в себя.

По-летнему легкая шляпа налегала на лицо своими полами очень низко, закрывая от жгучего ветра отчасти и глаза, тем не менее слезившиеся. Прикрыт был и нос, так что лицо прохожего разглядеть было невозможно, закутанное с подбородка шарфом.

По городу он так прошел почти целую милю, находясь под впечатлением, что идет он безрезультатно, перед глазами улица за улицей, одна и та же картина – похожие друг на друга, незнакомые места.

Как человек приезжий, Парижа он не знал и в довершение ко всему мучился незнанием дороги, и очень расстраивался, думая что идет совсем не туда куда нужно. Впрочем теперь он шел не туда куда хотел, а к первой встретившейся на его пути гостинице или того места, где можно найти теплое пристанище.

Услышал сзади как из переулка в переулок улицу пересекла пронесшаяся карета. Как можно было позавидовать этому вельможе: какому-нибудь графу или маркизу, что сидел там скрытый деревянной конструкцией, изнутри обитой слоем войлока и материи. Судя по тому с какой скоростью проехала карета, прибудет она на место намного раньше его, во всяком случае, если конечно вельможа не собирался выехать из города вообще.

А ему предстояло идти и идти еще неизвестно сколько? И дойдет ли он? Ведь сколько было случаев замерзания людей, шедших из последних сил до конца, так же не подозревавших об опасности, или чувствуя уже неладное, успокаивали себя мыслью, что в городе от этого не пропадешь, кто-нибудь впустит, только пройти еще немного, подыскать подходящее место... и после тщетных попыток не в силах более идти, падали в бессилии у чьей-нибудь двери.

Однако замеченный прохожий, судя по быстрому торопливому шагу, шел не просто куда-нибудь, а именно к себе, и по тому как он держался на ногах можно было понять что околеть ему не предвиделось, даже на таком морозе.

Темнота наступала быстро и рано. Уже нужно было всматриваться вперед, пока наконец не увидел такого же как и он, идущего прохожего, возле одного из светящихся фонарей впереди.

Обрадованный этим, крючкато побежал за ним, несколько не удивив своим поведением, обернувшегося старика. Догнал и что-то спросил. В ответ тот указал рукой вперед.

Казалось взнезменной холод прорвал небесную сферу, жгучий ветер, который он проклял сто тысяч раз, усилился, и бегущий застонал от боли, все-таки продолжая бежать. От ветра слезились глаза и их приходилось закрывать, а то от встречного ветра их кололо.

Все пронизывающий холод казался настолько сильным, что иногда не сдерживались чувства и приходилось кряхтеть, вскрикивать, проклинать, а то и стонать. На улицах города можно было видеть мерзлых собак, одну из которых и заметил тот прохожий, пробежавший возле мусорной кучи, где бедное животное нашло себе смерть.

Пробегая возле одного дома, на секунду остановился, прочитал название улицы. То была соседняя с улицей, куда выходили задний вход «Золотого желудя». С облегчением подумал, что нужно скорее добежать до него и там согреться. А подумав припустил еще быстрее, чувствуя что на конце носа мокрота носа давно замерзла, как и сам нос. С невероятным усилием воли заставил себя вытащить одну руку из более-менее нагретого места груди и приложить ее к нечувствительной конечности, дабы потом не остаться без нее.

Рука на морозном ветру тут же заоченела, стала плохо сгибаться в суставах...

...Вспомнился юг, откуда он приехал в этот проклятый Париж. Задубелая кожа стала постепенно меньше беспокоить.

«На ходу замерзаю» – подумал он и решил что нужно не бежать, а идти. Он и сам не знал как это могло случиться, что кисть руки не двигалась; скорее всего потому что на бегу мороз действительней.

Прошел улицу до конца, по следующей дошел до наглухо закрытых дверей кафе-гостиницы, к коим так стремился. Придется еще черт знает сколько идти! И не раздумывая более бросился бежать, лишь бы только поскорей. Некоторое расстояние бежал обратно, затем свернул через перекресток на улицу де Морне, и далее на улицу Планш-Мибрей. Конечную дистанцию он пробежал так нарезая ногами впереди себя, что самому стало теплее, разогнав кровь по телу. Ему даже показалось что от него валил пар, но это впечатление главным образом сложилось от пара исходящего от дыхания.

Остановился пред дверьми и снова стал мерзнуть на жгучем пронизывающем ветру. Постучал кулаком, затем засунув руки за обшлага палето, попинал ногой.

Сразу как ему открыли, побежал вверх.

В комнате Гийоме было тихо, спокойно. Пламя огня в камине приятно освещало красным светом, не говоря уже о том, что обогревало. И в это время тяжелые стуки нарушили покой.

Гийоме, которому нужна была полнейшая тишина в комнате подскочил с дивана из-под холодного ватного одеяла, в данном случае очень приятного и желанного. Открыв дверь и увидев перед собой Аньяна, сморщился.

– Еще бы к рождественским праздникам пожаловал. Решил приехать навестить друга? – проговорил он ворчливым тоном, стараясь говорить как можно тише.

– Я очень сильно болел, пришлось лежать лечиться. – сказал обнадежившийся Аньян, так же почти шепотом, самодовольно входя и кашляя. – Ты знаешь кто приехал?

– Ты приехал – ответил Гийоме, несколько не интересуясь, закрывая двери; затем что-то сообразив мгновенно приставил палец к губам. – Ничего я не хочу знать, еда что там осталась на столе... греми потише, я ложусь спать.

Аньян несколько не понимая его знака подумал, что его слова могут услышать в соседнем доме и решил отложить разговор назавтра.

Тепло приятно согревало. Подошел к камину, протянул к огню руки. Потом уж только снял палето, шапку, обувь. Бросил все в беспорядке и уселся на стуле перед огнем, обогреваясь потоками горячего воздуха. Нагревшись, когда от того же тепла стало клонить ко сну, улегся на диванчик, прямо в верхней одежде, накрывшись и оставив ноги на полу.

Пробуждение было неясным., полудремым, через забитый нос дышать было невозможно, только ртом... Сквозь полудрему слышал...

– Давай Дармаглот, поторапливайся...

...И только когда дверь закрылась, окончательно проснулся.

– Кто был?

– Что не понятно что ли?

– Кто?

– Тот кто спал со мной в ногах, ты что что ли не видел?... Специалист.

– Нет. Да, а ты знаешь, что я тебе тогда хотел сказать: приехал д'Обюссон.

– А я тебе могу даже сказать куда он приехал; прямо сюда, он наш сосед по этажу.

– Как?!... Это злой рок. Если встречаемся мы так на Гревской площади, если живем так с...

– Хорошо что еще мы в разных концах живем.

– Невероятно! Ты несешь вздор. Как такое совпадение вообще могло произойти?

– Тетушка Антиген, его родственница, и поэтому он естественно к ней и прикатил. Непонятно как ты только не столкнулся с ним, ты ж бедовый. Давай рассказывай где ты столько времени был?

– Я же говорил что болел.

– Ты и теперь тоже самое делаешь! Небось скажешь что все на лекарства угрохал? А жаль у меня возникли кое-какие долги на сотню.

Аньян ни слова не говоря начал выкладывать из кошелька на одеяло требуемую сумму, а выкладывая думал, что какие-то бывают удивительные случайности, что из многих домов в Париже де Морне был куплен именно этот, что задней стороной впритирку стоял к дому тетушки Антиген...

В том что де Морне был куплен именно этот дом, не было никакой случайности, ибо он и был куплен из-за своего более чем близкого месторасположения к возможной цели. И даже то, что Манден знал что владелица сего доходного дома приходится дальней родственницей де Жонзаку так же не было никакой случайности. Вся переписка покойного была им известна.

Ну, а для чего Манден закупил этот дом, приходилось только догадываться.

– А! что я тебе хочу рассказать! Это завал! – рассмеялся Аньян. – Мы с Манденом по дороге встретили Метроне...

– Кстати насчет удивительных случайностей. Ты должен молиться на Метроне... Следи за своим языком. Вместо этого тебе самому нужно было немного подумать Манден вез с собой тридцать две тысячи...

– Именными чеками на жонзаковские денежки в банке Ротшильда.

– И какая же была реакция у Спорادا? Когда ему подарили столько лотерейных билетов?

– Он смеялся. Ты видел его когда-нибудь смеющимся?

– Я чаще его видел бегающим с мальчишками в догоняшки.

– Ну так я тебе недорассказывал про Метроне. – начал Аньян уже заметно более помрачневшим. – Метроне нам так радостно рассказывал как он сбежал со дворца. Говорит: «мне де Спорادا за то что я ему сообщу три тысячи отвалит.» В общем приезжаем мы, Метроне видит Спорادا. Идет к нему. Только рот открыл... видит барона де Пертанна... Мина такая кислая была, главное с такой рожей он смотрел на барона... я загинался потом... Главное де Спорادا

пришлось закрывать собою Метроне, барон тому морду полез бить – посмеивался Аньян вместе с Гийоме.

– Ничего себе какие бароны у Спорادا на посылках бывают. Его фамилия в Золотой книге Италии значится. Значит де Спорادا действительно маркиз, как Метроне хвалился?

– В его маркизате даже город есть – Алькамо. Правда весь он прибран к рукам братца. Гийоме заложил деньги Аньяна глубоко в карман.

– Здесь тоже концерты были, как ты уехал, вернее как Манде уехал. Де Морне с его женой один на один остался. Там как в публичном доме было... Он ее по новому способу: сначала бьет и мучает до рыданий. – Гийоме задыхался в смехе похоти – ...Я угорал слушать звуки такой любви... Такие страдания были... Как дом брать будем я обязательно кнут возьму, нужно с ней попробовать.

– А ты я вижу трусоватый малый, без меня побоялся напасть, их же всего двое оставалось?

– Между прочим бывало так что они обои уходили из дому и я обшаривал там буквально все.

– Ты уже проделал лаз? И что ты там находил?

– Да так, мелочи жизни. Лежит тыщенок пять.

– А барон д'Обюссон с кем приехал?

* * *

Барон д'Обюссон с Рено и еще одним слугой по имени Мишель, вольготно поселились в большой просторной квартире. На втором этаже, самой лучшей из всех имевшихся, и задолго приготовленной к их приезду.

И вообще надо сказать в похвалу хозяйке, весь дом содержался у нее в наилучшем состоянии. Раз в два года менялись обои, с каждым разом все более лучше прежних, с увеличивающимся количеством расцветок. В одной только трехкомнатной квартире барона их было пять: с различными оттенками зеленого в коридорах, такие же ромбиковидные, но красные на кухне, в большой зале – голубые, отчего она казалась еще просторней. В остальных двух комнатах, обои были оранжевые и синие с цветочным орнаментом.

По тому как были оклеены стены этой квартиры можно было судить о вкусе хозяйки дома. Хорошие обои с хорошо выбеленным потолком – почти самое главное для хорошего вида, но это большей частью скрывалось за шифоньерами, высокими сервантами, трельяжами, зеркалами, диванами и другой различной высоты мебелью, не говоря уже о коврах и различных гобеленах; но, если бы в такой обстановке полы были никудашными, то шикарный внутренний вид очень бы сдал. Однако и полы в доме были так же отличные. На подъездных коридорах, плиточные, а в комнатах лакированные паркетные.

Смотря по тому что дом тетушки Антиген был двухэтажный, складывалось впечатление, сдающихся квартир и комнат было не так уж много. Это может было действительно так в настоящее время, а в теплое время года сдавались так же и чердачные помещения, в основном для студентов и экономных людей. Хотя и без этих чердачных клетушек, на одном только втором этаже кроме вышеописанной квартиры барона и тремя известными комнатами, которые снимал Гийоме находилась еще одна маленькая квартирка, разделяя пугающее соседство таких квартирсъемщиков.

Рассказать о доме тетушки Антиген не упомянув о ней самой было бы не полно. К тому времени живой подвижной старушке было за шестьдесят восемь, что конечно же не соответствовало тому обращению, которое закрепилось за ней с давних пор, когда после смерти мужа – разорившегося аристократа, собрав все что после него осталось, она купила сей доходный дом.

Тогда когда это было, таковое обращение как нельзя более кстати подходило к ней, и так и закрепилось, давая возможность жильцам, всегда относящимся к своей хозяйке очень почтительно, обращаться в менее официальной форме. За все время между ней и жильцами не возникло никаких осложнений, как это не было парадоксально.

Даже у злого в себе Гийоме, скверного по натуре человека, не было к ней претензий и ему волей-неволей приходилось разговаривать с ней нормально, как например сейчас, когда она вошла в дверь, открытую Аньяном, принесла им на подносе завтрак на двоих. Гийоме знал время разноса и всегда откладывал свои дела.

– Завтрак идет. – сказала тетушка Антиген, неся оный в обеих руках.

Гийоме даже не взглянул на принесенное, так как знал, что не зря платит.

– К вам вчера кажется кто-то вселился? – спросил он дабы убедить Аньяна, и узнать что-нибудь новое, что ему не удалось узнать вчера, от кухарки, которая вела в доме все дела.

– Да, сам барон д'Обюссон, с господином Рено и еще кем-то, я забыла. А барон-то мой родственник.

– Неужели?

– Именно так.

После того как она ушла, Аньян присаживаясь к столу, помотал головой, проговорил:

– Во местечко, с одной стороны к де Морне, с Манде залезть можно, а с другой стороны барон д'Обюссон с визитом пожаловать может. Кстати, кто такой господин Рено? – спросил он как бы между прочим.

– Это тот в кого вы стреляли, дорогой мой, неуж-то забыли?

– А мне нечего вспоминать, я вообще ни в кого не стрелял... Я единственный из всех вас, кто ни в чем не виноват, нечего на меня грешить.

– Ах вот ты как заговорил: виновен-невиновен.

– Да, в отличие от некоторых отличившихся.

– Ну раз ты невиновен, что ты так затрясся, когда узнал, что Рено жив. Иди покажись им! ...Хм! невиновен. – усмехнулся Гийоме, уже совершенно успокоившись. – За невиновность ты бы не получил денежек от де Морне... в отличие от меня. – добавил он через некоторое время с ухмылкой.

– Ладно уж, твою деятельность де Морне не смог бы оплатить никакими деньгами. А что ты сам лично не убивал ее, и не получал денег... это...

– Это?

– Это так нужно тебе же было.

Гийоме жестко схватил его за руку, со злой улыбкой и ужасающей спокойной откровенностью проговорил:

– Простота. Мне было бы почти все равно, если бы даже я сам пустил ей пулю в лоб.

– И что ты действительно не чувствовал бы ничего на душе если бы ты собственноручно, как ты говоришь: пустил бы пулю в лоб?!!

– Послушай, дурак, – оглядываясь и на пол тона снижая голос, процедил сквозь зубы. – Почему я должен угрызаться тем, что вцепил бы пулю в лоб, когда я сзади пристрелил ее в затылок.

– Ты?!! – вскричал Аньян в ужасе, встав.

– А эти пентюшки бахвалятся, как у них хватило смелости это сделать. Что ты думаешь, они угрызаются твоей совестью? Спорада получил тридцать тысяч и очень доволен: что его братец – выродок древнего рода, кончится от болезни слабости...

«Господи прости меня. Скорей бы все это кончилось! Поскорей бы что ли рассказать ему? Сначала пистолетом запастись нужно, такой пришьет тебя вместе с Дармаглотом каким-нибудь. Что ему здесь нужно было? Без меня хотел?»

* * *

После плотного завтрака барон д'Обюссон собрался поехать по городу, заглянув в кое-какие места, вызывающие светлые воспоминания молодости; а заодно и заехать к мэтру Марсену, обстоятельно поговорить о текущих делах.

На улице ярко светило солнце, как весной, уже растопив выпавший за ночь, никем не замеченный снежок, оставивший после себя лишь влажность, а кое-где и лужи.

От вчерашней стужи не осталось ни холода, ни ветра. Такая стужа для такого времени была весьма и весьма значительной и если бы тогда измеряли температуру и вели сравнения с предыдущими годами, то ничего подобного не обнаружили бы. Этот кратковременный пик холода даже в простых записях о погоде должным образом не указали, может быть что существовал он один вечер и вчерашнее достижение стужи, когда все находились в домах, мало кто приметил, как того следовало ожидать, хотя были и замерзшие, но только на поднятых местностях и холмах. Монмарта, где обычно ночуют бродяги и где они издревле замерзали.

Это явилось первой заявкой очень ранней зимы 1705—1706 годов, выдавшейся очень холодной; после засушливого лета.

Тем не менее осень пока и надолго отвоевала свои позиции. На деревьях и кустарниках все еще оставались листья, и парижане шагая по лужам и таская грязь по влажным мощеным улицам еще о зиме не думали.

Мишель, слуга барона, был послан за экипажем и когда он подкатил на нем к подъезду, д'Обюссон и Рено вышли к нему уже снаряженные. Мишель же и повез их к центру города, хотя сам в Париже был впервые.

Как участник войны за Мантуанское наследство, барон в молодости служил в полку дислоцировавшемся одно время здесь же в Париже, и поэтому проехав возле величественного здания дома Инвалидов, построенным для ветеранов этой войны поехал в известный ему район. Неизвестно сколько он искал свои казармы, но когда ему наконец какой-то старик указал на них... точнее на то, что от них осталось, видеть это барону было отталкивающе мучительно, сравнивая со старым добрым временем.

Пора было уже обедать и он поехал в преуспевающее кафе де Пари, что находилось на Елисейских полях, где он конечно же затратил не только уйму денег, но и времени.

Затем взяв проводника, поехал в нотариальную контору мэтра Марсена.

Контора, куда была вложена некоторая сумма денег барона д'Обюссона, размещалась на нижнем этаже четырехэтажного здания, занимая весь его низ, кроме подъездов с задней стороны.

Внутреннее устройство конторы было просто и в то же время когда заходишь и видишь кроме большой прихожей, за ней комнату, где за столами сидит пятеро писарей и переписывали, а может быть и писали что-то сами, а за ними стену, уходящую наискосок с дверями, то невольно казалось, что за ними находится целый лабиринт всего такого, что так подходит таинственному миру нотариальной конторы.

Барон д'Обюссон прошел в писарскую и спросил одного из служащих:

– Где мне можно увидеть мэтра Марсена?

– Мэтр уже не мэтр, а дворянин! – с молодой высокомерностью ответил острым голосом один из писарей.

– Ничего ничего, господин барон! – послышался громкий голос вошедшего нотариуса, очень обрадованного его приездом, – называйте меня по-старому, а это дворянство: так принято. Как говорится: от жиру бесимся. Здравствуйте. – кланяясь продолжал он. – Пойдемте в мой кабинет, здесь ужас как прохладно, ну морозец вчера был, у камина еле согрелся.

– Холод был большой, я замерз в своей одежде, как раз вчера приехал.

Проведя их в свой роскошный кабинет, устланный на полу и на стенах коврами темно карминного цвета, стал помогать им раздеваться, раскрыв гардероб у двери, в коем висела только его одежда. Действительно, роскошь кабинета, хотя бы даже судить по люстре венецианского стекла, мягко освещающей ковры, красного дерева бюро и стол, и напитывающий слегка воздух эфирными маслами; все указывало на то, что дела этого нотариуса идут в гору и контора его преуспевает.

Закрыв как положено двери перед разговором, начал его только тогда, и только за столом, как всякий истинный нотариус, хотя первые слова можно было говорить и при посторонних.

– Как хорошо, что вы приехали, очень кстати... располагайтесь как у себя дома, пожалуйста.

Они уселись в мягкие кресла. У стола друг перед другом. Мэтр Марсен убрал со стола несколько лишних бумаг, книгу, отодвинул чернильницу с перьями, достал из ящика стола нужную бумагу, усевшись в кресло перед ними, а не за столом, как всегда по-обычному закинув ногу за ногу.

– Мой враг... де Морне? – спросил барон мрачным тоном.

– Да, вашим соперником является де Морне.

– Значит все-таки он убийца баронессы.

– Конечно убийство было ему на руку, это веский аргумент...

«Если она конечно везла завещание»...

Они обстоятельно поговорили о личности де Морне, Рено изложил причины, по которым следует подозревать именно его. Марсен посоветовал открыто вслух при людях не обвинять де Морне, но вести разговор с судьями, так чтобы это имелось ввиду.

– А что у судей на разбирательствах продвинулось? – спросил барон, когда они кончили говорить о де Морне.

– Я вам лучше объясню ход разбирательства по вашему делу.

– Да! и объясните мне почему оно топчется на одном месте: дошло только до моего письменного заявления, то есть пришли к самому что ни есть началу!

– Это не совсем так, уважаемый господин барон. Вы послали заявление давно, а приехали только сейчас, вернее вчера. Вы должны были написать и подписать кучу бумаг, ведь кроме тяжбы и уголовного прибавилась. А без вас разбирательство стало в тупик. Дело путанное, передано в уголовную полицию и вам как обвинителю надо давно было быть здесь. А вообще тяжба с самого начала затянулась из-за процедуры аннулирования завещания господина де Жонзака, на имя покойного графа...

В двери постучались.

Несколько мгновений господин Марсен пребывал в нерешительности, то ли не обращать внимание и продолжать разговор, то ли идти открывать.

Постучались снова и настойчиво. Пришлось извиниться и идти открывать, что очень не понравилось барону, как будто они ведут простую беседу, сидя в обычном заведении.

Открыв дверь господин Марсен увидел пред собой седовласого и простого по натуре господина Шаргена, человека очень живого и куда-то торопящегося.

– На! – сказал он всовывая ему в руки папку.

– Э! Постой-ка. – остановил его Марсен, выходя из своего кабинета и закрывая за собой дверь.

– Придется тебе обождать, ты куда торопишься?

– Не очень-то я и тороплюсь, но торопиться нужно.

– Второго такого раза уже не будет, это очень важно.

– Ну что еще ты придумал?

– Ты знаешь кто там сидит?

– Кто?

– Сам барон д'Обюссон...

– Он?!

– На тебе ключи, слуги нет...

Через пять секунд мэтр Марсен снова вошел в кабинет, деловитой походкой, без чего-либо в руках и защелкнув дверь на замок, сел на прежнее место.

– Извините, это один из судейских чиновников. Так вот я хотел сказать. Что оно всевозможно затягивалось как только могло. Мне ни на сколько не удалось ускорить ход... А сейчас дело еще более усложнилось, потому что кроме бумажной войны, нужно ждать когда по своей части разберется уголовная полиция.

С минуту они молчали.

– Вы знаете. Господин барон... Я бы посоветовал вам все-таки отказаться, пока не поздно, потому что понимаете ли незаконнорожденный сын это все-таки сын... А раз у вас нет завещания, то судя по всему притязания ваши тщетны и если вам придется оплачивать издержки, то это может вас разорить. Эксперты посылаются только сейчас... когда все забывается и стирается. Можно даже сделать так что вам не придется выплачивать уже набежавшие судебные издержки – десять тысяч, при условии что де Морне выплачивает их в случае вашего отказа. Я конечно понимаю, что состояние покойного велико.

– Да не из-за него!... Не из-за него! Мне нужно доказать виновность этого проклятого де Морне и тогда я буду отмщен... Вы понимаете?!... Что убийца де Морне мне известно достоверно! – д'Обюссон обхватил лицо руками от волнения и головных болей.

После. Успокоившись, барон и Рено вышли. Мэтр Марсен проводил их до самых дверей кабинета, а затем закрыв их, подбежал к серванту, залез на выступ и спросил в угол стены:

– Ну что ты думаешь?... Я тебя спрашиваю?... Не слушал!

Мэтр Марсен слез и с большим недовольством вышел, собираясь подняться на второй этаж, но из окна увидел что на подножку уходящего экипажа барона, заскочил все тот же мэтр Шарген.

Глава XIV. Учитель фехтования

Д, Обюссон-старший больше никуда не заезжал после того как высадил мэтра Шаргена в нужном ему месте; но все равно приехал домой только поздним вечером к самому ужину.

Прошедший день не смотря на присутствие в нем черных моментов очень радовал его, главным образом тем, что один из судейских поверил ему, и стал его соратником по очень и очень нелегкой борьбе.

Вот почему он сидел за столом в приподнятом настроении, что не мог не заметить Рено. Барон еще более убедился в решении вести борьбу до конца. Сейчас разбирательство должно пойти еще быстрее, теперь его будут поторапливать не только стряпчие.

Неясно понимая, что может сделать судейский для раскрытия преступления, думал только о всесторонней победе, что если тяжба будет выиграна, это будет признанием виновности де Морне.

Вскоре поняв свое заблуждение немного поостыл. Тетушка Антиген не обедала с ними потому что страдала желудочными болями. Барон пригласил ее после с картами и лото, дабы было чем занять вечер. Играли на мелкие деньги, для большего интереса пара на пару. Он с Рено, а тетюшка со своей экономкой.

Сначала взялись за трик-трак. Барон д'Обюссон не знал этой игры и решил попробовать, понравится ли? Так и проиграли до поздней ночи, пока не легли спать. Закончилась игра их удачей, долгой и с нарастающим перевесом, только не прозевай когда что подкинуть, а этому очень мешает сонливость, когда притупляется внимание.

Время за игрой летит быстро, на жизни барона бывало часто что начинали вечером, а кончали, когда замечали что начинает светать. Однако назавтра у него были свои планы.

На следующий день барон д'Обюссон и Рено, так же как и вчера после завтрака отправились по городу. Заехали на рынок, поехали по оружейным магазинам., купив несколько шпаг и пистолетов.

Затем заехали на Елисейские поля, на улицу Фур к особняку графа Д'Олона. Ворота были открыты, что позволило им беспрепятственно въехать. Но в прихожей посланному Рено ответили:

– Графа нет дома, он в отъезде.

Тогда они поехали к графу де Гассе. У него дом был намного скромнее, занимающий одну часть двухэтажного здания, да и находился на улице типичного дворянского квартала, не то что у его друга: в двух сотнях туазов от особняка Монморанси.

Не было и двора, подъезд прямо с улицы – типичное для этой улицы.

Только-только экипаж перестал двигаться, а кони своими неподкованными копытами еще цокали по мощеной новым булыжником улице, как швейцар за дверью уже поглядел в оконце.

Граф де Гассе был дома, но при встрече казался заспанным. Барон спросил его об этом.

– О нет, нет! Не вам я обязан своим пробуждением, пойдёмте наверх.

После орлеанских похорон они виделись в первый раз. Горячо пожав друг другу руки, приехавшие отдали верхнюю одежду в гардероб и прошли наверх в залу, где и продолжили разговор.

Де Гассе весьма интересовался делами барона, больше всего тяжбой, и ему было рассказано все, что известно, естественно в более радужных красках.

Де Гассе высказал заверение, что когда понадобится его помощь он чем может, тем поможет.

– Может мне сейчас же написать мои показания и отправить в суд?

«Судьи как будто даже и не думали опрашивать свидетелей».

– Лучше я сначала об этом справлюсь у моего нотариуса мэтра Марсена.

– Марсен? – проговорил граф, стараясь надежно запомнить. – Да вы знаете я справлялся об этом де Морне. Личность нелицеприятная, гуляка, его дом вечно полон всякого сброда. И вот что очень интересно: уехал из Жонзака он сразу же, и выбрал окружной путь по морю, будучи таким больным. Он как предчувствовал что около Орлеана ему не нужно проезжать. Как приехал в Париж, сразу же все узнали что на его жизнь покушались, и что находится он сейчас чуть ли не присмерти. Посылал за личным врачом Ришельё-маленького.

– Это все конечно более чем подозрительно, но на свет он какое ему нужно впечатление произвел.

– Господин барон, я вам клянусь, что если мне когда-нибудь придется свидеться с этим крокодиллом наша встреча закончится дуэлью!

– Никогда с этим не соглашусь, дорогой граф. Только я имею к нему свои счета и никому не уступлю свое право свести их с ним! Однако хватит об этом мрачном человеке, он достоин лишь топора и плахи, а не разговоров. Лучше посмотрите что я вам привез из своего захолустья. – сказал барон д'Обюссон, протягивая собеседнику изящный кубок, с очень миниатюрной выделкой.

– О! – просиял де Гассе и как знаток и коллекционер быстро определил. – Кубок короля Карлуша, редкая вещь.

– Извольте ее оставить у себя как подарок.

– О! Господин барон, хоть и принято для приличия отказываться от дорогих подарков, но у меня просто не хватает на это духу.

Еще с Орлеана барон д'Обюссон знал, что граф большой любитель и собиратель кубков, по случаю прошедшим с ним, когда он явился невольно свидетелем скупки де Гассе каких-то бокалов, и уже забыл где это происходило, хотя могло происходить только в Орлеане.

Граф де Гассе красивый и обаятельный вельможа, проводил их на улицу когда они засобирались, до самого кабриолета. Только сейчас д'Обюссон стал различать черты, его сиятельного лица. Еле заметная аккуратная бородка. Молодое холеное лицо носило отпечаток обаятельности и спокойствия. Только теперь оно запомнилось барону и он узнал бы его среди миллиона других. Ранее, горе и траур окутывал ему глаза и он к своему стыду почти забыл своих друзей, так помогших ему там, в Орлеане.

Залезая вовнутрь экипажа услышал восклицание графа:

– О, у вас столько шпаг, зачем они вам?

– Отошлю в Обюссон.

– Наверное вам нужен учитель фехтования, для такого оружия он обязательно нужен. – спросил граф как бы между прочим.

– Очень нужен. Буду очень вам благодарен, если бы вы мне указали на такового.

– Он у меня, могу вам его представить, вообще он сейчас спит. А фехтует он здорово и согласен поехать в провинцию. Сам он итальянец, родом откуда-то из Тосканы, из Флоренции. Его зовут Капече...

– ...Ковалоччо. – договорил сам обладатель фамилии, внезапно нарисовавшийся в дверях.

Сонливость еще была видна на его молодом лице, смахивающем на девичье, или по крайней мере на мальчишеское. Чувствовалось что он лет на пять моложе стоящего рядом графа. Примерно так и было.

Барон д'Обюссон неодобрительно посмотрел на молодого итальянца.

– Прежде мы пофехтуем с тобой, молодчик.

– Где? – лаконично спросил тот.

– У меня вечером улица Планш-Мибрей десять, в десять.

– Великодушно простите, номер дома: десять-десять? – переспросил Капече Ковалоччо, ошибившись с трудным предлогом во французском языке.

Более с ним не разговаривая, барон согласно кивнул ему; усевшись поудобнее и распрощавшись с графом, отъехал. Нужно было еще заглянуть к мэтру Марсену, который собирался подготовить к его приезду кое-какие бумаги.

Пока от нотариуса доехал домой, сделав большущий крюк по богатым кварталам города и заехав еще в кое-какие магазинчики, прошло много времени, но вечера, о котором он говорил все еще не было, только сумерки начинали мало-помалу овладевать небесным пространством; а Капече Ковалоччо уже стоял у дверей дома, в выжидательной позе. На боку у него висела длиннющая шпага.

– Эй, парень, я ж тебе сказал вечером.

– Ну так я тут и подожду вечера. – с живым южным темпераментом и с акцентом бойко отпарировал лукавец.

– Ладно, пошли, нечего ждать, я тебя и днем разделаю.

Рено понес за ними все накупленное под мышкой, то подсовывая, то прижимая не удобные для ношения таким образом шпаги. Кабриолет за ними тотчас тронулся, уезжая.

В своей квартире барон прежде всего, как и Ковалоччо снял верхнюю одежду, прошел в залу, не дожидаясь гостя, отодвинул стол, и поставил на бок в угол за диван.

Свободным оказалось большое пространство, где и можно было состязаться. Рено дал каждому по одинаковой тренировочной рапире с тупыми концами. Противники встали в стойку. Рено прежде чем давать знак начинать отошел за спину барона д'Обюссона, встал в створе открытых двойных дверей.

Барон д'Обюссон, не смотря на свои годы, имел твердую руку и опытный наметанный глаз. Первое время он только опробовал противника и видя что тот только обороняется, стал беспрестанно нападать, делая резкие выпады. Но все они отбивались и только.

Надо сказать, что он и сам держал оборону, дабы не посрамиться, как он считал перед сосунком.

– Ты не робей, нечего стесняться, и сам атакуй давай. – подзадорил того барон, подозревавший что хитрый молодой человек нарочно так делает, что бы ослабить его бдительность и нанести коварный удар, чуть он зазеваётся.

Рено почувствовал что сзади подходит тетушка Антиген.

– Ой! Господи! Дуэль что ли?

– Нет, упражняются, учителя фехтования для Франсуа смотрим.

В то время как здесь становилось все жарче и жарче, в другом конце того же дома и этажа в комнате Гийоме Аньян подкладывал в камин на то и дело затухающий огонь сухие поленья, спасаясь этим от пронзглого осеннего холода.

Гийоме прохлада казалось нисколько не беспокоила; если судить по его легкой одежде и по тому с каким безразличным видом он сидел в кресле и пил напиток, все время о чем-то думая.

– Послушай, Гийоме. – вдруг спросил его Аньян. – Кто это тогда приходил? Какой-то Глот?

– Дармаглот.

– Кличка?

– Ну не настоящий же Дармаглот приходил! – вспыхнул выведенный из себя Гийоме.

– А зачем ты его приводил?

– Он специалист по замкам. Изучал замок секретера в кабинете де Морне.

– Так вы туда залазили?

– Только я, он просто рассматривал через гобелен.

– Так ты доделал лаз?

– Почему доделал. Даже щель отвел в сторону специально чтобы смотреть из-за мебели... Почему не доделал?! – снова через некоторое время распалился Гийоме. – Раз я туда лазил! ...Как ты меня раздражаешь своей тупостью.

– Ты меня тоже раздражаешь...

– Ну скажи почему ты спросил доделал я лаз или нет, когда я туда лазил?

– Я просто спросил «ты все доделал?» Садись поедим.

Аньян перестал смотреть как пламя охватывает поленья, сел за стол.

– А ты уверен что завещание у него в секретере?

– Нигде оно больше быть не может, я там все осмотрел.

– Ты же говорил что там у него деньги лежат?

В ответ у Гийоме сначала вырвалось из гортани несколько звуков, похожие на человеческие.

– Аньян, прекрати, пожалей мои чувства. – попросил он.

Еще через некоторое время за едой Аньян снова спросил.

– Не кажется ли тебе, что похищение завещания затянулось?

– Можешь ехать хоть сейчас.

– Ну, погоди...

– И гони мои двести ливров...

– ??

– ...Не надо делать недоуменную рожу. Я все жду когда твоя совесть проснется, а ты к моей совести взывал. Я тебе говорил к моим деньгам не прикасайся?!

Аньян замялся и приналег на еду, от волнения ел быстро. Потом снова:

– Манден сам мне всучил, говорит...

– На мол, отдашь ему когда разыщешь. А ты и взял сразу. Давайте! Завсегда готов!

– Между прочим если бы я не взял, это еще более подозрительно было бы...

...А почему двести только?

Гийоме усмехнулся представив Аньяна, который брал столько сколько дадут, не спрашивал.

– Двести я заблаговременно вытребовал... А этой распиской что ты дал Мандену ты нас обоих под топор подвел. На обратном пути Манден тебя не угрохал только потому что знал уже что Гийоме тебе все втолкует.

– В этом отношении я был здоров как бык. – бахвалился Аньян задрожавшим голосом, сразу же переведший разговор на другую тему. – Ты не знаешь как можно найти Жака?

– Я тоже о нем думал. Но нет, он здесь не причем. Манден с де Морне ни одного раза о нем не говорили... Он как пропал куда, я сам его искал... А зачем он тебе?

В то же самое время в ярко освещенной зале загнанный в угол Ковалоччо, яростно отбивал, рассекавший со свистом воздух, мелькавший перед его лицом клинок.

В руках у фехтовальщика были уже не рапиры, а тупые тренировочные шпаги. На рапирах молодой итальянец показал, что он умеет хорошо отбиваться и пропустил лишь один неопасный удар.

В том ожесточении, с которым старый барон нападал на него, кроме восхищения что в такие годы можно наносить удары такой силы, виделось желание д'Обюссона выбить у сопляка-учителя его орудие труда и поколошматить его как следует, выпроводив с позором. Ковалоччо ему с самого начала как учитель не понравился. Франсуа и сам умел отлично обороняться, а так как сын нападал лучше отца, то конечно же давно бы выбил у своего предполагаемого учителя всю преподавательскую спесь. Ему же только удалось больно ударить зажатого в углу итальянца, но выбить шпагу не удалось.

Барон д'Обюссон уже начал уставать, пот градом лил с его лица, спина промокла, движения были более вялыми. Но и противник его тоже очень устал, тем более что находился он в более худшем положении. То и дело его шпага рукоятью скреблась о стену.

Чувствуя что он очень много потерял в глазах барона, тем не менее ничего не мог поделать, оставалось либо вырваться отсюда, либо ждать удобного случая, который и подвернулся когда Ковалоччо увернулся от сильного прицельного удара сверху по плечу, воспользовавшись незащищенностью груди приставил клинок и с силой отпихнул, можно даже сказать откинул барона назад, чуть не свалив на спину. Ударил по клинку, пока тот не успел им что-либо предпринять. Получилось отчасти и по голой руке.

Рено, видя как по чем зря избивают «старика» кинулся с рапирами на подмогу.

Ковалоччо тем временем выбил так и не поднявшуюся шпагу, как в это время Рено с разбегу стегнул его железным прутом как плеткой по плечу так, что заставил его вскрикнуть от боли и обиды. В порыве гнева Ковалоччо захотелось отдубасить их обоих, плевать на найм. Приступил к этому как только отбил рукояткой такой же стеговый удар второй рапиры и в ответ шарахнул Рено по голове, который уже остановился, почувствовав что погорячился. Помимо головы, ему еще достался удар рукоятью в грудь, то бишь в солнечное сплетение.

Ковалоччо вышиб одним ударом обе рапиры из рук задыхающегося Рено и уже занес над ним свою шпагу, как сам получил крепкий удар кулаком барона в грудь и свалился в угол, сильно забившись головой. От обиды у него даже слезы из глаз выступили.

Видя снизу что его ступня находится за ногой барона, другой ступней надавил на колено, и тому пришлось подчиниться боли, он по-стариковски свалился назад.

Рено все еще не мог разогнуться, вздохнуть свободно. Ковалоччо так же еле держался на ногах, опираясь на стену. Как победитель он ни за что не мог позволить себе ретироваться отсюда.

Больше всего досталось зачинщику и барон понимал это. Итальянец был ни при чем, но он считал себя вправе помочь Рено, не дать его тому избить, раз уж Рено так самоотверженно кинулся ему на помощь.

– Ну парень. – беззлобно проговорил барон, вставая на ноги, – Уж если сразу не сумел отбить, зачем вдаваться в психи. Это что же ты каждый раз будешь кидаться, когда мой Франсуа будет тебя поколачивать?

Ковалоччо все еще находился в крайнем расстройстве, но помог поднять Рено и отвести на диван. Пока Ковалоччо наливал в стакан-крышку графина воды и подошел к пострадавшему, Рено уже лежал на диване укрытый и с удовольствием принял поднесенное.

Вошла тетушка Антиген с экономкой. Принесли ужин. Рено прикинулся спящим, а им пришлось ставить стол и накрывать скатертью.

Пока здесь только присаживались к столу, а в предпоследней от конца дома комнате, уже полезли снимать ковер, что означало окончание трапезы.

В том месте, где поработал Гийоме, брешь была заложена ватой, плотными длинными слоями. Сам же Гийоме стал их аккуратно вытаскивать и складывать на угол. Далее, мотки ваты пошли плотнее, формой наподобие кирпичиков, плотно забивали внутренность лаза.

Гийоме углублялся все дальше и дальше, подавая назад уже мотки ваты с тряпьем.

Аньян недоумевал: «где же щель, что была между домами?». Потом догадался что она предусмотрительно заделана гипсом.

Освободив наконец узкую боковую щель, выполнявшую функции как слуховой, так и смотровой щели приставил к ней ухо, не собираясь убирать остальную вату, облокотившись на нее сразу же, услышал разговор.

– О... ну что вы! Нет... нет, – говорил де Морне в обходительном тоне, что-то сказал и после, но значительно тише, так что расслышать было невозможно.

– Сейчас такая промозглая погода стоит, такие холода! – говорил второй, чью личность Гийоме пожелал разглядеть глядя через щель и скрывающий ее гобелен. – А меня как на зло посылают экспертизы устраивать. И нисколько даже мне не льстит что я их начальник, что мне все решать за них. Одно утешение, что назначил меня на эту должность сам министр полиции граф д'Аржансон!

– О! – засмеялся с прикряктыванием де Морне, понимающим тоном. – Вас непременно скоро повысят еще раз! А чтобы вам не так было холодно в пути, возьмите для всей вашей честной компании, для согреву.

Гийоме увидел сквозь шелковое посиненное полотно из-за угла, а точнее бока серванта, что низкий с лысиной человек, в общем судейский с бородавкой или родинкой на подбородке, как полагается принимает что называется «гремучий кошель».

«Тысяч десять» – потом еще немного подумал, решил. – «Пять».

– Будем непременно благодарны. – в ответ с таким же тихим смешком, и подловатым выражением лица, отвечал служитель Фемиды.

– И вот еще что. Вы конечно не подумайте, упаси вас боже, что я имею к тому хоть какое-то причастие, мэтр Горше, просто я нахожусь в таком положении, что на меня легко все свалить, сами понимаете... Так что мне нужно, мне нужно как следует о вас позаботится, – де Морне провожая, похлопывал гостя по плечу. – На улице вас ждет еще один сюрприз. Экипаж вашего друга я отослал, домой поедете на моем... простите, теперь уже на вашем.

Выходя за дверь, они продолжали говорить о кое-каких нюансах.

Аньян так же все отлично слышал.

– Если он и дальше будет продолжать в том же духе, он, слава Богу, выиграет. У него это хорошо получается. – шепнул он сзади в спину Гийоме, так как проход был не достаточно широк, для того чтобы пролезть в него и второму.

– Радоваться нечему, из секретера утекли еще тысяч пять.

Вылезая Гийоме подумал что разговаривать было не нужно, так как в кабинете мог остаться Манден, который не принимал участия в разговоре.

Когда лаз был забит всей ватой, Гийоме спустил коврик, пошел уселся на свое кресло возле камина.

– Знаешь., я тебе могу рассказать одну забавную историю, – начал, как обычно шепотом Аньян.

– Я проезжал по Вандому и издали заметил, что горит кабак. Поехал конечно туда, сам понимаешь как хорошо погреться и посмотреть. Горел только второй этаж и я зашел на первый, может думаю что-нибудь достану, пока там еще не опасно. Там паника конечно, продукты все на улицу стаскивают.

– Давай быстрее свою забавную историю рассказывай.

– Да постой ты, слушай дальше. Знаешь где в это время был кабатчик? Чем он занимался?

– Уж естественно не торговлей.

– Он в это время находился в погребе и вынес оттуда деньги.

– Какова же мораль?

– В минуту опасности, человек кинулся спасать самое для него важное.

– Допустим. И что ты хочешь этим сказать? – говорил начинающий засыпать Гийоме. – Мы подождем дом и выхватим завещание, когда де Морне с ним выбежит?... Мне наверное сейчас приснится этот комик с горящей одеждой и горящим завещанием в руках.

– Гийоме, я знаю как узнать где оно находится.

– Весь сон сбил! Полегче со словами.

Глава XV. Меч – сувенир

На следующий день, точнее утро, раннее по времени, но обыкновенно светлое по натуре, барон д'Обюссон проснулся раньше всех.

Первое ощущение тишины было тем непривычнее, что от него звенело в ушах. В прежние раза хоть шел дождь или дул ветер. За отсутствием таких шумов слышался звон исходящий не далее чем из головы.

Однако хоть и было тихо, все же чувствовалось что как-будто что-то бесшумно падает. Поднял голову: и точно – шел снег, отчего и было так светло. Видно к утру он уже ослабел и падал редкими большими мухами.

Глаза слепило и поэтому барон перевел взгляд. Посмотрел на диван, на котором спали валетом, укрывшись одним одеялом Рено и Ковалоччо. Неожиданно его взгляд упал на лицо итальянца, безмятежное и в то же время строгое.

Ему было года двадцать два – двадцать три, немногим больше чем Франсуа и поэтому они бы могли близко сдружиться, что непременно раскрасило бы проживание сына в этой провинциальной дыре, коей являлся Обюссон, по сравнению с Парижем.

Франсуа не уезжал из Обюссона по двум причинам: осложнившейся болезни раны из-за сна под дождем и то что он решил бросить учебу в университете, полный радужных представлений от открывающихся в его жизни возможностях, связанных конечно же с наследством покойного.

Затянувшаяся болезнь сына очень беспокоила барона и он решил послать к нему Ковалоччо, не столько для того чтобы подучить фехтовальному искусству, сколько разнообразить его времяпрепровождение и тем помочь его выздоровлению.

Нужно было как можно скорее послать молодого итальянца, и вместе с ним подарок к именинам, но какой? То накупленное им оружие не в счет, а что ему можно купить по его вкусу, как не отличную дорогостоящую шпагу, чтобы она надолго у него осталась.

«Хватит лежать, пора вставать» – сказал сам себе про себя, барон, тихо вставая со своей кровати. Быстро и бесшумно оделся. В комнате с красными обоями открыл секретер и достал оттуда деньги. Разбудил слугу, который спал в прихожей, подождал пока тот оденется, вышел с ним на улицу.

Чистый свежий воздух вывел его из состояния сонливости, и он вскоре перестал зевать. Приятно было пройтись по тонкому снегу толщиной не больше дюйма, слышать как хрустит под ногами. Пора было доставать из привезенных чемоданов зимнюю одежду, подумал барон глядя на себя.

Снег уже перестал падать. Небосвод был затянут сплошной пеленой серо-белых облаков. Как ни далеки были Мибрейские конюшни, они с Мишелем пришли к ним даже не заметив расстояния, которое покрыли. Когда путь приятен и желателен: он становится коротким.

Работники быстро запрягли их коней в кабриолет и они тотчас поехали в нужное место. Кучеру даже не пришлось говорить куда, так как он заранее знал о том, что приметил барон. Согласовываясь с картой Парижа Мишель ехал к магазинчику, где по слухам продавались отличнейшие вещи. Остановились.

– Прибыли, господин д'Обюссон, только он сейчас еще закрыт.

– Вижу – знаю.

Сначала барон решил прогуляться, но навязчивая мысль что итальянец чего доброго уйдет, так и лезла в голову. Приходилось спешить и он постучал кулаком в дверь несколько раз.

«Сейчас и можно будет обстоятельно поговорить» – оправдывал он свое раннее вторжение.

Никто не открывал... А раз уж начал стучаться, то решил не отступаться и постучал еще раз.

Никто не отвечал... Еще простояв немного решил ждать открытия уняв свою навязчивость, и как раз в этот момент к полной неожиданности дверь магазинчика стала открываться. Он подумал что лучше бы это время использовать на прогулку, ждать и так не долго оставалось.

В дверях появился заспанный лавочник, сам хозяин. Это барон сразу определил чутьем на лики состоятельных, обычно отличающихся от простолюдинов, хотя бы выражением лица, а может быть более всего тем, что смотришь на него другими глазами, когда видишь как он одет. Одет был лавочник просто, был виден лишь халат, но и по ткани можно было определить, что видишь среднего мира сего.

Судя по мягкому выражению лица, человек в халате возмущаться не собирался.

– Вам что, господин? Вы желаете срочно что-нибудь приобрести?

Не успел он ответить положительно, как дверь открылась настежь, давая проход барону. После чего она так же машинально за ним закрылась, ведь было холодно.

Пройдя холл-проход, барон оказался в широком квадратном зале с прилавками по краям, окинул взглядом оружейные стенки, где висели различные по фасону, орнаментировке и предназначению, различного качества шпаги, кривые турецкие сабли, рапиры, кинжалы, ножи, пики, арбалеты и даже в одном месте лук со стрелами в колчане.

Кроме того в ящичках имелось огнестрельное оружие, самые новейшие образцы, поштучно и в наборе.

На полках было навалено много кирас, шлемов, кольчуг, даже простых перчаток, вобщем всякое хламье. Разбираться во всем этом, что здесь действительно являлось экземпляром, он не собирался, даже высокие цены показались малоубедительны.

«В этом скопище конечно же ничего нет, истинные образцы лежат обособленно» – подумал барон и решил спросить насчет этого, но сначала стал внимательно всматриваться в то, что находилось перед ним.

Лавочник был один, служащие еще не пришли и ему приходилось выступать во всех ролях: продавца, кассира, но в первую очередь соглядатая.

Хотелось спать и поэтому подумал поскорее выпроводить раннего покупателя. Он стал демонстративно зевать, пока покупатель приглядывался и трогал товары.

– Покажите мне настоящую работу. Самые лучшие образцы.

– Так вот... все что есть, лежит перед вами.

– Тут ерунда лежит, покажите что вы держите отдельно. – сразу вспыхнул барон, дабы добиться своего.

Видя что если начать спорить, то уснуть ему пожалуй не удастся, да и настроение на целый день испортится, пошел за прилавок и достал три шпаги, немногим лучше остальных.

– Тридцать луидоров каждая. – произнес лавочник, кладя действительно хорошие и несомненно привлекательные образцы. – Подарочной модели.

– Сударь, скажите искренно, что этот род шпаг, только для показухи, перед дамами. Ими опасно схватываться не так ли?

Владелец магазина под сонное настроение уже о чем-то успел задуматься и расслышав лишь последнее: да-кнул.

– Ну раз так, то забирайте их обратно и покажите мне совершенство во всех отношениях.

Владелец магазина понял, что попался из-за невнимательности. Перед ним стоял истинный знаток оружия и обмануть его было невозможно.

Пошел еще раз, и то что принес так же положил перед ним.

– Это самое лучшее, что я могу вам предложить, или одно из самых лучших. – ответил лавочник опять рассеянно, своей обычной фразой, так не уместной в данном случае.

– А мне нужна самая лучшая. – вручая оружие обратно потребовал барон, который по идее и сам не знал чего хотел. Но это по ходу дела должно было определиться.

Показывать самую лучшую вещицу магазина явно не хотелось. Тогда он достал еще одну, открыв один из секретеров в стене. То был просто клинок, без ножен и сомнительной прочности.

– Еще раз вам скажу. Моему сыну исполняется девятнадцать и всякий лом ему дарить мне бы не хотелось. Нужен образец во всех отношениях более чем отличный, пока же я видел только обратное.

– Больше ничего нет, извините.

Барон д'Обюссон почувствовал как в нем закипело недовольство.

– Вы совершенно не хотите предоставить мне то что я требую. Как может не оставаться лучшей шпаги, когда эта явно хуже тех трех. А вы сначала дернулись значит за самой наилучшей. Вы скрываете от меня и этим очень оскорбляете!!!

Громоподобный недовольный голос нисколько не смутил лавочника. Он подумал раз покупатель гонится за красотой подарка, то пошел отцепил шпагу со стены, в грудe других и подал. Она была по изящности лучше остальных, но раз она висела вместе с другими шпагами, то уже только поэтому не подходила.

Барон вынул клинок из ножен и попробовал погнуть о колено, совсем не гнется.

– Что вы мне сунули, она хрупкая как лед, эта ваша железка.

– Она хрупкая?! Вы только что сами изволили убедиться что это совсем не так.

– А что вы из меня дурака делаете, этой шпажонке грош цена, чуть удар посильнее, разлетится вдребезги.

В подтверждение своих слов барон со всей силы ударив о колено действительно разломил оное оружие, очень довольнo расхохотавшись.

– За сломанное платить нужно, сударь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.